

«Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: *Квачков В.В.* Спецназ России. @ Военная литература, 2004.

Книга на сайте: militera.lib.ru/science/kvachkov_vv/index.html

Иллюстрации: нет

OCR: Андриянов П.М. (assaur1@mail.ru)

Правка: [sdh\(glh2003@rambler.ru\)](mailto:sdh(glh2003@rambler.ru))

Дополнительная обработка: [Hoaxer\(hoaxer@mail.ru\)](mailto:hoaxer@mail.ru)

[1] Так обозначены номера страниц во фрагментах книги и документов в приложениях. В каждом фрагменте своя пагинация.

{1} Так обозначены ссылки на примечания.

{*1} Так обозначены ссылки на постраничные примечания.

Квачков В.В. Спецназ России. @ Военная литература (militera.lib.ru), 2004.

Ноахер: автором анализируется история, теория и практика специальных действий в военном искусстве дореволюционной России (начиная от доордынских времён), в советское время. Целый раздел («Теория специальных операций») посвящён современному состоянию дел в этой отрасли военного искусства.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Об авторе

Часть первая. Специальные действия в военном искусстве дореволюционной России

- 1.1. Действия войск на территории противника до 1700 года
- 1.2. Развитие специальных действий: 1700–1811 годы
- 1.3. Теория и практика специальных действий: 1812–1860 годы
- 1.4. Теория и практика специальных действий: 1861–1917 годы

Часть вторая. Специальные действия в военном искусстве советского времени

- 2.1. Теория и практика специальных действий РККА: 1918–1937 годы
- 2.2. Содержание и формы специальных действий: 1938–1950 годы
- 2.3. Теория и практики специальных действий: 1951–1991 годы
- 2.4. Существенные и отличительные признаки специальных действий

Часть третья. Теория специальных операций

- 3.1. Специальный метод ведения войны. Формы геополитического противоборства
- 3.2. Общие положения теории специальной операции
 - 3.2.1. Классификация специальных действий
 - 3.2.2. Принципы специальных действий
- 3.3. Правовое обеспечение специальных действий

Приложения

Примечания

ОБ АВТОРЕ

Родился 5 августа 1948 года в пос. Краскино Приморского края в семье военнослужащего. Детские годы прошли в г. Уссурийске, куда был переведен отец для прохождения службы. В 1959 году поступил в ДСВУ, по окончании которого в 1966 г. его зачислили в Киевское ВОКУ. Одна из наиболее отчетливо сохранившихся в памяти картин — травма, полученная однокашником Аркадием Кисловым в результате небрежного обращения с осветительным патроном. Выстрел угодил в бедро, Аркашу пришлось срочно госпитализировать. Все присутствовавшие при этом кадеты были шокированы. Парень потерял много крови, но всё обошлось.

По окончании КВОКУ в 1969 году отправился в Псков в бригаду специального назначения, где служил командиром группы, командиром взвода. Потом служил в ГСВГ опять же в бригаде спецназ. ГСВГ поменял на ЗабВО, служил комбатом в поселке Мирном. В 1978–1981 г.г. — слушатель ВАК им. Фрунзе. С 1981 — старший офицер в разведуправлении ЛенВО. В 1983 году — командир спецназовской бригады в ограниченном контингенте советских войск в ДРА. (Паншер, Газни). В 1983 году там же в сбитом душманами вертолете погибает однокашник Олег Кричевский, бывший в ту пору военным советником. В 1983 г. В.Квачков получает контузию и проходит длительный период лечения и реабилитации в Крыму. Награжден орденом Красной Звезды.

В 1984–1986 году служит в бригаде в Пскове. В 1986–1989 гг. — начальник штаба бригады в ГСВГ, а с 1989 года командует бригадой в ТуркВО. Участвует в боевых действиях в горячих точках: Азербайджан (1990 г.), Таджикистан (1992 г.). Награжден орденом Мужества. В 1992 году на базе соединения проводятся съемки знаменитого фильма «Черная акула», в которых вместе с Квачковым снимается командовавший в ту пору воздушно-десантной дивизией Герой Советского Союза генерал-майор Востротин (СвСВУ). В 1994 г. трудится в одном из главных управлений Генерального Штаба. Уволен в запас в 1998 г.

С тех пор по настоящее время трудится старшим научным сотрудником Центра военно-стратегических исследований министерства обороны РФ. Кандидат военных наук. Будучи служащим, вновь награжден орденом (1999 г.) Полковник запаса. Готовит докторскую диссертацию, связанную с проблематикой спецопераций.

Источник: Уссурийское Суворовское военное училище

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Исследование истории специальных действий предполагает их периодизацию.

Для этого необходимо:

во-первых, найти признаки действий воинских формирований, по которым отнести такие действия к специальным и определить их форму;

во-вторых, осуществить поиск в истории военного искусства форм специальных действий в тылу противника, которые имели бы свойства развития, т.е. представляли собой «необратимое, направленное, закономерное изменение»^{1};

в-третьих, установить границы исторических отрезков, в рамках которых происходили те или иные существенные изменения в содержании и формах специальных действий;

в-четвертых, определить факторы, влиявшие на ход исторического и логического развития форм специальных действий в рамках тех или иных периодов или этапов.

1.1. ДЕЙСТВИЯ ВОЙСК НА ТЕРРИТОРИИ ПРОТИВНИКА ДО 1700 ГОДА

По известному преданию, в 13 веке до н.э. в чреве огромного деревянного коня отборные греческие воины проникли в Трою, перебили ночью охрану и открыли своему войску крепостные ворота. Выражение «троянский конь» до сих пор является нарицательным для обозначения обманных действий по скрытному проникновению на вражескую территорию и нанесению ущерба противнику.

Метод ведения войны, когда победа достигается не преодолением вооруженного сопротивления в открытом бою, а путем лишения противника способности к сопротивлению иными действиями был известен еще скифам. В 512 году до н.э. (по Геродоту) семисоттысячное войско персидского царя Дария вторглось в причерноморские степи. Посоветовавшись, скифские военачальники решили «не входить с персами в открытый бой, а стали отступать перед Дарием вместе с семьями, кочевыми кибитками, стадами скота, все дальше удаляясь в бескрайнюю степь, а по дороге засыпали колодцы, выжигали траву. Так скифы перешли за Дон, стали подниматься к Волге. Преследуя противника по опустошенной скифскими отрядами земле, войско Дария полностью утратило боеспособность и еле унесло ноги назад за Дунай»^{2}.

Русское государство на протяжении всей своей истории было вынуждено содержать значительные военные силы для охраны границ от набегов своих южных и восточных соседей, а также организовывать ответные набеги донских и запорожских казаков. Одним из древнейших способов ведения боевых действий являлся набег, который заключался во внезапном нападении на противника на его территории. «Набег готовился в тайне от противника, а затем осуществлялся стремительным, коротким ударом в целях захвата пленных, уничтожения живой силы противника, нарушения его коммуникаций, разрушения важных объектов и т.д.»^{3}.

Однако за отправную точку исследования истории появления специальных действий, или по выражению Д.В. Давыдова «постепенного усовершенствования партизанства»^{4}, необходимо взять, правда с серьезными оговорками, действия отдельных отрядов войск в период Тридцатилетней войны (1618–1648). Именно тогда партизанами (от французского «partie» — партия, часть, отряд) стали называть воинов из состава отрядов наемных войск и бродячих дружин, поступавших на известных условиях на службу к тому или другому владельческому князю. Действия отрядов осуществлялись в форме набегов без всякой взаимной связи и единства. Эти

отряды вступали в открытый бой с главными силами противника, занимались весьма продолжительное время осадами городов и укрепленных пунктов или их обороной, не имея никакого общего плана действий.

В этой войне впервые намечается переход от системы снабжения войск путем реквизиций и контрибуций к системе их централизованного снабжения. Однако хотя шведский король Густав-Адольф уже закладывал в ходе Тридцатилетней войны магазины для довольствия войск, объектом воздействия противоположной стороны они еще не стали. Поэтому действия отрядов во время Тридцатилетней войны не имеют основных признаков специальных действий. Магазиновая система снабжения войск как совокупность специально создаваемых складов и магазинов появилась и закрепились только в конце XVII и начале XVIII века и стала составлять операционную базу армии, которая в свою очередь стала основным объектом воздействия воинских формирований в тылу противника. Когда обнаружилась уязвимость этой системы от внешних воздействий, тогда и возникла необходимость в специальных действиях.

Эпоха Тридцатилетней войны представляет собой, скорее, пример ведения малой, а не партизанской войны. Например, граф Мансфельд набирает в Верхнем Пфальце 20-тысячную армию, которая, занимаясь грабежами и разбоем, заставляет трепетать в страхе местное население княжеств. Такую же численность имели и другие отряды, действия которых «сопровождались полным опустошением края и бесчеловечным разорением жителей». Эти отряды вступают в открытый бой с главными силами противника, занимаются весьма продолжительное время осадами городов и укрепленных пунктов или их обороной, не имея никакого общего плана действий. Единственный признак, по которому их действия напоминают партизанские, является их полная самостоятельность и отсутствие какой бы-то ни было взаимосвязи с действиями других войск и сил. По сути, это бродящие по театру военных действий крупные отряды, никому не подчиняющиеся и ни к чему, кроме наживы, не стремящиеся.

Во время Сконской войны 1675–1679 г.г. между Данией и Швецией по призыву датского короля Кристиана V возникло движение вольных стрелков. Офицерам датской армии выдавались патенты на формирование вооруженных отрядов из крестьян и ремесленников на оккупированной шведами датских провинциях Сконе, Блекинг и Халланд. Когда на территориях провинций появились датские войска, отряды вольных стрелков были объявлены составной частью армии. Отдельные признаки специальных действий можно найти в других видах боевых действий войск на территории противника.

Таким образом, исторический обзор некоторых действий войск различных армий на вражеской территории до начала VIII века говорит о том, что в военном искусстве с древних времен целенаправленно или случайно для достижения победы над противником использовался иной порядок ведения войны и использования армии. В содержании, формах и способах действий войск на территории противника можно найти такие признаки, которые отражают их сущность и позволяют отличать их от открытого боя или битвы. К ним можно отнести специальные цели боевых действий и методы их ведения, которые заключались не в уничтожении противника в открытой битве, а в его изнурении систематическими набегами на его тыл, лишении необходимых запасов воды, продовольствия и фуража. Достижение целей характеризовалось выполнением задач такими специальными способами как набег, засада, разрушение колодцев и других объектов системы водоснабжения. Отмечаются также некоторые особые принципы ведения таких действий войсками. К ним можно причислить уклонение от открытой битвы с противником, а также полную самостоятельность действий вооруженных отрядов в тылу противника.

1.2. РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ: 1700–1811 ГОДЫ

Первой войной, в которой собственно и зародился такой вид боевых действий как специальные действия, является война между Россией и Швецией в 1700–1721 гг., известная под названием

Северная война. Отсюда и нужно вести отсчет первого этапа в развитии специальных действий. «На театре войны в России мы встречаем человека, гений которого не только сознал идею партизанской войны и то громадное значение, которое она может иметь, но который сумел более успешно и применить ее, чем то было на Западе. Мы говорим о Петре I.»- так писал в своем исследовании «Партизанская война» в 1885 году тогда еще начальник Оренбургского казачьего юнкерского училища полковник, впоследствии генерал-лейтенант Ф.К. Гершельман⁽⁵⁾.

Северная война вообще представляет со стороны русских широкое применение кавалерии для достижения стратегических целей. Именно в рамках применения кавалерийских частей мы находим примеры боевого применения войск со специальными целями в тылу и на флангах противника. А если учесть, что борьба против шведского нашествия приобрела характер войны за национальную независимость и действия регулярной армии сочетались с действиями населения, то надо признать Северную войну прообразом войны 1812 года с точки зрения развития форм военных действий в тылу противника.

Так, в декабре 1706 года в Жолкиеве Петр I созвал Военный совет, на котором было принято решение «встретить противника в Польше», но сражения там не давать, а «на переправах и партиями, также оголожением провианта и фуражу томить неприятеля»⁽⁶⁾. Таким образом, план действий состоял в том, чтобы при наступлении Карла XII уклоняться от боя в пределах Польши и, отступая к своим границам, изнурять противника постоянными нападениями легких отрядов, лишая его средств продовольствия, всячески препятствовать передвижению неприятельской армии. Тот факт, что Петр Великий вполне осознал важность такого нового явления как воздействие на тыл и тыловые коммуникации противника, признавал стратегическое значение специальных действий в этой борьбе, подтверждается учреждением им в 1701 году специального корпуса, предназначенного для действий на сообщениях неприятеля, так называемого «корволанта». Корволант (от французского «corps volant» — летучий корпус) представлял собой войсковое соединение из легкой кавалерии и пехоты, перевозимой на лошадях. Его состав, численность, организация и назначение лучше всего определяются главой шестой «Устава воинского», изданного Петром 30 марта 1716 года: «Корволант (сиречь легкий корпус), которое либо тако уже было или от великой армии в несколько тысяч отдеташтовано (или отделено) бывает, и отдается к некоторому делу в команду генералу, либо у неприятеля для пресекания или отнимания паса, или оному в тыл идти, или в его землю впасть и чинить диверсию»⁽⁷⁾. Корволант вошел в русскую военную историю своей победой над шведским корпусом под Лесной. Но для нас важно, что впервые в военной теории и практике были сформированы части, специально предназначенные для действий в тылу противника в составе небольших отрядов, а военачальникам было предписано предусматривать создание таких легких отрядов.

Таким образом, в Северной войне между Россией и Швецией появились специальные боевые действия регулярной армии, которые находились вне принятых в военном искусстве основных видов боевых действий — наступления или обороны. Целью этих действий, по замыслу Петра Великого, являлось не уничтожение или разгром противника в открытом бою, а изнурение его постоянными нападениями легких драгунских отрядов и снижение боевой способности посредством лишения противника продовольственных и других припасов. Формой таких действий продолжал оставаться бой, однако в его содержании обозначились некоторые существенные особенности: полная самостоятельность действий отряда, возможность немедленного прекращения нападения на противника и выход из боя.

Партизанские (специальные) действия войск в тылу противника имели самостоятельное значение, а Петру I и русской армии принадлежит честь первооткрывателя, честь первого применения идеи специальных действий. Характерными чертами первого этапа можно считать:

- достижение стратегических специальных целей в той или иной кампании ведением драгунской кавалерией действий, направленных исключительно на нарушение коммуникаций противника и других объектов тыла противника;

- тесную связь действий отрядов войск в тылу противника с главными операциями армии в соответствии с замыслом командующего.

Достаточно большая численность отрядов позволяла им выполнять поставленные задачи и в открытом бою, она не требовала применения специальной тактики действий. Кроме того, при организации боевого применения воинских формирований в тылу противника группировка специальных сил и средств в тылу противника не создавалась. Кавалерийские отряды выполняли задачи как в тылу противника, так и действовали в качестве линейных войск.

Некоторое подобие таких действий можно найти в войне за Испанское наследство, кордонная стратегия которой предусматривала нанесение главных ударов по крепостям и коммуникациям, а не по живой силе противника. Этот способ ведения войны просматривается в действиях французов против австрийской армии Евгения Савойского в 1707 году и самого Е. Савойского в Лотарингии и в Шампани в 1712 году.

Дальнейшее развитие специальных действий произошло в период Силезских войн (1740–1748 г.г.). Австрийская эрцгерцогиня Мария Терезия смогла поднять на защиту своего трона сербов, хорватов, других австрийских подданных, в числе которых были такие партизаны как Менцель, Морац, Тренк, Франкини, Надасди Лаудон. Их легкие отряды действовали на территории всей Германии. Окружая армию Фридриха, они прерывали все ее сообщения, затрудняли подвоз боеприпасов и продовольствия, не допускали ведения кавалерийской разведки, постоянными тревогами изнуряли врага. Действиями легких кавалерийских отрядов в тылу и на флангах неприятеля достигались важные стратегические цели.

Примером таких действий могут служить действия Лаудона под Торпау при осаде Фридрихом крепости Ольмюц. К июню 1758 года, австрийские легкие отряды партизанскими действиями довели осаждающие крепость прусские войска до острой нужды в боеприпасах и продовольствии (уникальный случай: не осаждаемые голодали, а осаждающие!). Для продолжения осады из Тропау в Ольмюц под прикрытием 12 батальонов и 1100 человек конницы был отправлен транспорт, состоящий из 4000 повозок с провиантом, снарядами и казной. На пути движения транспорта и разместил свой отряд Лаудон. Заняв господствующие высоты и лес, через который пролегалла дорога, отряд в двухдневном бою разгромил транспорт, в результате чего осада была снята.

Успешные действия небольших отрядов противника заставили Фридриха принять меры для совершенствования своей легкой кавалерии. Свои легкие войска он организационно свел в отдельные батальоны и, по образцу австрийских, в гусарские полки. В их задачу входило — прикрывать армию на марше, вести разведку, прикрывать развертывание войск в боевой порядок, одним словом, выполнять задачи «малой войны». Вначале им ставится задача прикрытия от неприятельских партизанских отрядов. Впоследствии эти же легкие войска начинают сами действовать в роли партизанских отрядов в тылу австрийской армии, а затем и русской армии в Семилетнюю войну. В начале кампании 1759 года главные операции Фридриха сами по себе носили характер партизанских набегов на магазины противостоящих армий. Так, в феврале прусский король высылает отряд Венерснова из 3500 человек пехоты, 1500 человек конницы при 12 орудиях с целью уничтожения магазинов русской армии. В результате действий отряда трехмесячная порция запасов на 50-тысячную армию была уничтожена, а отряд благополучно вернулся в расположение своих войск.

В Семилетнюю войну в качестве командира небольшого отряда, действующего в тылу и на флангах противника, впервые отличился подполковник А.В. Суворов. По мнению военного историка Н.С.

Голицына именно с успешных партизанских действий в тылу противника начал свою военную карьеру будущий великий полководец^{8}. К сожалению, русские генералы, унаследовавшие регулярную армию от ее организатора и полководца Петра Великого, не сумели вникнуть в смысл его новой идеи и оценить ее значение. В Семилетнюю войну действия русских войск в тылу противника и слабы по выделяемым силам и средствам, и мелки по целям и задачам.

В 1756 году в британской колониальной армии в Северной Америке появились первые подразделения рейнджеров (от староанглийского «gaungers» — лица, совершающие большие пешие переходы — егеря, охотники, лесники). Инициатором их создания и командиром первого отряда был майор Р. Роджерс. Созданные им несколько рот королевских рейнджеров комплектовались по принципу добровольности и предназначались, главным образом, для борьбы с индейскими племенами. В основу тактики были положены заимствованные у индейцев правила действий на вражеской территории.

Свою известность рейнджеры получили в 1759 году после похода отряда численностью около 400 человек по территории противника, в ходе которого они уничтожали французские гарнизоны и поселения индейцев-гуронов. Однако по уровню воинской дисциплины отряд мало, чем отличался от банды разбойников. Поэтому, когда началась война за независимость, Дж. Вашингтон заявил, что бандитам — рейнджерам не место в регулярной армии колонистов, и отказался от услуг Р. Роджерса, ставшего к тому времени генералом^{9}.

Период войн Наполеона характеризуется переходом от магазинной системы обеспечения войск к реквизиционному способу, и существенных изменений во взглядах на боевое применение войск в тылу противника не принес. Тем не менее, в кампании 1807 года можно найти примеры успешных действий русских войск в тылу противника хотя бы уже потому, что Наполеон, выведенный из терпения постоянными нападениями казаков, называет их в одном из своих бюллетеней «посрамлением рода человеческого (la honte de l'espèce humaine)».

Таким образом, характерной чертой первого этапа можно считать появление некоторых отличительных признаков специальных действий:

- достижение стратегических специальных целей в той или иной кампании ведением боевых действий, направленных исключительно на нарушение коммуникаций противника и других объектов тыла противника;
- тесную связь действий формирований в тылу противника с главными операциями армии в соответствии с замыслом командующего;
- разделение специальных действий на два вида — действия в тылу противника легких отрядов и противодействие им в своем тылу.

1.3. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ: 1812–1860 ГОДЫ

Отечественная война 1812 года явилась началом второго этапа в развитии специальных действий. Инициатива использования частей регулярной армии в тылу французов для ведения партизанской войны в составе воинских формирований в Отечественной войне 1812 года бесспорно принадлежит командиру батальона Ахтырского гусарского полка подполковнику, впоследствии генерал-лейтенанту Денису Васильевичу Давыдову, ставшему командиром первого армейского партизанского отряда. В середине августа им было отправлено письмо Главнокомандующему 2-й Армией князю П.И. Багратиону, у которого он долгое время был адъютантом, и 21 августа произошла встреча. Вот как описывает те события Д.В. Давыдов в своих воспоминаниях:

«Ваше сиятельство! Вам известно, что я, оставя место адъютанта вашего, столь лестное для моего самолюбия, и вступя в гусарский полк, имел предметом партизанскую службу и по силам лет моих, и по опытности, и, если смею сказать, по отваге моей. Обстоятельства ведут меня по сие время в рядах моих товарищей, где я своей воли не имею и, следовательно, не могу ни предпринять, ни исполнить ничего замечательного.

Князь! Вы мой единственный благодетель; позвольте мне предстать к вам для объяснений моих намерений; если они будут вам угодны, употребите меня по желанию моему и будьте надежны, что тот, который носил звание адъютанта Багратиона пять лет сряду, тот поддержит честь сию со всею ревностью, какой бедственное положение нашего Отечества требует.

Денис Давыдов».

* * *

«Двадцать первого августа князь позвал меня к себе, представ к нему, я объяснил ему выгоды партизанской войны при обстоятельствах того времени. «Неприятель идет одним путем, — говорил я ему, путь сей протяжением своим вышел из меры; транспорты жизненного и боевого продовольствия неприятеля покрывают пространство от Гжати до Смоленска и далее. Между тем обширность части России, лежащей на юге Московского пути, способствует изворотам не только парий, но и целой нашей армии.

Что делают толпы казаков при авангарде? Оставя достаточное число их для содержания аванпостов, надо разделить остальное на партии и пустить их в средину каравана, следующего за Наполеоном. Пойдут ли на них сильные отряды? — Им есть довольно простора, чтобы избежать поражения. Оставят ли их в покое? — Они истребят источник силы и жизни неприятельской армии. Откуда возьмет она заряды и пропитание? — Наша земля не так изобильна, чтобы придорожная часть могла пропитать двести тысяч войска; оружейные и пороховые заводы — не на Смоленской дороге. К тому же обратное появление наших посреди рассеянных от войны поселян ободрит их и обратит войсковую войну в народную.

Князь! Откровенно вам скажу: душа болит от вседневных параллельных позиций! Пора видеть, что они не закрывают недра России. Кому не известно, что лучший способ защищать предмет неприятельского стремления состоит не в параллельном, а в перпендикулярном или, по крайней мере, в косвенном положении армии относительно к сему предмету? И потому, если не прекратится избранный Барклаем и продолжаемый светлейшим род отступления, — Москва будет взята, мир в ней подписан, и мы пойдем в Индию сражаться за французов!..»

Князь прервал нескромный полет моего воображения; он пожал мне руку и сказал: «Нынче же пойду к светлейшему и изложу ему твои мысли»^{10}.

М.И. Кутузов вначале отнёсся скептически к предложению послать в тыл французов многотысячный партизанский отряд, но 22 августа, т.е. за 4 дня до Бородинского сражения все-таки разрешил отправить в тыл противника одну партию численностью в 200 человек.

Боевое применение отряда было организовано на основании письменного распоряжения, в котором указывалось:

«Ахтырского гусарского полка подполковнику Давыдову. С получением сего извольте получить 150 казаков от генерал-майора Карпова и 50 гусар Ахтырского гусарского полка. Предписываю Вам употребить все меры к тому, чтобы беспокоить неприятеля со стороны нашего левого фланга и стараться забирать фуражиров его не с фланга только, а и с середины, и с тыла; расстраивать обозы, ломать переправы и отнимать все способы. Словом сказать, полагаю, что приобретаю столь важную доверенность, потщитесь Вы расторопностью и усердием оправдать ее. Впрочем, как и на словах вам мною приказано было, извольте лишь меня обо всем рапортовать, а более никого. Рапорты доставляйте при всяком удобном случае. О движениях Ваших никому не должно ведать, — в самой непроницаемой тайности старайтесь держать. Что же касается до продовольствия команды Вашей, — сами имейте о ней попечение.

22 августа 1812 г. На позиции.

Генерал от инфантерии кн. Багратион»{11}.

Из этого распоряжения первому партизанскому отряду видны особенности, характерные для организации и проведения специальных действий, — ограничение круга лиц, допущенных к сведениям о действиях сил и средств в тылу противника, повышенные требования к скрытности, особый порядок обеспечения и доклада результатов действий. Таким образом, при подготовке боевого применения отряда был применен особый порядок его обеспечения и управления, что является одним из признаков специальных действий.

Соответствующие письма о выделении казаков и гусаров в распоряжение подполковника Давыдова Д.В. были также отправлены командирам частей комплектования. Вот некоторых из отобранных Давыдовым лиц «неунылого десятка» с характеристиками, что дал им впоследствии их боевой командир:

«Волынского уланского полка майор Степан Храповицкий — росту менее среднего, тела тучного, лица смуглого, волоса черного, борода клином; ума делового и веселого, характера вспыльчивого, человек возвышенных чувств, строжайших правил честности и исполненный дарований как для поля сражения, так и для кабинета; образованности европейской (впоследствии генерал-майор).

Состоявший по кавалерии ротмистр Чеченский — черкес, вывезенный из Чечни младенцем и возмужавший в России. Росту малого, сухощавый, горбоносый, цвету лица бронзового, волосу черного, как крыло ворона, взора орлиного. Характер ярый, запальчивый и неукротимый; явный друг или враг; предприимчивости беспредельной, сметливости и решимости мгновенных (впоследствии генерал-майор кавалерии).

Ахтырского гусарского полка штаб-ротмистр Николай Бедряга — малого роста, красивой наружности, блистательной храбрости, верный товарищ на биваках; в битвах — впереди всех, горит, как свечка (впоследствии полковник).

Того же полка поручик Дмитрий Бекетов — росту более нежели среднего, тела тучного, круглолицый, златокудрий. Сердцем — малый, как говорится, рубаха, весельчак, с умом объемистым, тонким и образованным; офицер весьма храбрый и надежный даже для отдельных поручений (после войны вышел в отставку).

Того же полка поручик Макаров — росту высокого, широкоплечий и силы необыкновенной, без образования, но с умом точным. Агнец между своими, тигр на поле битвы (впоследствии майор).

1-го Бугского полка сотник Ситников, шестидесятилетний старец и Мотылев, молодой офицер. Оба отличной храбрости и неутомимой деятельности офицеры.

Хорунжий Талаев и Григорий Астахов — офицеры обыкновенные.

Иловайского 10-го полка урядник Крючков — молодой парень, ездок отличный и неутомимый, храбрости чистой, сметливости черкесской. (Был хорунжим и убит 1813 года во время преследования неприятеля после победы под Лейпцигом).

Шкляров — старший вахмистр отряда гусаров моей партии, храбрый исполнитель приказаний без размышления (впоследствии прапорщик).

Иванов — вахмистр Ахтырского гусарского полка. Головорез, за буйство и разврат несколько раз разжалованный мною в рядовые и за храбрость несколько раз пожалованный в вахмистры.

Скрыпка и Колядка — надежные вахмистры.

Гусары все были отличного поведения. Наименую тех из них, коих не забыл имена: Федоров, Зворич, Мацыпура, Жирко, Форост, Гробовой, Мацырюк, Пучков, Егоров, Зола, Шкредов, Крут, Бондарев, Куценко, Приман, Осмак, Лишар. Урядники Донского войска, кои остались у меня в памяти, были: Тузов, Логинов, Лестов; казаки: Афонин, Антифеев, Волков, Володька. Сожалею, что забыл остальных, ибо большая часть из них достойны быть известными»{12}.

Таковы были первые спецназовцы России, типажи которых узнаваемы и сейчас, а боевые характеристики которых звучат музыкой партизанской войны. 25 августа после небольшой доподготовки кавалерийский партизанский отряд убыл в тыл французской армии по маршруту Бородино, Сивково, Борис-Городок — в село Егорьевское, а оттуда на Медынь, Шанский завод, Азарово — в село Скугорево, что под Вязьмой. Армейский партизанский отряд Д.В. Давыдова начал свое выдвижение в тыл противника от села Бородино, которое уже на следующий день вошло славной страницей в российскую историю. Оно же, Бородино, является местом, откуда первое регулярное воинское формирование русской армии ушло в тыл противника для выполнения специальных задач.

2 (14) сентября 1812 года, когда армия Наполеона входила в Москву, в ее тылу произошло другое событие, последующее значение которого в Отечественную войну и в дальнейшем развитии форм специальных действий еще только предстоит оценить. В этот день, согласно журналу военных действий штаба М.И. Кутузова, у Царева-Займища Гжатского уезда Смоленской губернии отряд Д.В. Давыдова в составе 80 казаков казачьего полка Войска Донского и 50 гусар Ахтырского гусарского полка под командованием своего командира внезапным и стремительным «наездом» (налетом) разгромил французский транспорт со снарядами и провиантом, находившийся под прикрытием двухсот пятидесяти человек пехоты и конницы{13}.

Именно этот день — 2 сентября 1812 года можно считать днем рождения российского спецназа. Поэтому 2 сентября можно отнести к одной из памятных дат российской армии, которая заслуживает ежегодного празднования, по крайней мере, в соединениях и частях специального назначения Российской Федерации.

Оценив по достоинству успешные действия первого высланного им отряда, М.И. Кутузов уже 8 сентября назначает начальником партизанского отряда генерал-майора И.С. Дорохова и ставит ему задачи на разведку сил и намерений противника в районе села Перхушково на Можайской дороге, а 15 сентября — полковнику И.М. Вадбольскому. В дальнейшем Главнокомандующий делит на партизанские отряды большую часть казачьих войск и бросает их в тыл наполеоновской армии. Согласно «Советской военной энциклопедии» «в сентябре в составе армейских партизанских отрядов действовало 36 казачьих, 7 кавалерийских и 5 пехотных полков, 5 эскадронов и 3 батальона»{14}. Это были армейские партизанские отряды генерал-лейтенанта И.С. Дорохова, полковников И.С. Вадбольского, Н.Д. Кудашева, К.Х. Бенкендорфа, Чернозубова, войскового старшины Победнова, майоров Пренделя, Фиглева, капитанов А.Н. Сеславина и А.С. Фигнера, поручика Фонвизина и других.

Основной метод ведения войны был так сформулирован М.И. Кутузовым: «Поелику ныне осеннее время наступает, чрез что движения большою армиею делаются совершенно затруднительными, наиболее с многочисленною артиллериею, при ней находящеюся, то и решился я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо раздельные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его, и для того, находясь ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отделяю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску»{15}.

Таким образом, при организации боевых действий русской армии был использован метод, сущностью которого являлось не сокрушение армии противника в открытом вооруженном

столкновении в форме генерального сражения, и истощение и изнурение противника в форме постоянных нападений на него в его же тылу. Кроме уничтожения транспортов противника, партизанским отрядам ставятся и другие специальные задачи: освобождение военнопленных, поиск награбленных французами ценностей, уничтожение инженерных укреплений, вооружение и привлечение к партизанским действиям крестьян. М.И. Кутузов активно и повседневно руководит действиями партизанских отрядов в тылу противника, координирует их усилия, организует их обеспечение и пополнение, систематически представляет отличившихся к наградам.

Серьезную боевую силу представляли народные партизанские отряды, стихийно сформированные населением занятых французами районов, которые уничтожали мелкие группы неприятеля, его фуражиров, нанося ему урон и срывая планомерное снабжение наполеоновской армии. Немаловажное значение для расширения народной партизанской борьбы имел манифест Александра I от 6 июля 1812 года, разрешивший крестьянам взяться за оружие. Вместе с тем следует отметить, что именно появление в той или иной местности армейских партизанских отрядов в значительной степени способствовало расширению партизанских действий, которые приобретали организованный характер и подчинялись стратегическим замыслам военного командования.

П.А. Жилин, анализируя партизанские действия отмечал:

«Рассматривая партизанское движение в войне 1812 года, надо учитывать одно очень важное обстоятельство. Если до оставления Москвы партизанские отряды возникали стихийно и создавались преимущественно из крестьян, то после оставления Москвы и перехода армии в Тарутино фронт партизанской борьбы значительно расширился и перешел под контроль армии»^{16}.

Таким образом, организация боевого применения армейских и других вооруженных отрядов, действующих в тылу противника, несмотря на партизанский характер их действий, носила четкий характер решения Главнокомандующего и осуществлялась в строгом соответствии с установленным порядком управления, взаимодействия и обеспечения. Совокупность партизанских отрядов к концу сентября представляла собой единую группировку сил и средств в тылу противника. Вот как оценивалась группировка партизанских отрядов в журнале боевых действий 29 сентября 1812 г.:

«Все разосланные партии, хотя и находятся в различных от армии направлениях, но не менее того составляют между собою непрерывную связь, что удобно видеть можно, сообразя взаимное их положение. Удачные нападения на неприятеля и множество пленных, доставшихся сим начальникам партий в то время, когда они имели малые токмо отряды, ручаются за верный и надежный успех, который им ныне предстоит, тем более, что теперь партии противу прежних гораздо сильнее и что оне, как выше упомянуто, находятся между собою в связи и действуют по одному плану и к одной цели»^{17}.

В целом совокупность действий партизанских отрядов русских войск в тылу противника имела основные признаки систематических специальных действий, которые вела русская армия под руководством своего Главнокомандующего.

Особое место в истории развития форм специальных действий русской армии в Отечественной войне 1812 года занимают действия партизанского отряда И.С. Дорохова по взятию Вереи 29 сентября, а также совместные действия партизанских отрядов Д.В. Давыдова, А.Н. Сеславина, А.С. Фигнера и кавалерийского отряда В.В. Орлова-Денисова 28 октября 1812 г. у селения Ляхово 40 км западнее Ельни, в результате которых была разгромлена французская бригада генерала П.Ф. Ожеро численностью свыше 2500 человек.

Так, М.И. Кутузов приказал генерал-майору Дорохову взять Верею, занятую и укрепленную Наполеоном после Бородинского сражения. Дорохову подчинили 5 батальонов пехоты, 4 эскадрона гусаров, 2 казачьих полка, 8 орудий и партию кн. Вадбольского. 27 сентября Дорохов

пришел в Боровск, где составил несколько отрядов. Одному велел расположиться в Боровске для наблюдения Коломенской и Московской дорог и сообщения с армиею; другому следовать на Купелицы и стать на дороге из Вереи к Москве; третьему пробираться проселками к Митяевой между Верею и Можайском. Целью двух последних отрядов было пресечение пути французам, когда они будут вытеснены из Вереи, и извещение о приближающихся к ним подкреплениях. С остальными войсками Дорохов пошел из Боровска на Верею, сложил ранцы в Волченске, ночью переправился через Протву и в 4 часа утра приблизился к городу, не примеченный неприятельским гарнизоном, состоявшим из батальона вестфальцев.

Ободрив войска приветствием, Дорохов приказал им спускаться в город от Калужской заставы, не стрелять, не атаковать штыками и не кричать ура. Внезапность и быстрота имели полный успех. Неприятели были взяты врасплох: их часовые, согнанные с вала, бросились в укрепление; за ними погнались наши. Вестфальцы начали стрелять из церкви и домов, но после кратких переговоров положили оружие. Полковник, 15 офицеров, 377 рядовых и знамя досталось победителям. В то время показались французы из Борисова. Дорохов послал подкрепление к отряду, стоявшему в Митяеве, и французы, увидя, что Верея находится в руках наших, отступили.

Таким образом, еще в 1812 году партизанские формирования русской армии освоили военное искусство овладения городом с применением специальных способов боевых действий. Сочетание засадных действий на путях возможного подхода подкреплений, внезапных и стремительных налетов на подразделения противника, открытых наступательных действий по разгрому и оборонительных действий по блокированию французских частей позволяет говорить об ударе как об одной из форм действий партизанских формирований.

Взятие Вереи открыло партизанам столбовую московскую дорогу. По ней тянулись из Смоленска в Москву и обратно большое число неприятельских обозов, парков, конвоев, больных. Французские мародеры наводняли край по обеим сторонам дороги на пространстве от 30 до 40 верст. Они состояли из беглых и отсталых, принадлежавших пехотным и конным корпусам, ходили большей частью небольшими группами, или как их тогда называли «малыми шайками», а иногда колоннами человек в 300, предводимые офицерами или вожаками, избранными из своей среды. Пользуясь безначалием, мародеры не знали меры насилиям. Пожары разливались по широкой черте опустошения.

В таком виде был французский путь сообщений, когда на нем появились партизаны. Они захватывали фуражиров и бродяг, нападали на отдельные команды, транспорты, провозимые пушки, отнимали или истребляли запасы продовольствия, перехватывали курьеров, ежедневно брали сотни пленных, и отбитое оружие по приказанию М.И. Кутузова раздавали крестьянам. Неоднократно удавалось им освобождать русских пленных, ведомых из Москвы к Смоленску, которые поступали на усиление партий. Надо отметить, что на протяжении всей русской военной истории, освобождение своих товарищей из плена было внутренним долгом и первой обязанностью командиров всех степеней.

Практика боевого применения армейских отрядов в тылу противника явно обозначила особенности тактики партизанских действий. Обнаружились особенности способов боевых действий в тылу противника. Отказ М.И. Кутузова в самом начале войны дать Д.В. Давыдову крупный отряд в несколько тысяч вынудил последнего выработать тактику действий, соответствующую возможностям его отряда. Вывод отряда в тыл противника был осуществлен со строжайшими мерами предосторожности. Действия своего отряда в назначенном районе Давыдов организовал в соответствии с требованиями, которые и сейчас являются основополагающими в тактике формирований специального назначения. Им были назначены пристани и притоны, выполнявшие роль постоянных и временных пунктов базирования отряда, применено рассыпное отступление групп по разным направлениям после выполнения задачи в засаде или в налете (наезде), перед проведением которых предварительно назначалось сборное место.

Основным способом действий армейских партизанских отрядов была засада на транспорты и небольшие отдельные группы французов.

При наличии достаточных сил и благоприятной обстановки применялся наезд (налет) на транспорты и небольшие части противника при их расположении на месте. Такие способы действий использовались систематически, поскольку, во-первых, не требовали открытого противоборства с противником, чего не могли себе позволить партизанские отряды ввиду своей малочисленности, во-вторых, не были связаны с продолжительным удержанием какого-либо участка местности. На эту особенность партизанской тактики указывает М.И. Кутузов И.С. Дорохову в инструкции о тактике партизанских отрядов.

Таким образом, в действиях русских войск в тылу противника в период Отечественной войны 1812 года содержатся признаки таких форм специальных действий как отдельные акции в виде поиска, засады, наезда (налета), удары армейских партизанских отрядов и систематические специальные действия.

Общий урон, нанесенный противнику партизанскими действиями, вполне сопоставим с результатами действий главных сил армии. «Безошибочно можно сказать, что более трети войска, отхваченного у неприятеля, и все транспорты, к нему шедшие и доставшиеся нам в сей решительный перелом судьбы России, принадлежат тем из казачьих отрядов, кои действовали в тылу и на флангах неприятельской армии...», — писал Д.В. Давыдов^{18}. Бывший французский посол в России А. Коленкур, находившийся неотлучно при Наполеоне в походе 1812 года, писал:

«Неприятель все время тревожил наши коммуникации за Гжатском и часто прерывал их между Можайском и Москвой... В этих прелюдиях все видели предвестие новой системы, цель которой — изолировать нас. Нельзя было придумать систему, которая была бы более неприятной для императора и поистине опасной для его интересов»^{19}.

Отечественная война 1812 года и заграничный поход русской армии в 1813–1814 г.г. дали толчок теоретическому осмыслению полученной практики боевого применения сил и средств в тылу противника. Основоположителем российской теории применения войск в тылу противника со специальными задачами бесспорно является генерал-лейтенант Д.В. Давыдов, издавший в 1822 году фундаментальный труд «Опыт теории партизанского действия»^{20}. Это сочинение генерала-поэта было первой военно-теоретической работой в российской и мировой военной науке, где глубоко и основательно исследовались вопросы сущности, целей и задач ведения войсками партизанской войны, принципы применения войск в тылу противника со специальными задачами, порядок подготовки и ведения специальных (партизанских) действий партизанскими отрядами регулярной армии. Более чем на столетие русский генерал опередил иностранных военных теоретиков специальных операций, увидев гигантские возможности этого вида боевых действий войск. Оценив колоссальные возможности иррегулярных казачьих войск, Д.В. Давыдов предложил сформировать в России отдельный род войск, специально предназначенный для ведения партизанских действий в тылу противника. Произведение также выполняло роль первого руководства, инструкции по подготовке партизанских отрядов к боевому применению в тылу противника, описывало основные правила подготовки и ведения партизанских действий, раскрывало основные особенности тактики армейских партизанских отрядов.

Вопросы боевого применения сил и средств в тылу противника затрагивал генерал-лейтенант А.И. Михайловский-Данилевский в 4-х томах исследования «Описание Отечественной войны 1812 года»^{21}. Автор подразделял действия против французов в их тылу на боевое применение войсковых формирований, которое рассматривал в V главе «Партизанская война,» и действия местного населения против захватчиков, которые описывал в VI главе «Война народная». «Князь Кутузов отрядил во все стороны партизанов... Отряды редко превышали 500 человек и были большей частью составлены из казачьих войск; иногда присоединяли к ним малое число

регулярной конницы,» — писал А.И. Михайловский-Данилевский о действиях армейских партизанских отрядов [20.94], которые он иногда также называл «летучими отрядами»{22}. Участников вооруженного сопротивления французам из числа мирных жителей автор называет «народными партизанами»{23}. Известный военный историк отмечал, что отношение к партизанской войне изменилось, когда Наполеон перешел за Днепр, и особенно, занял Москву. Корпуса, оставленные на флангах и в тылу, на Двине, в Курляндии и на Волыни, были от него совершенно отделены, а путь его сообщений без меры растянут и мог быть удобно пересечен на протяжении от Смоленска до Москвы.

Желая воспользоваться столь благоприятными обстоятельствами, князь Кутузов отрядил во все стороны партизанов, с повелением переноситься с одного места в другое, нападать внезапно и действовать то совокупно, то порознь. Отряды редко превышали 500 человек, и были большей частью составлены из казачьих войск; иногда присоединяли к ним малое число регулярной конницы.

Фельдмаршал обыкновенно представлял начальникам партий выбирать себе в товарищи из офицеров кого пожелают. При отправлении они получали только назначение в какую сторону следовать и где преимущественно производить поиски. Их извещали также, какие партии будут находиться к ним ближе других для взаимной с ними связи, или совместного действия в случае превосходства неприятеля, или какого-нибудь важного предприятия.

Главная цель состояла в нанесении возможного вреда неприятелю; больше ничего определительного не предписывалось; все прочее зависело от начальников партий: отважности их представлялось обширное поле.

Полковник кн. Вадбольский, капитан Сеславин и поручик фон Визин были посланы на пространство между Можайском, Москвою и Тарутиным. Левее от них между Гжатском и Вязьмою находился с самого Бородинского сражения подполковник Давыдов. Вправо от армии действовали: полковник князь Кудашев на Серпуховской дороге и войска Донского полковник Ефремов на Коломенской.

Таким образом, составила цепь летучих отрядов на южную сторону Москвы и проходила от Вязьмы до Бронниц, между тем как генерал-адъютант Винценгероде, стоя около Клина, посылал партии вправо к Звенигороду, Рузе, Гжатску, Сычевке и Зубцеву, и влево к Дмитрову. Капитан Фигнер делал набеги в окрестностях Москвы, переодевался во французский мундир и несколько раз съезжался и разговаривал с неприятелями, не быв ими узан. Кроме этих отрядов казачьи разъезды ходили просеками в тыл неприятельских войск, стоявших против Тарутинского лагеря. Подполковник Давыдов вызвался первый на партизанские действия в главной армии.

Партизанскими отрядами применялась специальная тактика, отмечал российский военный историк. Часа за два или за три до рассвета поднимались партизаны на поиск. Схватив мародеров или на столбовой дороге сорвав в транспорте что по силам, обращались они на новый удар, или уходили в леса. Следуя правилу, что для летучей партии выгоднейшая позиция есть беспрестанное движение, а лучшее руководство: налет, как снег на голову и уйти, партизаны часто меняли свое местопребывание, старались не быть открытыми неприятелем и ускользнуть от команд, отряжаемых против них французскими комендантами городов и этапов. Успешные действия отряда Д.В. Давыдова настолько дезорганизовали тыл французов, что командовавший в Вязьме генерал разослал по своим войскам описание примет Давыдова и велел схватить его живого или мертвого. Крестьяне служили для партизанов проводниками и обыкновенно содержали передовые цепи.

Однако историк упоминал и о недостатках ведения специальных действий русской армии. Малочисленность наших партизанских отрядов в сравнении с каждым неприятельским

прикрытием транспорта, даже часто с шайками мародеров, новость партизанской войны, только что князем Кутузовым созданной, и не успевшей еще развиться, усовершенствоваться, наконец самый состав армии Наполеона, заключавший в себе, по большей части старых, опытных служивых, все сии обстоятельства не позволяли партизанам ознаменовать себя такими набегам, какими прославились потом русские начальники летучих отрядов в заграничных походах. В Отечественную войну не было партизанского подвига, могущего сравниться со взятием Берлина, Люнебурга, Капселя, Бремена, Амстердама, Суассона. Ни один из городов, занятых неприятелем между Смоленском и Москвой, не был покорен партизанами. Они не сорвали даже ни одного французского этапа. Не менее того действия их были чрезвычайно полезны по беспрестанному вреду, наносимому ими ежедневно неприятелю, особенно тем, что своим появлением в разных местах поддерживали они воспламенение в народе, единодушно восставшем против врагов. Действия крестьянских партизанских отрядов А.И. Михайловский-Данилевский причислял не к партизанской, а к народной войне. А самих крестьян называл «народными партизанами».

Такого же взгляда на разделение форм вооруженной борьбы в тылу противника придерживался генерал-майор М. Богданович, который в работе «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам»^[24] действия армейских партизанских отрядов рассматривал как неразрывную составную часть действий войск в лагере при Тарутине, а действия крестьянских отрядов — как одну из форм народной войны.

В третьем томе своего исследования Отечественной войны 1812 года он писал: «...скажем с уверенностью, что наши партизаны и народные полчища весьма ослабили наполеонову армию как ударами, ежедневно наносимыми неприятелю, так и отнятием у него возможности добывать жизненные запасы»^[25].

В 1850 году полковник И.В. Вуич написал учебник для руководства в Военной Академии Генерального штаба «Малая война». В работе малою войною назывались «вообще действия войск небольшими частями, в разных местах, и большую частью одна от другой отдельно»^[26]. Автор считал, что к области малой войны нужно отнести пять групп задач: сторожевое охранение, кавалерийскую разведку, охрану собственного тыла, беспокоящие действия в тылу противника, составной частью которых являются и партизанские действия, а также народные восстания. Однако более поздние исследования от понятия малой войны отделили такие формы вооруженной борьбы как партизанская война и народная война.

В Крымской войне 1854–1856 гг. французские генералы еще хорошо помнили уроки партизанской войны. Когда французское правительство попыталось развить успехи англо-французских войск после взятия Севастополя и спланировать наступление в глубь России, главнокомандующий французской армией генерал Пелисье заявил, что уйдет в отставку, если ему прикажут начать маневренную войну. Пелисье отчетливо представлял невозможность сохранения коммуникаций от Черноморского побережья в глубь страны и обеспечения их безопасности от партизанских действий русской армии. Именно из-за угрозы широкомасштабных партизанских действий русской армии война ограничилась этим районом России.

Однако в 1859 году в Генеральном штабе бьет тревогу по поводу утраты русской армией опыта организации и ведения партизанских действий в тылу противника генерал-майор Н.С. Голицын: «Преподается ли у нас где-либо теория партизанской войны вообще и нашей русской в особенности, хоть в самых тесных размерах? Есть ли у нас учебные руководства и сочинения о ней, кроме книги Давыдова (сочинений о службе передовых постов и о малой войне я не признаю тождественными с ними)? К сожаленью, нет»^[27]. Н.С. Голицын предлагал организовывать боевое применение армейских партизанских отрядов в группировке, включающей пять зон. При этом группу отрядов, действующих в той или иной зоне, он называл «цепью отрядов». Он поддержал мнение Д.В. Давыдова об учете национальных особенностей России в военном деле, размеры

которой и наличие многочисленных иррегулярных казачьих формирований предоставляют ей преимущества над другими европейскими державами.

Таким образом, анализ теории и практики специальных действий в тылу противника с 1812 по 1860 год позволяет сделать ряд выводов.

1. В ходе Отечественной войны 1812 года и последующих заграничных походов русской армии в российском военном искусстве появилась новая форма боевого применения сил и средств в тылу противника — систематические специальные действия армейских партизанских отрядов. Специальные действия велись, в основном, гусарскими и казачьими частями, являвшимися основой для формирования армейских партизанских отрядов, а также крестьянскими партизанскими отрядами. К проведению специальных действий широко привлекались кавалерийские и пехотные части, усиленные небольшими подразделениями артиллерии. Основу специальных действий составляли специальные акции, осуществляемые с задачами: истребления неприятельских транспортов, парков и проходящих небольших отрядов войск; добывания данных о противнике и немедленного извещения об общем и частном отступлении неприятеля и идущих к нему подкреплениях, а также о районах отдыха и формирования войск противника; уничтожения складов, запасов продовольствия и фуража, дезорганизации системы обеспечения французской армии всем необходимым; нарушения управления и связи между французскими корпусами, путем перехвата почт и курьеров; пресечения разведывательной деятельности французских войск; освобождения пленных своей армии и другими специальными задачами. В некоторых случаях действия партизанских отрядов имели форму удара. Для выполнения специальных задач применялись различные специальные способы, основными из которых являлись засада и наезд (налет). При необходимости и наличии достаточных сил, партизанские отряды вступали в открытый бой с неприятелем.

2. Признаками специальных действий явились следующие характерные особенности подготовки и ведения боевых действий в тылу противника: специальные задачи армейских партизанских отрядов в тылу противника; особые принципы и методы ведения боевых действий; создание специальной группировки армейских партизанских отрядов; специальный боевой порядок при выполнении специальных задач; особый порядок подготовки боевого применения отрядов, их обеспечения и управления ими.

3. Важное значение для развития специальных действий в тылу противника имели личное отношение к ним высшего политического и военного руководства. Разрешение Александра I вести вооруженную борьбу с Наполеоном в тылу его армии и высокая оценка М.И. Кутузовым роли и значения армейских партизанских отрядов стали решающим фактором, способствовавшим появлению систематических специальных действий. Широкому развитию специальных действий способствовали природно-географические условия, позволявшие партизанским отрядам избегать открытых столкновений с превосходящими силами противника. Важнейшим социальным фактором успешных действий в тылу противника была народная поддержка вооруженной борьбы с захватчиками.

4. Основоположником российской теории применения войск в тылу противника со специальными задачами является генерал-лейтенант Д.В. Давыдов, издавший в 1822 году фундаментальный труд «Опыт теории партизанского действия». Важной памятной датой в истории российского военного искусства в области специальных действий следует считать 2 сентября 1812 года — день первой успешной специальной акции в тылу французской армии.

1.4. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ: 1861–1917 ГОДЫ

Новый этап в развитии теории и практики специальных действий связан с появлением железных дорог, качественно изменившими систему тылового и технического обеспечения войск,

внедрением телеграфа в системы управления государством и войсками, а также изобретением мощных взрывчатых веществ под общим названием динамита.

Первой войной, в которой в полной мере проявилось влияние этих факторов и которая оказала существенное влияние на развитие форм специальных действий в русской армии, стала Гражданская война в США в 1861–1865 г.г. К этому времени в Соединенных Штатах уже было построено 50 тысяч километров железных дорог, из которых 35 тысяч км приходилось на северные штаты.

Первыми к формированию специальных подразделений приступили южане. Эти подразделения представляли собой небольшие конные отряды техасских и вирджинских добровольцев, действовавших в тылу противника. Вначале отдельные кавалерийские отряды южан, а потом и северян обрушиваются на коммуникации противника, избрав целью своих действий нарушение работы железных дорог. Вооружение кавалериста-рейнджера состояло из карабина-винчестера, револьвера, сабли и динамитных пашек. Именно появление мощных взрывчатых веществ вызвало появление нового способа разрушения железных дорог — диверсии.

Основными объектами действий становятся железнодорожные станции, участки железнодорожных путей, подвижный состав. Разгром прикрытия железных дорог требовал большой численности отрядов, и в ходе войны возник и получил название «рейд» — способ действий крупных масс конницы в тылу противника как набег. Рейды отрядов южан под командованием Фореста и Моргана в июле и августе, Стюарта в июне, Ван-Дорна в декабре 1862 года с целью разрушения и порчи тыловых железнодорожных путей противника вынуждают северян приостанавливать или замедлять проведение операций на фронте, а иногда и вовсе отказываться от них.

В апреле 1863 года рейд с целью разрушения железной дороги на участке Ричмонд-Фредериксбург совершает 5000-й конный корпус северян под командованием Стонемана. В том же году «в Вирджинии полковник Дж. Мосби набирает партизанский батальон и к концу 1864 года на счету его отряда 1200 убитых, раненых и захваченных в плен солдат противника, сотни голов коней и скота, имея собственные потери только двадцать человек» {28}.

Действия отрядов на железнодорожных коммуникациях не всегда бывали успешными. «В 1864 году 4000-й конный отряд Кука, обходя левый фланг армии южан, стоявшей у Атланты, 28 июля захватывает в Лаведжое поезд со спиртом; все люди перепиваются, а 29-го неприятель неожиданно атакует и рассеивает отряд, захватив 1600 пленных» {29}. Действия отрядов в тылу противника, как и в предшествующее время, направлены и на срыв продовольственного снабжения войск. Так, в сентябре 1864 года конный отряд Гемптона захватывает в Сикаморче гурт быков в 3000 голов, предназначенных для потомакской армии северян.

Свое продолжение получила история рейнджеров. В 1862 году на подступах к Ричмонду 75-й пехотный полк армии северян почти без потерь метким ружейным огнем отразил ожесточенную штыковую атаку южан. За это он получил почетное наименование «рейнджерского». После Гражданской войны в США «рейнджерами» долгое время в Техасе и на границе называли отряды конной полиции. 75-й полк продолжал носить свое почетное название, оставаясь, по сути, обыкновенным пехотным полком.

Европейская военная мысль отнеслась пренебрежительно к американскому боевому опыту. Однако в России военными учеными он был изучен. В 1875 году в Академии Генерального штаба Н.Н. Голицын на публичной защите исследования, посвященного изучению опыта войны в Америке, последовательно доказал, что опыт американской конницы есть плоть от плоти опыта русской конницы.

Изучению форм применения конницы в этой войне посвятил свое исследование «Рейды, набеги, наезды, поиски конницы в Американской войне 1861–1865 г.г.» генерал-майор Н.Н. Сухотин. Он пришел к мысли, что «исследуемый вид деятельности конницы сродствен нашей коннице, что американский рейд есть детище по времени и собрат по сути с многовековой работой казаков, с русскими «залетами», наездами, набегами, поисками Давыдова, Сеславина, Фигнера и других героев 1812 года»^[30].

Впервые в Европе опыт применения рейда был проведен в 1867 году на маневрах в Варшавском военном округе. Отряд полковника Рубашевского, численностью в 600 кавалеристов, прорвавшись сквозь сторожевые посты и отряды условного противника, за 44 часа прошел 160 верст и далеко проник в тыл войск, прикрывавших линию Вислы и Варшавско-Брестскую дорогу. На тех же маневрах несколькими конными отрядами в опытном порядке были проведены нападения на автомобилизирующиеся части. Генерал-инспектором конницы опыт был признан удавшимся.

Франко — прусская война 1870–71 г.г. с точки зрения развития специальных действий примечательна возрастанием масштаба противодействия им в тылу действующей армии. К концу войны для защиты тыла германских армий от действий франтиреров (вольных стрелков) потребовалось 150 тысяч человек при 80 орудиях^[31].

Русско-турецкая война 1877–1878 г.г. предоставила русской армии хорошую возможность применения форм и способов партизанской войны. Полная поддержка местного населения, наличие отрядов болгарских партизан-четников способствовали широкому развитию партизанских действий в тылу турецких войск. Однако русская армия не использовала этот вид действий в тылу противника даже в тех случаях, когда они были не только просто целесообразны, но и крайне необходимы.

Так, несмотря на кавалерию, сосредоточенную к сентябрю месяцу под Плевной (90 эскадронов), какие-либо систематические специальные действия на коммуникациях противника не проводились. Это позволило туркам сохранить этапный путь Плевна — София и долго обеспечивать гарнизон крепости оружием и провиантом. Широкие партизанские действия на сообщениях Плевны, дальние набеги в тыл для перехвата транспортов и подкреплений, следовавших к туркам, не позволили бы Плевне продержаться так долго и, следовательно, исключили бы затягивание войны.

Целью партизанских действий армейских отрядов могло бы стать и нарушение работы железнодорожного транспорта турок, особенно на участке Варна — Шумла осенью 1877 года. Тогда по ней осуществлялась перевозка войск, следующих из Малой Азии для подкрепления турецкой армии. Обстановка вполне допускала подобный образ действий, т.к. 14 корпус, имея в своем составе казачью дивизию (24 сотни) и бригаду регулярной кавалерии имел перед собой противника в укрепленном лагере под Пазарджиком и в Силистрии. Эти два пункта связывались всего лишь небольшими конными партиями и самыми незначительными оборонительными отрядами, выставляемыми время от времени в промежуточных селениях. Таким образом, свободный от войск противника значительный участок между Пазарджиком и Силистрией представлял широкий простор для самостоятельных действий партизанских отрядов в направлении Разграда, Шумлы и Силистрии. Однако возможность эффективных партизанских действий не была использована.

В 1885 году выходит фундаментальный труд Ф.К. Гершельмана «Партизанская война», который применительно к дореволюционному военному искусству и поныне остается наиболее полным исследованием в области специальных действий в тылу противника.

В первой части работы Ф.К. Гершельман дает подробный исторический очерк развития партизанских действий в войнах, начиная от Тридцатилетней войны и заканчивая русско-

турецкой 1877–78 гг., предлагает свой вариант периодизации партизанских действий, делает общее заключение о стратегическом значении партизанской войны.

Во второй части труда излагается теория партизанской войны, исследуются формы развития партизанских действий. Ф.К. Гершельман подвергает критическому анализу системы партизанских действий, предложенные Д.В. Давыдовым и Н.Н. Голицыным, определяет факторы, влияющие на формы партизанских действий. К таким факторам он относил: длину операционной линии противника; относительное положение воюющих армий; условия устройства тыла; наступательный или оборонительный образ ведения войны; настроения местного населения края; характер театра военных действий; состав кавалерии, входящей в армию; организацию и общее руководство партизанской войной со стороны главнокомандующего. Автором были рассмотрены вопросы развития партизанских действий и руководства ими в различные периоды кампании, а также некоторые положения теории партизанской войны применительно к тактике. Рассматривая меры противодействия партизанской войне, Ф.К. Гершельман считал: «Развитие партизанской войны еще в более широких размерах сравнительно с противником, — вот что только может вполне обеспечить тыл армии от партизанских набегов»{32}.

Теория партизанской войны Ф.К. Гершельмана, таким образом, являлась логическим продолжением теории партизанских действий Д.В. Давыдова и Н.С. Голицына применительно к условиям военных действий второй половины 19 века. Она указывала на стратегическое значение партизанских действий войск в тылу противника. Ф.К. Гершельман впервые использует термин «операция» применительно к партизанским действиям и подчеркивает их роль в военных действиях: «Партизанская война, оставаясь сама по себе всегда вспомогательным, второстепенным средством стратегии, может дать решительные результаты и проявить все то значение, которое может принадлежать известному средству стратегии, только, понятно, при условии решительно, энергично веденных главных операций и при непременно условии постоянного и строгого согласования партизанских операций с главными, при полной гармонии тех и других.

По решительности результатов партизанская война иногда является настолько самостоятельным средством, что на партизанов возлагается главная роль и притом не по нужде (неготовность армии к решительным действиям), а прямо-таки по характеру задачи и по самостоятельности партизанской войны как средства в известных случаях; причем армия принимает на себя временно как бы второстепенную роль и известными маневрами содействует достижению успеха партизанских действий, которым, стало быть, в этом случае временно переходит роль как бы главной операции»{33}.

Однако выводы из теории партизанской войны не были реализованы военным руководством России в практике военного искусства и подготовке войск. Поэтому русско-японская война 1904–1905 г.г. среди прочих недостатков в военном строительстве выявила полную утрату российской армией практики организации и ведения специальных действий в тылу противника. Несмотря на благоприятные условия театра военных действий, трудности японцев с обеспечением армии по единственной железной дороге, значительное превосходство в численности конницы кавалерийские и казачьи бригады использовались, в основном, для решения задач боевого и непосредственного охранения. Более того, с началом боевых действий Командующий Маньчжурской армией генерал-адъютант А.Н. Куропаткин, тревожась чрезмерно выдвинутым, по его мнению, вперёд конным казачьим отрядом, прямо предписал ему отойти назад{34}.

19 февраля 1904 года в Мукдене состоялось совещание под председательством Главнокомандующего сухопутными и морскими силами России на Дальнем Востоке генерал-адъютанта Е.И. Алексеева, на котором было принято решение широко развить партизанские действия в Корее и действия в тыл и на сообщения противника. Однако, отсутствие каких бы-то ни было навыков в организации подобных действий привели вначале к недопустимому затягиванию

специальных действий, а затем и к провалу набега на Инкоу, проведенного только в конце 1904 года. Отдельные удачные вылазки в тыл японцев оперативного значения не имели.

После окончания войны развернулась широкая полемика относительно характера и форм партизанских действий в тылу противника. Вот как в конечном итоге определяла различные формы вооруженной борьбы в тылу противника «Военная энциклопедия» в 1914 году: «Партизанская война — представляет самостоятельные действия выделенных армией отрядов, прервавших с нею связь, хотя бы временно, и наносящих вред противнику преимущественно в тылу. Между партизанской войной и малой войной есть существенная разница: хотя каждое отдельное действие партизана принадлежит к области малой войны, но он прерывает связь со своей армией, тогда как войска, предназначенные для малой войны, всегда эту связь сохраняют. Точно так же и народная война, хотя бы и веденная в тылу неприятеля, отличается от партизанской войны, поскольку шайки восставшего народа привязаны к своим родным местам, ведут войну на свой страх и риск. Партизанская война по самому ее существу могла возникнуть только тогда, когда тыл противника уязвим, и чем более он уязвим, тем благоприятнее условия для развития этой войны»{35}.

Назревавшая угроза мировой войны заставляла вероятных противников России внимательно следить за развитием русской армии, в том числе за развитием теории и практики применения казачьих войск в тылу противника. Вот какие опасения высказывались в немецкой военной прессе того времени: «Производство набегов многочисленными отрядами русской иррегулярной конницы вполне возможно, т.к. территория Восточной Пруссии представляет обширную равнину... Немецкие войска не будут в состоянии уничтожить подобного противника; в частности же немецкая кавалерия, которой придется иметь дело с наступающею русскою регулярною конницею, не будет в силах угоняться за 40–50 тысячами русской иррегулярной конницы, которая, разделившись на массу мелких отрядов на фронте до 600 верст ворвется в пределы Германии. Местный ландштурм не успеет еще собраться, как тысячи пожаров покажутся в одну ночь, а железные дороги будут испорчены во многих местах. С рассветом эти партии попрячутся в лесах, а в следующую ночь повторяют то же разрушение в других местах. Местное население не окажет сколько-нибудь серьезного сопротивления, а потому русская иррегулярная конница будет свободно хозяйничать на прусской территории»{36}.

Реальные боевые действия в начальном периоде войны в 1914 году в Восточной Пруссии, как и на других участках фронта, показали совершенно другую картину. Анализ партизанских действий русской армии в первой мировой войне наиболее полно отражен в исследовании «Партизанские действия», проведенном бывшим генерал-лейтенантом царской армии В.Н. Клембовским, перешедшем на службу в Генеральный штаб Красной Армии. Он отмечал: «Хотя в мирное время достаточно говорилось и писалось, официально и неофициально о пользе развития в широком масштабе партизанских действий против Германии с целью замедлить и затруднить ее мобилизацию, а затем и вторжение в наши пределы... наш Генеральный штаб ничего не подготовил для этого и, по-видимому, даже забыл о таком вспомогательном средстве борьбы с противником»{37}.

Естественная потребность в воздействии на тыл противника выразилась в большом количестве предложений в штабы фронтов и в Ставку по организации партизанских действий в тылу немецких войск. Однако только в августе 1915 года Ставкой был рассмотрен проект А. Кучинского, который предусматривал широкое развитие партизанских действий «летучими сотнями» в составе 200 всадников, 100 пехотинцев, 2 орудий, 2 пулеметов и 4 патронных двуколки. Сформированные сотни должны были сводиться в отряды, получающие номер и наименование по губерниям. Таких отрядов предлагалось создать около 100 с последующим увеличением их числа. Проект остался неосуществленным.

В Ставку поступали и другие предложения по организации специальных действий в тылу противника, которые если и не отвергались, то не могли быть реализованы практически, поскольку в ней не оказалось лиц хотя бы теоретически подготовленных к подготовке соответствующих решений.

В итоге только 30 октября 1915 года приказом № 2 Походного атамана казачьих войск при государе предписывалось сформировать армейские партизанские отряды согласно специальному Наставлению, прилагаемому к приказу, и безотлагательно начать партизанские действия в тылу противника. К этому времени в инициативном порядке уже были сформированы: на Северном фронте — шесть отрядов (три по 57 человек и три по 130 человек с 2 пулеметами); на Западном фронте — шесть отрядов (два по 70–80 и четыре по 10–25 человек); на Юго-Западном фронте — одиннадцать отрядов различной численности. Однако наиболее благоприятные периоды были уже упущены. И в начале мая 1916 года после анализа деятельности армейских партизанских отрядов с сентября 1915 года Походный Атаман признал, что в условиях сплошной линии фронта действия конных партизанских отрядов становятся невозможными. Он приказал отправить личный состав партизанских отрядов по частям.

Вот к какому выводу пришел генерал В.Н. Клембовский, ставший в мае 1917 года Главнокомандующим армиями Северного фронта: «Обширные болотисто-лесистые пространства, бездорожье; полное сочувствие населения; богатство в коннице; длинные коммуникационные линии противника; наше отступление, содействовавшее оставлению партизанских отрядов в тылу противника; первоначальное сочувствие всех к открытию партизанских действий, — всё способствовало партизанской войне не в меньшей степени, чем 1812 г. А результаты получились нулевые. В чем причина? Не ошибаясь можно ответить: в том, что благоприятная минута для её организации была безвозвратно пропущена; что можно и должно было сделать до осени 1915 года, того не сделали; а затем началась позиционная война, в период которой можно было пожинать плоды, но не засеивать, не приниматься за дело, не существовавшее даже в зародыше» {38}.

В отличие от русской армии, вначале немцы, а потом и французы все-таки находят способ проникновения в тыл противника с целью нанесения ему ущерба и подрыва его военной мощи изнутри. Во-первых, ими в неприятельский тыл выводятся не многочисленные отряды, а одиночные агенты или небольшие группы агентов с задачами проведения диверсионных действий. Во-вторых, одним из способов переброски агентов-диверсантов становится воздушный, т.е. начинается использование аэропланов для пересечения сплошной линии фронта по воздуху. Хотя массового применения в первую мировую войну этот способ не получил, стала очевидной принципиальная возможность такого способа вывода диверсантов в тыл противника. Война также показала, что чем основательнее была продумана и осуществлена подготовка специальных действий в тылу противника в мирное время, тем быстрее и больше был их результат с началом и в ходе войны.

В течение всего периода с момента появления специальных действий в начале 18 века и до осени 1915 года кавалерия являлась единственным родом войск, способным проникать глубоко в тыл противника. Развитие форм специальных действий на всех этапах данного периода являлось лишь одним из направлений развития кавалерии вообще. Влияние разведывательных задач на развитие форм боевого применения воинских формирований в тылу противника, если и проявлялось, то весьма незначительно. Наличие многочисленной иррегулярной казачьей конницы представляло собой национальную особенность российского государства и русской армии, эффективное применение которой было возможно как в традиционных для казаков формах боевых действий — набегах, поисках, налетах, наездах, засадах, так и в приобретенных в ходе Отечественной войны 1812 года формах — систематических партизанских действиях армейских отрядов на коммуникациях противника и ударах партизанских сил по важным объектам в тылу противника.

Германия, Франция, Англия и другие страны не имели подобной конницы ни по количеству, ни по качеству для самостоятельных действий в тылу противника. Отсюда копирование доктринальных положений и опыта военного строительства европейских стран не позволило России к первой мировой войне развить тот самобытный род войск, применение которого в начальном периоде войны обещало достижение стратегических результатов.

Таким образом, анализ развития теории и практики специальных действий с 1861 по 1917 год показывает, что серьезным фактором, повлиявшим на содержание специальных действий в тылу противника на этом этапе стали изменения в структуре тыловой зоны воюющих армий и появление новых средств вооруженной борьбы. Широкое использование железных дорог в военных целях и применение взрывчатых веществ для производства диверсий внесли серьезные изменения в содержание и формы специальных действий. Систематические специальные действия и отдельные акции по нарушению работы железных дорог оказывали существенное влияние на ход и исход боевых действий на фронте.

Возникновение сплошной линии фронта в первой мировой войне сделало невозможным дальнейшее использование конницы в качестве основного средства проникновения армейских партизанских отрядов за линию фронта и завершило целый период в развитии специальных действий, связанный с использованием кавалерии в этих целях. Появление воздушного способа вывода отдельных диверсантов в тыл противника на завершающем этапе первой мировой войны еще не оказало существенного влияния на масштабы и характер специальных действий в тылу противника.

Теория партизанской войны (партизанских действий) стала одним из направлений теории военного искусства, а партизанская операция, проводимая армейскими партизанскими отрядами в тылу противника, рассматривалась как одна из возможных стратегических форм военных действий. Русская военная мысль своевременно увидела новые формы и способы использования сил и средств в тылу противника, однако отсутствие официальных доктринальных установок на подготовку и ведение специальных действий привело к неготовности русского Генерального штаба и штабов военных округов (фронтов) к организации боевого применения специальных войсковых формирований. В результате неразработанности каких бы то ни было руководящих документов по подготовке и ведению специальных действий они не были должным образом организованы ни в русско-турецкой, ни в русско-японской, ни в первой мировой войнах. Русское военное искусство различало три типа вооруженной борьбы в тылу противника:

- 1) Партизанская война, которая велась армейскими партизанскими отрядами вне тактической связи с боевыми действиями войск на фронте, но в соответствии с общим стратегическим замыслом операции.
- 2) Малая война — так назывались обособленные действия небольших армейских отрядов регулярной или иррегулярной конницы в промежутках между генеральными сражениями с целью нападения на небольшие части противника, несения сторожевой службы, сбора сведений о неприятеле, проведение фуружировок и т.п., проводимых при непосредственном взаимодействии с высланными эти отряды частями.
- 3) Народная война — вооруженная борьба мирного населения с захватчиками. Под народной войной при этом, как правило, понимались такие формы борьбы как восстания, действия вооруженного народного ополчения по защите своих жилищ от грабежей и насилий, вооруженное противодействие мероприятиям оккупационных властей и т.п.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

2.1. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ РККА: 1918–1937 ГОДЫ

Смена политической власти в России в ноябре 1917 года привела к кардинальным изменениям в концептуальном подходе к ведению вооруженной борьбы в тылу противника. На первом этапе советского периода развитие теории и практики специальных действий характеризовалось наличием двух подходов: классового и военно-профессионального.

В основу классового подхода к партизанской войне было положено понимание В.И. Лениным этой формы вооруженной борьбы, изложенное им в 1906 году в работе «Партизанская война»^{39}.

Военно-профессиональный подход выражался взглядами генералов и офицеров старой армии, перешедшими на сторону Красной Армии. Суть его заключалась в признании стратегической важности партизанских действий войск, необходимости централизованного управления партизанскими отрядами, действующими в тылу противника, формирования соответствующих частей, имеющих специальное вооружение и снаряжение. В результате в январе 1918 года при оперативном отделе Народного комиссариата по военным делам (Наркомвоен) был создан Центральный штаб партизанских отрядов. Опыт партизанской борьбы нашел отражение в Полевом уставе РККА 1918 года (часть 1-я, Маневренная война), где самостоятельным разделом были изложены указания по подготовке и ведению партизанских действий^{40}.

Вместе с тем, руководство партизанским движением осуществлялось партийными органами. Так, руководство подпольными партийными организациями и партизанской борьбой на территории Украины, занятой белогвардейскими войсками, осуществлялось Зафронтовым бюро ЦК КП(б) Украины, создавшим, в свою очередь, Реввоенсовет и штаб повстанческих войск Левобережной и юго-восточной части Правобережной Украины^{41}.

Первая попытка теоретически осмыслить и совместить оба начала, выработать общий взгляд на эту проблему принадлежит М.В. Фрунзе. В брошюре «Единая военная доктрина и Красная Армия» (1921 год) в первый и последний раз высшее военное руководство страны официально заявило о необходимости подготовки и ведения вооруженными силами партизанских действий в тылу противника, которые М.В. Фрунзе часто называл «малой войной».

«Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка этой «малой войны» будет производиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армий противника такую обстановку, в которой, при всех своих технических преимуществах, они окажутся бессильными пред сравнительно плохо вооруженными, но полным инициативы, смелым и решительным противником. Поэтому, — продолжал Фрунзе, — одной из задач нашего Генерального штаба должна стать разработка идеи «малой войны» в ее применении к нашим будущим войнам с противником, технически стоящим выше нас»^{42}.

Началась серьезная работа по теоретической проработке вопросов партизанских действий в тылу противника. В 1931 г. выходит книга М.А. Дробова «Малая война (партизанство и диверсии)», принципиальные положения которой отражали взгляды высшего советского партийного и военного руководства. Однако

утверждение редакции, что данная работа «является первой попыткой систематического изложения этой совершенно не исследованной проблемы... и автор делает попытку систематически их (факты) изложить и дать теорию малой войны»^{43}, была не вполне объективной и говорила лишь о том, что автор отказался от теоретических положений, наработанных дореволюционной военной мыслью.

Более того, в перечне 372-х источников, которыми М.А. Дробов пользовался при написании книги, названы работы И.В. Вуича «Малая война», В. Балка «Тактика», Ф.К. Гершельмана «Партизанская война», В.Н. Клембовского «Партизанские действия», дававшими системное представление в этой области военного искусства^{44}. Хотя М.А. Дробов в указанном перечне вообще не упомянул работы Д.В. Давыдова, в тексте книги на десятой странице есть прямые ссылки на него, которые подтверждают знакомство автора и с трудами первого русского исследователя теории партизанских действий.

Для определения формы вооруженной борьбы в тылу противника М.А. Дробовым был выбран термин «малая война». Понятие «малая война» появилось в 18 веке и не однозначно трактовалось различными военными теоретиками. Автор вкладывал в понятие малой войны следующее утверждение: «Содержание и формы современной малой войны, это — выражение классовой вооруженной борьбы, по отношению к которой малая война есть лишь часть, отдельный момент, особая ступень в развитии. Иными словами, малая война — переходная форма классовой вооруженной борьбы, развивающейся во всеобщее вооруженное восстание для захвата власти и установления диктатуры восходящего класса, поэтому она естественна и закономерна как в «мирное», так и в военное время»^{45}.

К основным формам малой войны М.А. Дробов относил партизанство и диверсии. При этом первую форму борьбы автор подразделял еще на две формы: партизанство-повстанчество и партизанство войскового типа, при этом первое являлось основой для второго. Подчеркивалось преимущество в современной борьбе партизанства-повстанчества перед партизанством войскового типа, обусловленное развитием, формами и задачами классовой борьбы.

Партизанство в целом рассматривалась как форма вооруженной борьбы, всегда связанная с обстановкой восстания. Считалось, что партизанство постепенно вырастает в ходе углубления классовой борьбы, что оно должно созреть на местах в массах и не может быть принесенным извне. При этом условия возникновения и развития форм партизанских действий в гражданской войне механически переносились на условия войны между государствами. Просто отмечалось, что «эти условия усложняются в периоды внешних войн, но зато сокращаются во времени их действия, т.к. сама война работает на революцию (разумея империалистические войны)»^{46}.

Исходя из такого понимания сущности партизанской борьбы, были сформулированы и соответствующие задачи партизанства:

- распространение в народных массах понимания партизанской борьбы как одного из условий вооруженного восстания против социального (и национального) гнета;
- создание организаций рабочих и крестьян, группирующихся вокруг партии с целью проведения активных мероприятий;

- втягивание широких масс на путь революционных действий для ускорения процесса классовой дифференциации общества;
- охрана революционных организаций, партийных аппаратов и вождей;
- действия по истощению сил и средств противника;
- подготовка и организация революционной армии для захвата или закрепления власти рабочих и крестьян.

Таким образом, задачи партизанских действий в тылу противника рассматривались исключительно с точки зрения политической борьбы за власть.

Различие форм партизанских действий на данном этапе развития специальных действий определялось по трем основаниям:

- по классовому составу населения (чисто крестьянские, чисто рабочие, полурбочие-полукрестьянские);
- по типу местности (болотисто-лесистые, горные, степные и т.п.);
- по периодам развития классовой борьбы — предреволюционный (первоначальное выступление партизан и их зарождение);
- революционный (размах и организованность партизанских действий вплоть до восстания) и период открытой гражданской войны.

В качестве второй формы малой войны рассматривались диверсии как активные действия секретных мелких отрядов и групп. Считалось, что в отличие от партизанства, всегда связанного с массовыми движениями, диверсии не имеют корней в массах на местах, носят индивидуальный характер и исполняются специально подготовленными людьми, засланными в данную местность со стороны.

Сами диверсионные действия делились:

- на экономические (удар по предприятиям, железнодорожным путям и транспорту, финансам и вообще экономическим связям страны);
- политические (пропаганда, разложение и интриги в среде правительственных и влиятельных общественных организаций);
- военные (взрыв и порча вооружения, боевого снаряжения, складов, арсеналов, укреплений, станций связи и др.) и террористические (убийство или отравление общественно-политических и военных деятелей).
- По способу нанесения ущерба диверсии делились на активные (акты материального разрушения или уничтожения) и пассивные (саботаж, уклонение или отказ от выполнения той или иной работы, распространение слухов, замедление процессов производства). По времени проведения они различались на диверсии мирного времени и диверсии во время войны^[47].

В работе впервые в советской военной литературе четко и ясно говорится о недопустимости смешивания диверсий и разведки. Вот как данное утверждение

обосновывалось М.А. Дробовым: «Так как обыкновенно разрушительная работа сосредоточивалась в разведывательных органах, имеющих агентурный аппарат, то и диверсии проходили по их же линии, но теоретически смешивать «активку» и диверсии совершенно невозможно и вредно, несмотря на пространственную совместимость их на практике. Первая преследует цели только разведки. Как на полях сражения войсковая разведка иногда добывает сведения боем, так и агентурная разведка принуждена получать нужные ей данные различными способами вплоть до убийств и разрушений. Однако цель всегда разведывательная. Диверсии — это боевая работа, они всегда имеют задачей ослабление мощи противника, не задаваясь совершенно разведывательными целями (для них разведка нужна постольку, поскольку она обеспечивает осуществление боевой задачи), почему и организация диверсионной работы должна быть выделена от работы по активной разведке»{48}. Далее М.А. Дробов делает оговорку, что часто диверсионный акт легче выполнить агенту разведки, что и наблюдается на практике, но такое положение он объясняет недостаточной разработанностью организационной стороны диверсионных операций.

Для определения формы вооруженной борьбы в тылу противника был выбран термин «малая война». Считалось, что «малая война — переходная форма классовой вооруженной борьбы, развивающейся во всеобщее вооруженное восстание для захвата власти и установления диктатуры восходящего класса, поэтому она естественна и закономерна как в «мирное», так и в военное время». Исходя из такого понимания сущности партизанской борьбы, были сформулированы и соответствующие задачи партизанских действий в тылу противника, которые определялись исключительно с точки зрения политической борьбы за власть. В качестве форм малой войны рассматривались партизанство и диверсии. При этом партизанство подразделялось на два вида — партизанство-повстанчество и партизанство войскового типа. Диверсиями назывались активные действия секретных мелких отрядов и групп. Сами диверсионные действия делились по типам на экономические, политические, военные и террористические. По способу нанесения ущерба диверсии делились на активные и пассивные.

По времени проведения они различались на диверсии мирного времени и диверсии во время войны. Делался вывод о недопустимости смешивания диверсий и разведки в одной организационно-штатной структуре.

Таким образом, понимая «пространственную совместимость» таких форм как партизанство и диверсии в малой войне, с одной стороны, и разведывательное обеспечение военных (боевых) действий, с другой, советский военный теоретик выносил диверсионные действия за рамки разведки. М.А. Дробовым делается важный вывод о неразрывном единстве двух форм малой войны.

В 1929 году IV Управлением штаба РККА было издано открытым тиражом трехтомное исследование К.К. Звонарева, посвященное проблемам агентурной разведки. Вопросы соотношения разведки и диверсий в России также затрагивались автором. В первом томе «Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 г.г.»

К.К. Звонарев рассматривал активную разведку (диверсионную деятельность) в качестве составной части агентурной разведки{49}.

Анализируя итоги диверсионной деятельности в рамках агентурной разведки в годы первой мировой войны, автор пришел к выводу, что «говорить о серьезно

поставленной активной русской разведке не приходится. Были лишь отдельные разрозненные попытки применить этот вид агентурной разведки»{50}. Ибо действительно только в качестве курьезов можно рассматривать диверсионную деятельность русской агентурной разведки в этот период. Здесь и растрата с января 1916 по сентябрь 1917 гг. 86 тысяч рублей на немецкого агента-двойника Фарди с целью «организации революционного движения в Турции», и задача нанесения ущерба Германии путем «уничтожения глазков картофеля при его посадке, слишком глубокого посева свеклы, порчи сельско-хозяйственных орудий, заводских машин, скота, повозок и т.п.»{51}. Заслуживает в настоящее время иной оценки проект капитана Брагина по организации широкомасштабной «революционной пропаганды» с целью создания в Германии революционной ситуации и вывода ее из войны, который в данной работе был назван бредом. Несмотря на громадную сумму, запрошенную Брагиным для осуществления своего плана (40 миллионов рублей), в своей основе проект был достаточно реален уже хотя бы по двум причинам: участие германского руководства в успешной реализации подобного «бред»-проекта в России в октябре 1917 года и появление Баварской советской республики в Германии в апреле 1919 года.

О значении, которое немцы придавали диверсионным методам борьбы говорит также тот факт, что одну из таких задач по уничтожению американских складов с горючим в Европе систематическими поджогами выполнял младший сын германского кайзера Вильгельма Йохим, действовавший под именем Фрейтага и «принадлежавший к составу Шведского Красного Креста»{52}.

В целом работа К.К. Звонарева отражала важное значение диверсионных действий в тылу противника, но носила в основном описательный характер и не затрагивала в прямой постановке вопроса анализа возможных форм и методов агентурной или диверсионной работы Красной Армии.

Принципиально другую позицию по отношению к идее партизанских действий в тылу противника занимал А.А. Свечин. В работе «Стратегия» он, справедливо утверждая, что «грань между сокрушением и измором нужно искать не вне, а внутри вооруженного фронта»{53}, вместе с тем довольно пренебрежительно относился к возможностям партизанских отрядов в будущей войне. «По своему отношению к исполнительной власти государства вооруженные силы резко делятся на две категории. Регулярные войска являются беспрекословными исполнителями исполнительной власти. Положение партизан можно охарактеризовать понятием попутчика», — писал известный военный теоретик{54}.

Однако в целом, работы М.В. Фрунзе, П.А. Каратыгина, М.А. Дробова, К.К. Звонарева и других давали достаточно теоретического материала для организации практической работы в этом направлении.

Анализ содержания и форм партизанских действий, понимание их значения, масштаба и сложности, даже в рамках классового подхода к явлениям вооруженной борьбы, позволили советскому военно-политическому руководству прийти к выводу о необходимости организации этой работы Генеральным штабом еще в мирное время. Такая работа должна была включать:

- определение районов действий партизан по полосам (в тылу противника, на самом театре боевых действий — в приграничной полосе и в тылу у себя) с точной разработкой плана действий в каждом районе по периодам;

- создание в этих районах сети партизанских ячеек со всеми необходимыми для будущей боевой работы органами и материальной базой;
- подготовку намеченного кадра партизан в политическом, организационном и тактически-боевом отношениях.

Подчеркивалась необходимость соответствующей подготовки «во всей армии и флоте в особенности среди комсостава, чтобы каждый знал существо партизанских действий и умел на практике и противодействовать им, и осуществлять самостоятельно задачи, могущие быть ему поставленными во время войны как партизану»^{55}.

Задачи по непосредственной подготовке некоторых частей и подразделений Красной Армии к действиям партизанскими методами официально ставились на крупных совещаниях руководящего состава РККА. В речи на совещании командного состава войск Украины и Крыма М.В. Фрунзе подчеркнул: «Я указывал вам здесь на маневренность и подвижный характер наших будущих операций; крупная роль будет принадлежать в этих условиях партизанским действиям, для чего надо организовать и подготовить их проведение в самом широком масштабе, а отдельные группы войск планомерно и систематически воспитывать в духе подготовки к этим действиям»^{56}.

Идеи Фрунзе развивают и воплощают в жизнь командармы 1 ранга М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, И.Э. Якир, комкор В.И. Примаков. С 1932 года в оперативных планах приграничных округов в начальном периоде войны важная роль отводилась партизанским формированиям. Ими предусматривалось, что в случае, если войскам противника удастся углубиться на нашу территорию, на расстояние около 100 км от государственной границы, они должны были напороться на наши укрепрайоны и увязнуть в боях по их преодолению. В это время на оккупированной территории с первого дня начала боевых действий партизанские формирования начинают организованные действия по систематическому нарушению железнодорожных и других коммуникаций противника. Израсходовав находящийся в войсках запас боеприпасов, продовольствия, горючего и других материальных средств, противник будет вынужден отступить. Партизанские формирования также перемещаются, в том числе за пределы территории СССР, постоянно оставаясь в тылу противника и продолжая проводить диверсии.

В соответствии с планом Генерального штаба РККА вдоль западной границы оборудуются десятки тайников с вооружением и боеприпасами. О масштабе этих работ можно судить по следующему факту.

Если за все время своего существования Центральным штабом партизанского движения в годы Великой Отечественной войны было переброшено в тыл противника 98,5 тысяч единиц стрелкового оружия^{57}, то на территории Белоруссии только в 100-километровой приграничной полосе в начальном периоде войны было тайно заскладировано свыше 50 тысяч винтовок, 150 пулеметов, десятки тонн минно-взрывных средств. Приблизительно такое же количество оружия и боеприпасов, в том числе минно-взрывных средств было подготовлено для применения с началом войны в Ленинградском военном округе. Разведывательным управлением Украинского военного округа в тайники было заложено, кроме отечественного оружия, 10 тысяч японских карабинов, около 100 пулеметов, множество мин, гранат, различных боеприпасов. Некоторые базы были подготовлены вне СССР.

Началась интенсивная подготовка специально отобранных военнослужащих и целых подразделений к действиям в тылу противника со специальными задачами. Собственно подготовка кадров к ведению партизанской войны не прекращалась с гражданской войны. К 1932 году существовало три учебных школы, где готовили специалистов по ведению партизанской войны: две школы при IV (разведывательном) Управлении штаба РККА и одна при ОГПУ.

Школа ОГПУ в Харькове готовила в основном диверсантов-подпольщиков для действий с нелегальных позиций. Школа IV Управления в Куперске готовила группы по 10–12 человек, пришедших на советскую территорию из районов Западной Украины и Белоруссии, в течение 6 месяцев. Крупная школа Народного комиссариата обороны по подготовке офицерских кадров к ведению войны партизанскими методами, а также офицеров-организаторов партизанской борьбы была в местечке Грушки под Киевом. Работу школы держали под постоянным контролем Генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины С.В. Косиор и командующий войсками Украинского военного округа И.Э. Якир. Только их вмешательство в судьбу партизан во время голода на Украине, несмотря на некоторые нарушения конспирации, связанные с составлением их списков, спасло советских диверсантов от голодной смерти^{58}.

Готовились к диверсионным действиям и воздушно-десантные части и подразделения. История создания Воздушно-десантных войск в СССР говорит о том, что данный род войск на самом начальном этапе своего развития представлял собой действия небольших диверсионных подразделений в тылу противника, не предназначавшихся для открытого боя с противником. По этому пути, по мнению зарубежного военного историка Т. Уайта, шло также военное строительство диверсионных сил в иностранных армиях^{59}. Поэтому с описания диверсионных действий во время первой мировой войны во Франции и Германии начинала исследование этого вопроса группа авторов во главе с бывшим командующим ВДВ генерал-полковником Е.Н. Подколзиным^{60}. И только по мере улучшения тактико-технических возможностей самолетов по десантированию личного состава и техники, увеличению числа авиадесантных отрядов началось увеличение количества десантируемых сил и средств и, соответственно, подготовка к ведению обычных боевых действий в тылу противника.

Осенью 1932 года в Ленинградском военном округе проводились специальные учения, на которых воинские партизанские формирования, сформированные из выпускников партизанских спецшкол, показали высокую эффективность действий в тылу противника. На них впервые были организованы диверсионные действия на железных дорогах с применением экспериментальных противопоездных мин. Свыше 500 выпускников партизанских спецшкол участвовали в Бронницких учениях под Москвой. В 1933 году в Украинском военном округе проводятся специальные учения с привлечением диверсионных отрядов и авиации. По их итогам делается вывод, что заранее обученные подразделения при управлении из единого центра в состоянии провести внезапную и широкомасштабную операцию, которая парализовала бы все коммуникации в западных областях Украины и Белоруссии, занятые условным противником...

Однако в июне 1937 года высшие военные руководители, допускавшие возможность ведения боевых действий на территории СССР, в приказе Наркома обороны Маршала К.Е. Ворошилова о «Раскрытии Наркоматом внутренних дел предательской, контрреволюционной военной фашистской организации в РККА» были обвинены в

том, что «пытались подорвать мощь Красной Армии и подготовить ее поражение в случае войны»^{61}.

Репрессиям подверглись не только люди, но и их книги и документы. В 1928 г. проблеме подготовки и ведения партизанских действий посвятил свой труд «Партизанство» заместитель начальника разведывательного отдела штаба Украинского военного округа П.А. Каратыгин, однако обнаружить эту работу нигде не удалось. По-видимому, труд попал в число книг, подлежащих уничтожению согласно приказу Народного комиссара обороны СССР № 147 от 10 августа 1937 г. «О назначении комиссии для изъятия политически вредной и устаревшей военной и военно-политической литературы»^{62}.

В результате репрессий 1937–1938 годов обученные и подготовленные, как их тогда называли, кадровые советские диверсанты были поголовно уничтожены. Уцелели только те, кто до начала массовых расстрелов был отправлен в Испанию. Все партизанские отряды были расформированы, а тайники с оружием, боеприпасами и минно-взрывными средствами демонтированы. Сами термины «диверсия», «диверсионная деятельность», «диверсант» и т.п. стали применяться исключительно в отрицательном смысле и только применительно к врагам. Дальнейшее развитие Воздушно-десантных войск пошло по линии наращивания возможностей по ведению боевых действий в тылу противника только в форме общевойскового боя при проведении Красной Армией наступательных операций.

Однако прекращение развития различных форм малой войны в Советском Союзе не остановило стремительное развитие теории и практики диверсионных действий в время гражданской войны в Испании. У испанцев, которые в последний раз партизанили против Наполеона, не было ни навыков, ни специалистов-диверсантов, способных решать специфические задачи партизанской борьбы в тылу современной регулярной армии.

По инициативе старшего советского военного советника Я.К. Берзина осенью 1936 года среди советских добровольцев там оказались и специалисты по диверсионным действиям И.Г. Старинов, Н.А. Прокопюк, А.К. Спрогис и другие. Свою деятельность в роли советников и инструкторов они начали с создания в составе республиканской армии небольших диверсионных групп.

Первой в декабре 1936 года в Валенсии была сформирована диверсионная группа капитана Доминго Унгрия в составе 12 человек. Результативные действия группы в течение 3-х месяцев при осуществлении диверсий на железных и шоссейных дорогах, особенно после успешного крушения воинского эшелона со штабом итальянской авиадивизии, приводят Генеральный штаб республиканцев к решению о формировании специального батальона для действий в тылу противника. Личному составу батальона был установлен полуторный оклад денежного содержания и авиационный паек. К ноябрю 1937 года в составе республиканской армии действует уже XIV партизанский корпус численностью около 3 000 человек. За 10 месяцев диверсантами корпуса было совершено около 200 диверсий и засад, в которых противник потерял около 2 000 человек, сотни единиц военной техники, тысячи тонн боеприпасов, горючего и других материальных средств. Потери корпуса при этом составили всего 14 человек^{63}.

Во время действий специальных формирований в тылу франкистов были найдены многие новые приемы и способы диверсионных действий. Впервые систематически использовались автомобили, в том числе трофейные, для действий диверсантов в

тылу противника. Было налажено использование штатных боеприпасов для извлечения из них тринитротолуола. Целью диверсий на железных дорогах ставится отвлечение максимально возможного количества войск для их охраны в период проведения операции войск на фронте.

В целом диверсионные действия во время гражданской войны в Испании приобретают форму систематических специальных действий на железных и шоссейных дорогах в тылу противника. Гражданская война в Испании показала высокую эффективность диверсионных действий в тылу противника, что привело к формированию в составе республиканской армии IV партизанского корпуса. Однако положительный опыт специальных действий не был использован советским военно-политическим руководством.

Советское военное искусство на этапе 1918–1937 гг. в понятие малой войны вкладывало такие формы вооруженной борьбы в тылу противника как партизанство-повстанчество, партизанство войскового типа и диверсии. Все три формы при этом рассматривались как составные части классовой борьбы. Одновременно с классовым пониманием форм вооруженной борьбы в тылу противника партизанские действия являлись составной частью использования регулярных вооруженных сил. До 1938 года подготовка соединений, частей и подразделений Красной Армии к партизанской борьбе являлась составной частью оперативной и боевой подготовки войск, особенно приграничных округов.

2.2. СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ: 1938–1950 ГОДЫ

Второй этап (1938–1950 гг.) советского периода развития теории и практики специальных действий в своем начале характеризуется резкими изменениями в доктринальном подходе к этой проблеме. Официальная система взглядов на ведение войны после 1938 года более не допускает возможности какого-либо глубокого прорыва крупных группировок противника на территорию СССР и достаточно продолжительного нахождения на ней неприятельских войск. Соответственно партизанские действия в оперативном и стратегическом масштабе не рассматриваются как одна из задач теории и практики военного искусства.

Боевая практика советско-финской войны в 1939 году заставила Разведывательное управление Ленинградского военного округа предпринять попытку формирования нештатных разведывательно-диверсионных подразделений, предназначенных для действий в тылу противника.

Однако вследствие поспешной подготовки, недостаточного вооружения и снаряжения значительная часть диверсионных групп погибла от холода, более трети групп попали в плен. Опыт войны с финнами убедительно доказал, что даже самые простые, но умело поставленные мины способны нанести наступающим войскам ощутимый урон, существенно снизить темп наступления, затруднить использование путей сообщения войсками и организацию подвоза предметов снабжения.

Однако единственным практическим выводом, который был сделан в организации диверсионных действий, стала реорганизация 5-го отдела (специального диверсионного) в составе Разведывательного управления Генерального штаба и введение в состав разведотделов штабов приграничных военных округов отделений «активной разведки». Практическая работа по формированию штатных диверсионно-разведывательных формирований и их подготовке в мирное время организована не была.

В мае 1940 года Народным комиссаром обороны СССР был назначен Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Специально созданная в связи с этим комиссия во главе с секретарем ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым осуществила проверку Наркомата обороны и подготовила Акт его приема-передачи. В этом документе отмечалось, что на момент приема и сдачи Наркомат обороны не имел оперативного плана войны^{64}. Соответственно не было уже и планов ведения малой войны партизанскими и регулярными формированиями Красной Армии, в том числе в начальном периоде войны.

В конце декабря 1940 года — начале января 1941 года в Москве состоялось совещание высшего командного и политического состава Красной Армии, которое завершилось проведением двухсторонних оперативно-стратегических игр на картах. На нем присутствовали руководящий состав Наркомата обороны и Генерального штаба, начальники Центральных управлений, командующие, члены военных советов и начальники штабов военных округов, армий, начальники военных академий, генерал-инспекторы родов войск, командиры некоторых корпусов, дивизий — всего более 270 человек.

Совещание тщательно и заблаговременно готовилось. По заданию Наркома обороны было поручено разработать 28 докладов по самым актуальным проблемам военной теории и практики. Однако ни в одном из докладов или выступлений не затрагивалась проблема организации и ведения малой войны в тылу противника. Даже при рассмотрении организации оборонительных действий в предполье в докладе начальника Генерального штаба генерала армии А.К. Мерецкова возможность каких-либо партизанских или других специальных действий не предусматривалась^{65}. В докладе командующего войсками Киевского особого военного округа генерала армии Г.К. Жукова задача нарушения подвоза запасов по железным и шоссейным дорогам, сковывание действий противника в его тылу возлагалась только на авиацию. Партизанские действия или другие действия малой войны в тылу противника не упоминались^{66}. В докладе командующего войсками Московского военного округа генерала армии И.В. Тюленева указывалось, что ведение современных войн вооруженными силами покинется только на двух основных формах боевых действий — на наступлении и на обороне. Не рассматривал проблему специальных действий в тылу противника в своем выступлении и начальник Разведывательного управления генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, который заострил внимание на трех вопросах: о постановке службы ВНОС, о дорожно-мостовой службе и о службе регулирования^{67}.

Проведенные после совещания оперативно-стратегические игры трудно оценить положительно. Существенным недостатком игр было полное исключение оборонительных действий из розыгрыша операций начального периода войны. Обе игры начинались из исходного положения, когда враг после нападения на СССР был отброшен к исходному рубежу. В ходе игры «Наступательная операция фронта с прорывом УР» применение воздушно-десантных соединений и частей предусматривалось только в рамках организации и проведения выброски крупного авиадесанта^{68}. Действия мелких диверсионных групп в тылу противника и противодействие им в своем тылу, а также действия по организации, всестороннему обеспечению и руководству партизанскими отрядами не отрабатывались.

В течение осени и зимы 1940 года был разработан новый оперативный план по отражению агрессии, который постоянно корректировался, но и он, по словам бывшего тогда первым заместителем начальника Оперативного управления А.М.

Василевского, не предусматривал каких-либо диверсионных действий на коммуникациях противника^{69}.

Таким образом, теория и практика советского военного искусства накануне Великой Отечественной войны перестала рассматривать партизанские, диверсионные или иные специальные действия в тылу противника как важную составную часть вооруженной борьбы. Вопросы подготовки и ведения специальных действий не отрабатывались на военных играх и командно-штабных учениях, были изъяты из оперативных планов Генерального штаба и приграничных военных округов, не были включены в содержание боевой подготовки войск и сил РККА.

Пренебрежительное отношение к вопросам организации диверсионных действий на западном направлении было вызвано в том числе недостаточным пониманием сущности немецкой стратегии «молниеносной войны» относительно значительного, а подчас — решающего влияния технического и материального обеспечения на ведение боевых действий немецко-фашистскими войсками.

«Блицкриг» появился в начале 20 века в германском военном искусстве как вынужденная необходимость, связанная с отсутствием военно-экономических ресурсов, достаточных для длительного ведения войны, и как единственная возможность достижения победы над своими противниками на Европейском континенте. В военно-стратегическом плане это предполагало в качестве первоочередной цели не захват вражеской территории, а исключительно разгром и уничтожение основной части вооруженных сил противника. Такая концепция ведения войны была опробована вначале на Польше, а затем совершенствовалась в ходе последующих военных кампаний на Западе.

Достаточно ясно вырисовывался и способ применения сил и средств в начальном периоде войны: внезапное нанесение авиационных ударов по аэродромам противника с целью завоевания господства в воздухе, диверсионные удары по штабам, линиям связи, другим объектам с целью дезорганизации системы управления и создания паники, достижение подавляющего превосходства на главных направлениях путем массированного применения танков, глубокий прорыв в глубину немецких танковых групп в тесном взаимодействии с авиацией, уничтожение основной части вооруженных сил противника в начальном периоде войны.

Подготовка операции «Барбаросса» не являлось исключением из этих правил. Три месяца — вот тот срок, в течение которого германский Генеральный штаб рассчитывал одержать победу. Гитлеровские генералы ясно понимали, что наиболее уязвимым местом в осуществлении оперативного плана военных действий на Востоке является техническое и тыловое снабжение войск и что в случае затяжной войны с Советским Союзом Германию ждет катастрофа. Запасов цветных металлов, захваченных в оккупированных областях, хватало примерно до конца 1941 года. 13 июня 1941 года начальник военно-промышленного штаба ОКВ генерал Томас докладывал начальнику Генерального штаба Сухопутных войск Ф. Гальдеру, что «осенью запасы горючего будут исчерпаны. Запасы авиабензина составят лишь $\frac{1}{2}$ потребности; автобензина — $\frac{1}{4}$; дизельного горючего и жидкого топлива — $\frac{1}{2}$ потребности»^{70}.

В оперативной разработке к плану «Барбаросса», составленной Управлением военной экономики и военной промышленности 13 февраля 1941 года, первой

проблемой, с которой столкнется Германия в случае затяжной войны, была названа транспортная проблема{71}.

В ноябре 1940 года расчеты генерал-квартирмейстерской службы показали, что немецкая армия начнет Восточную кампанию имея запасы горючего всего на первые три месяца операции, при этом возимый запас горючего в дивизии обеспечивал запас хода 100 км. Обеспеченность боеприпасами: в каждой пехотной дивизии — 500 тонн, или два боекомплект (в танковых дивизиях — три); этого хватало на 10 дней при ежедневном расходе в 0,2 боекомплекта. На следующие 10 дней предусматривалось снабжение боеприпасами из расчета по 0,3 боекомплекта в день. Продовольствия: всего — 20 сутодач, из них в дивизии 6 сутодач{72}. Дальнейшее снабжение войск должно было осуществляться бесперебойным подвозом запасов.

Оценивая возможную обстановку с подвозом предметов снабжения войскам начальник Генерального штаба Сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер писал в своем дневнике: «Поскольку нельзя рассчитывать на ускоренные темпы переброски по железным дорогам (разрушения, водные преграды, другая колея), безостановочное проведение операции зависит от снабжения, базирующегося на мотор»{73}. Таким образом, учитывая ограниченность возимых запасов, обширные пространства и удаленность объектов снабжения от баз, решающее значение отводилось автотранспорту, который, по мнению немецкого командования, должен был стать основным средством доставки предметов снабжения. При этом задержка наступления по причине нарушения подвоза снабжения допускалась лишь очень далеко на Востоке, за рубежом Днепр — Двина{74}.

Применение широкомасштабных диверсионных действий для нарушения управления войсками и работы коммуникаций, выполнения других специальных задач в тылу противника, а также использование «пятой колонны» — являлись составной частью немецкой теории «блицкрига». Немецкие диверсанты использовались для провокационного нападения на польскую радиостанцию «Гляйвиц» в конце августа 1939 года, что послужило официальным предлогом развязывания войны против Польши. Фашиствующие пособники из «пятой колонны» содействовали захвату Голландии, Бельгии, Норвегии в 1940 году. Диверсионный отряд был использован при нападении гитлеровской Германии на Югославию и Грецию 6 апреля 1941 года{75}.

Для ведения диверсионных действий в 1940 году в составе вермахта был сформирован специальный диверсионный полк «Бранденбург» (в документах — 800-й учебный полк особого назначения «Бранденбург»). Практическая работа по подготовке диверсионных ударов по наиболее важным объектам советского тыла началась в конце 1940 года, в результате которой 17 мая 1941 года из состава 800-го (диверсионного) полка «Бранденбург» один батальон был придан группе армий «Центр», один батальон — группе армий «Юг» и две роты — группе армий «Север»{76}. Боевое применение подразделений полка тщательно планировалось как Генеральным штабом сухопутных войск, так и штабами групп армий в тесном взаимодействии с отделами «Абвера II» и офицерами полка «Бранденбург». Выделенные группам армий диверсионные батальоны распределялись поротно по армиям с определением объектов действий и порядка взаимодействия с наступающими войсками. Так, штабом группы армий «Б» (в последующем — группа армий «Центр») 20 мая 1941 года был издан приказ по организации диверсионных действий одной роты полка «Бранденбург» в полосе 4-й армии (приложение 7). Для руководства своими силами и средствами перед нападением на Советский Союз Управление военной разведки и контрразведки (абвер) сформировало на Востоке так

называемые «фронтовые руководящие центры». Функционально они соответствовали трем главным отделам абвера. Под Варшавой располагался штаб «Валли-1» с теми же задачами, что и 1-й отдел абвера (разведка). В районе Августова находился штаб «Валли-2» (диверсионный центр), а в Восточной Пруссии — штаб «Валли-3» (контрразведка){77}.

Анализ немецких военно-экономических и боевых возможностей, проведенный советским военным руководством подтверждал, что Германия не способна вести длительную войну с Советским Союзом. Однако из этого делался вывод только о том, что когда начнется война, немцы в первую очередь будут стремиться захватить Украину и другие богатые сырьевыми ресурсами районы страны. Вывод, что необходимо организовать воздействие на наиболее уязвимое место военного противоборства — тыловое и техническое обеспечение немецких войск, — сделан не был. В результате широкомасштабные систематические действия в тылу противника по уничтожению запасов и срыву снабжения войск противника боеприпасами, горюче-смазочными материалами, продовольствием и другими предметами тылового и технического обеспечения по железным и шоссейным дорогам, как специальная задача какого-либо рода войск Красной Армии высшим военным руководством не рассматривались.

Только 16 июня 1941 года к практической работе по организации диверсионных действий приступил и Народный комиссариат внутренних дел. Вот как описывает взаимодействие с приграничными военными округами в этой области накануне войны П.А. Судоплатов, руководивший службой диверсионно-разведывательных операций в советских органах безопасности с конца 30-х до начала 50-х годов.

«20 июня 1941 года Эйтингон (заместитель П.А. Судоплатова) сказал мне, что на него произвел неприятное впечатление разговор с генералом Павловым, командующим Белорусским военным округом. Поскольку они с Эйтингоном знали друг друга по Испании, он попросил дружеского совета у Павлова, на какие пограничные районы, по его мнению, следовало бы обратить особое внимание, где возможны провокации со стороны немцев. В ответ Павлов заявил нечто невразумительное, он, казалось, совсем ничего не понимал в вопросах координации действий различных служб в современной войне. Павлов считал, что никаких особых проблем не возникнет даже в случае, если врагу удастся в самом начале перехватить инициативу на границе, поскольку у него достаточно сил в резерве, чтобы противостоять любому крупному прорыву. Одним словом, Павлов не видел ни малейшей нужды в подрывных операциях для дезорганизации тыла войск противника» {78}.

Принято считать, что нападение фашистской Германии на СССР началось нанесением авиационных и артиллерийских ударов. Однако масштаб и характер диверсионных действий в тылу советских войск позволяет говорить о нанесении немецкой армией также и диверсионного удара, который предшествовал боевым действиям авиации и артиллерии и вторжению немецких войск. Целью удара было нарушить управление войсками и не допустить передачи в приграничные округа, соединения и части приказов и директив о приведении их в высшие степени боевой готовности, выходе в районы оперативного предназначения и занятии огневых позиций. Таким образом, форма применения немецких сил и средств со специальными задачами в тылу советских войск в первые часы войны имела признаки диверсионного удара по государственным и военным линиям связи и управления.

Оперативно-стратегический масштаб и значение этого диверсионного удара немцев в самом начале войны подтверждается его последующей оценкой Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым, бывшего тогда начальником Генерального штаба Красной Армии. «Чуть позже нам стало известно, что перед рассветом 22 июня во

всех западных приграничных округах была нарушена проводная связь с войсками и штабы военных округов и армий не имели возможности быстро передать свои распоряжения. Заброшенная немцами на нашу территорию агентура и диверсионные группы разрушали проволочную связь, убивали делегатов связи и нападали на командиров. В штабы округов из различных источников начали поступать самые противоречивые сведения, зачастую провокационного характера. Генеральный штаб, в свою очередь, не мог добиться от штабов округов и войск правдивых сведений, и, естественно, это не могло не поставить на какой-то момент Главное Командование и Генеральный штаб в затруднительное положение»^[79]. О серьезных затруднениях в управлении войсками из-за нарушений линий проводной связи немецкими диверсионными отрядами писал Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян в книге «Так начиналась война»^[80] и другие полководцы Великой Отечественной войны.

Таким образом, применение широкомасштабных диверсионных действий для нарушения управления войсками и работы коммуникаций, выполнения других специальных задач в тылу противника в начальном периоде войны и в последующих военных действиях, а также использование «пятой колонны» являлись составной частью немецкой теории «блицкрига». Вместе с тем, несмотря на выявленную серьезную уязвимость немецкой армии в техническом и тыловом обеспечении войск в ходе длительных боевых действий, советская военная доктрина в предвоенный период не предусматривала организацию диверсионных действий в тылу противника специальными регулярными соединениями, частями и подразделениями Красной Армии или другими вооруженными формированиями в форме систематических специальных действий или специальной операции в оперативном или стратегическом масштабах. Применение сил и средств для диверсионных и других специальных действий в тылу противника не входило в оперативные планы приграничных военных округов, а также воздушно-десантных, инженерных войск и кавалерии, и не было включено соответствующими главами в полевые и боевые уставы родов войск и служб. Формы боевого применения сил и средств в тылу противника не были разработаны в теоретическом плане и не освоены в оперативной и боевой подготовке войск. В военных академиях и училищах, школах и курсах боевой подготовки войск вопросам партизанских действий не уделялось должного внимания. Промышленностью не был освоен выпуск мин и минно-взрывных средств, специально предназначенных для применения на железных и шоссейных дорогах. Организации Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим) в своей деятельности по военной подготовке населения также не занимались вопросами подготовки и ведения партизанских действий.

Вторая мировая война стала проверкой предвоенных военно-теоретических взглядов советского руководства на роль и место вооруженной борьбы в тылу противника. Развитие специальных действий во время Великой Отечественной войны можно разделить на четыре периода.

Периодом поиска и становления форм боевого применения различных сил и средств в тылу противника со специальными задачами можно считать время с 22 июня 1941 года по 30 мая 1942 года.

Анализ действий сторон за несколько часов до войны и в первые часы и сутки ведения открытых боевых действий показывает, что, если немецкая армия начала военные действия предварительным нанесением диверсионного удара по линиям связи и другим объектам государственного и военного управления, то советские

войска каких-либо диверсионных или иных специальных действий в этот период не предпринимали.

Организация партизанских действий в тылу немецких войск советским политическим руководством с началом войны рассматривалась в основном не как задача вооруженных сил, а как одна из задач партийных и советских органов. 29 июня 1941 года, т.е. через неделю после начала вторжения, вышла Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, где в частности указывалось: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия»^[81]. С точки зрения организации вооруженного сопротивления в тылу противника данная директива была лозунгом, поскольку никакой руководящей партийной или государственной структуры, предназначенной для «разжигания партизанской войны» заблаговременно создано не было. Установка на ведение открытой вооруженной борьбы с хорошо оснащенными и подготовленными частями немецкой армии обрекало партизанские отряды на разгром и чрезвычайно большие потери.

Одной из причин неверного выбора целей и задач партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу противника был механический перенос форм партизанской борьбы с гражданской войны на новые условия начавшейся войны. Если в годы гражданской войны вооружение партизанских отрядов и противостоящих им частей регулярных войск, за исключением артиллерии, было в основном одинаковым (пулеметы, винтовки, гранаты, сабли), то в 1941 году противник имел большое количество танковых и механизированных соединений и частей, которые при поддержке авиации и артиллерии обладали подавляющим превосходством в открытом бою с партизанами. Поэтому, если в гражданскую войну «партизанские отряды занимали города» и могли разгромить противника в открытом бою, то к началу второй мировой войны они эту способность в основном утратили. Чем крупнее был партизанский отряд, ввязавшийся в открытый бой с немцами, тем легче было противнику применить современные средства поражения и уничтожить партизанское формирование.

10 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны направил главнокомандующим войсками направлений К.Е. Ворошилову, С.К. Тимошенко, С.М. Буденному, а также командующим округами, фронтами и армиями, председателям СНК и секретарям ЦК союзных республик Постановление № ГКО-83сс за подписью И. Сталина, где предписывалось: «Обязать главкомов почаще разбрасывать с самолетов в тылу немецких войск небольшие листовки за своей подписью с призывом к населению громить тылы немецких армий, рвать мосты, развинчивать рельсы, поджигать леса, уйти в партизаны, все время беспокоить немцев — угнетателей. В призыве указывать, что скоро придет Красная Армия и освободит их от немецкого гнета»^[82]. Громить тылы немцев, таким образом, должны были не специальные части вооруженных сил, а безоружное мирное население оккупированных областей, которое призывали к самоорганизации для вооруженной борьбы на захваченных территориях.

8 июля 1941 года начальник Генерального штаба Сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер делает следующую запись в своем дневнике: «Вагнер

(генерал-квартирмейстер) представил доклад о положении со снабжением. Оно всюду вполне удовлетворительное. Работа железных дорог превзошла все наши ожидания.

Лишь на участке Брест — Минск пропускная способность железной дороги несколько ниже ожидавшейся. Выполнение ближайших оперативных задач в материально-техническом отношении вполне обеспечено. Автотранспорта большой грузоподъемности вполне достаточно»^{83}. Только с 1 по 16 августа в немецкие войска было доставлено 340 эшелонов с боеприпасами, т.е. такое количество боеприпасов, какое предусматривалось всем планом «Барбаросса»^{84}. Примечательно, что приблизительно к этому времени группа армий «Центр» от ударов авиации, по техническим и другим причинам потеряла одну треть своего автотранспорта большой грузоподъемности^{85}. Партизанских действий на шоссейных дорогах противником не отмечается, хотя основная масса немецкого автотранспорта большой грузоподъемности еще занята перевозками боеприпасов и других предметов снабжения от границы до Днепра.

18 июля 1941 года, когда немецкими войсками уже были оккупированы Прибалтика, почти вся Белоруссия, западная часть Украины, вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск», где партизанские действия, по-прежнему, рассматривались как вооруженная форма политической борьбы. В нем подчеркивалась роль партийного руководства и выдвигалась задача: «...развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов». Для руководства партизанской борьбой развернулась организаторская работа, направленная, прежде всего, на создание партийных комитетов на оккупированной территории, и к концу 1941 года в тылу противника действовало 18 подпольных обкомов, более 260 окружкомов, горкомов, райкомов и других подпольных партийных организаций^{86}.

На основании данного Постановления и приказа Наркома обороны в Главном политическом управлении РККА и политуправлениях фронтов были организованы 10-е отделы, а в политотделах армий — 10-е отделения для организации партийно-массовой работы среди населения оккупированных областей и политического руководства партизанским движением. «Так как в то время не существовало никаких пособий и наставлений по вопросам организации и тактики партизанской борьбы, — вспоминал впоследствии П.К. Пономаренко, — Главное политическое управление в октябре 1941 года разослало армейским политорганам «Инструкцию по организации мелких местных партизанских отрядов», составленную в период гражданской войны и интервенции против Советской России»^{87}. Отсутствие уставов, наставлений и других руководящих документов по подготовке и ведению партизанских действий, тактике действий партизанских отрядов и диверсионных групп явилось важным фактором, влияющим на выбор форм специальных действий. Незнание основных положений по подготовке и ведению специальных действий заставляло партизан искать наиболее оптимальную структуру организации сил и средств, вырабатывать специальные формы их боевого применения уже в ходе боевых действий и нести большие потери.

Практика руководства партизанскими действиями партийными и советскими органами в рамках форм партийной и советской работы, а также войсковыми политорганами показала их явную неспособность к выполнению задач по подготовке и переброске партизанских отрядов в тыл противника, планированию боевого применения партизанских отрядов и руководству боевыми действиями партизан,

организации снабжения партизанских отрядов оружием, боеприпасами, минно-взрывными и другими средствами. Поэтому к ноябрю 1941 года военными советами фронтов в инициативном порядке были организованы специальные оперативные группы, которые взяли на себя руководство боевыми действиями партизан как составную часть управления войсками. Организацией восстановления советских и партийных органов на оккупированной территории продолжали заниматься различные партийные комитеты, а также отделы и отделения политорганов фронтов и армий^{88}.

Вопросы подготовки, вывода и руководства партизанскими отрядами в тылу противника выходили также за рамки разведывательного обеспечения операции и боя. Разведывательные отделы фронтов и армий пытались направить деятельность партизанских отрядов и диверсионных групп только на решение задач, возложенных на разведку. Этот недостаток, в частности, был отмечен в постановлении смоленского обкома ВКП(б) от 11 ноября 1941 года при анализе состояния партизанского движения в области: «Командование армий, дивизий и полков направляют деятельность партизанских отрядов и используют их односторонне, только для разведки, что ограничивает инициативу партизанских отрядов и их командиров по уничтожению живой силы, материальной части, транспорта и путей сообщения противника»^{89}. Таким образом, наличие и ведомственная принадлежность органа управления специальными действиями являлась существенным фактором, влияющим на выбор задач и форм боевого применения партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу противника.

С началом войны стала очевидной необходимость широкого развертывания диверсионных действий партизанскими отрядами на коммуникациях противника и подготовки соответствующих специалистов. В июле 1941 года был создан Оперативно-учебный центр Западного фронта по подготовке партизан к проведению диверсий. Вскоре аналогичные центры и школы по подготовке партизан-диверсантов были созданы в других фронтах. Отсутствие в партизанских отрядах минеров-подрывников тормозило развитие и широкое применение таких эффективных способов диверсий как крушение поездов, устройство засад с применением мин и управляемых фугасов, уничтожение объектов с помощью мин и фугасов, управляемых по радио, диверсий с применением мин-сюрпризов и других специальных акций с применением минно-взрывных средств.

Применение диверсий как способа действий в широких масштабах, кроме того, не представлялось возможным в результате отсутствия в достаточном количестве мин и зарядов, специально приспособленных для применения на коммуникациях противника. Табельные мины ТМ-35, ТМД-40, АМ-5, ПМД и другие, находившиеся на вооружении Красной Армии, оказались трудно применимыми в тылу противника. Они были громоздкими, тяжелыми и требовали значительного времени на установку и маскировку.

Одновременному проведению согласованных по цели, месту и времени специальных акций в форме удара препятствовало также отсутствие связи партизанских отрядов с Центром из-за недостатка средств связи и радистов. «К июню 1942 года в тылу врага действовало 387 учтенных партизанских отрядов и групп, из них только 37, т.е. 10% имели радиостанции для связи с Командованием»^{90}. Недостаточное количество минеров-подрывников, радистов и специального вооружения не позволило на начальном этапе войны использовать в тылу противника такую форму специальных действий как удар по железнодорожным коммуникациям. Только по мере поступления в партизанские отряды специальных минно-взрывных средств и

подготовленных специалистов стали увеличиваться масштабы диверсионных действий. Так, согласно данным главной железнодорожной дирекции группы армий «Центр» количество партизанских налетов на объекты железнодорожного транспорта в первой половине 1942 года составляло: январь — 5, февраль — 6, март — 27, апрель — 65, май — 145; количество подорвавшихся на минах паровозов составляло: в феврале — 5 (в ремонте 2), в марте — 5 (2), в апреле 13 (6), в мае 25 (13); количество сильно поврежденных и полностью выведенных из строя вагонов: январь — 0, февраль — 0, март — 57, апрель — 45, май — 166^{91}. Таким образом, наличие или отсутствие специально подготовленного и оснащенного личного состава, а также специального вооружения было одним из решающих факторов, влияющих на масштабы диверсионной работы и формы специальных действий в тылу противника.

В августе 1941 года первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко была разработана и отправлена И.В. Сталину записка «К вопросу о постановке диверсионной работы» в тылу врага. Однако только в декабре ее автор был вызван в Москву, где ему предложили ознакомиться с предложениями по организации партизанского движения, разработанные недавно созданным Управлением по формированию партизанских частей, отрядов и групп Главного управления формирований (Главупраформ) НКО. О непонимании данным управлением сущности, целей и задач партизанских действий говорит следующий факт. Главупраформом НКО предлагалось создать на неоккупированной территории Дона, Кубани и Терека 6–7 кавалерийских дивизий численностью 5483 человека каждая, сведенных в «1-ю конную армию народных мстителей» общей численностью в 33 000 человек, а также пять партизанских дивизий из приволжских, уральских и сибирских партизан, объединенных в «1-ю стрелковую партизанскую армию народных мстителей» общей численностью свыше 26 000 человек. В записке подчеркивалось, что оперативное использование партизанских армий целесообразно проводить крупной массой, т.к. «в массе бойцы действуют смелее, решительнее и самостоятельнее». Эти партизанские армады предлагалось выводить в тыл противника через линию фронта для последующих действий в немецком тылу. Абсурдность подобных предложений, их явное несоответствие реальным условиям войны не была тогда очевидной и серьезно рассматривалась в ЦК ВКП(б), поэтому аргументированное их опровержение требовало проведения большого объема работы и времени. В конечном итоге они были отклонены, и П.К. Пономаренко было предложено приступить к организации Центрального штаба партизанского движения^{92}.

Однако уже в конце января 1942 год по решению ГКО работа по созданию ЦШПД и республиканских ШПД была остановлена. Как выяснилось впоследствии, тогдашнее руководство НКВД подало И.В. Сталину записку, где считало нецелесообразным наличие такого органа управления и выражало сомнение относительно эффективности и возможности широкомасштабных партизанских диверсий. Диверсионные действия по нарушению работы тыла противника, подчеркивалось в записке, могут проводить лишь полностью надежные и квалифицированные диверсанты, прошедшие подготовку в НКВД^{93}.

В первом периоде предпринимались также попытки применения кавалерии для ведения специальных действий в тылу противника. 15 июля 1941 года Ставка Верховного Командования направила в войска директиву, где был обобщен первый опыт ведения войны. Один из пунктов директивы был посвящен задачам вооруженной борьбы в тылу противника. Совершенно справедливо определив растянутые коммуникации как наиболее уязвимое место противника, директива тем

не менее решающую роль в дезорганизации управления и снабжения немецкой армии отводила «рейдам красных кавалеристов» в составе легких кавдивизий численностью в 3 000 человек^{94}. До этого Ставка Верховного командования своей директивой № 00304 от 13 июля приказала главнокомандующим войсками направлений для действий по тылам и коммуникациям противника сформировать по кавалерийской группе в составе одной — двух кавалерийских дивизий^{95}. 18 июля было принято решение послать такую кавгруппу в тыл противнику на Западном направлении^{96}. Просьбой о переходе к партизанским действиям завершился рейд в тыл противника 55 кавдивизии в полосе Брянского фронта в конце августа. Командир 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал П.А. Белов, вспоминая о совместных действиях корпуса с партизанами в тылу зимой 1941–1942 гг., писал: «в наших уставах совершенно не был отражен богатейший опыт совместных действий регулярных войск и партизан, накопленный в прошлых войнах»^{97}. Потерпев неудачу в реализации известных им по гражданской войне форм партизанских действий в тылу противника, главкомы войск направлений и командующие фронтами в дальнейшем отказались от планирования боевого применения крупных кавалерийских соединений и частей в тылу немецких войск со специальными задачами.

Таким образом, анализ директив Ставки ВГК по организации и ведению специальных действий в тылу противника в начальном периоде войны свидетельствует, что основным направлением в дезорганизации тыла противника считались боевые действия кавалерии. В условиях полного господства в воздухе немецкой авиации, наличия большого количества у противника танковых и моторизованных соединений и частей, а также сложности прорыва в тыл противника через линию фронта, такой способ специальных действий как рейд кавалерийских соединений не соответствовал реально сложившейся обстановке и попытки его применения оканчивались неудачей.

Особого исследования требует применение воздушно-десантных войск с диверсионными и другими специальными задачами в начальном периоде войны. «Начало Великой Отечественной войны застало советские воздушно-десантные корпуса, дислоцированные в Прибалтике, Белоруссии и на Украине, в стадии формирования и слаживания. Тяжелая обстановка, сложившаяся в первые дни войны, вынудила советское командование ввести эти корпуса в бой в качестве стрелковых соединений»^{98}. Однако уже сейчас можно предположить, что применение большей части воздушно-десантных войск не по прямому назначению в тылу противника, а для обычных боевых действий на линии фронта не было целесообразным способом их использования в той тяжелой обстановке. Их использование в качестве обычных стрелковых соединений и частей не позволило полностью применить их боевой потенциал и важнейшее качество десантников — умение действовать в тылу врага для дезорганизации управления и работы коммуникаций. Шаблонное восприятие ВДВ как рода войск, не способного выполнять самостоятельные оперативно-стратегические задачи вне непосредственного взаимодействия с войсками на фронте, привело к ограничению возможности ведения ими широкомасштабных диверсионных действий в тылу противника. Воздушно-десантные бригады и корпуса, по-прежнему, рассматривались в качестве сил и средств, способных только к ведению общевойскового боя в тылу противника.

В апреле 1942 года командованию ВДВ было доложено инициативное предложение помощника начальника штаба инженерных войск РККА полковника И.Г. Старикова о самостоятельном использовании соединений и частей воздушно-десантных войск

для выполнения специальных задач в тылу противника небольшими диверсионными группами. Предложение поддержал заместитель наркома обороны — начальник артиллерии РККА генерал-полковник артиллерии Н.Н. Воронов, оценивший важность и эффективность диверсионных действий во время своей деятельности советником в Испании. Командующий ВДВ генерал-майор В.А. Глазунов полностью принял предложение по широкому боевому применению воздушно-десантных соединений и частей с небольшими отрядами с диверсионными задачами. В мае 1942 года инициатива получает поддержку командующего Калининским фронтом генерал-лейтенанта И.С. Конева. Полковником И.Г. Стариновым предпринимается повторная попытка сформировать воздушно-десантные бригады специального назначения для действий на коммуникациях противника и иметь такие бригады на каждом фронте. Однако начальником Генерального штаба генерал-полковником А.М. Василевским предложение было отклонено по причине несоответствия диверсионных задач установленному порядку применения воздушных десантов и задачам воздушно-десантных войск. Было принято решение специальные части в составе ВДВ для диверсионных действий в тылу противника не создавать, а приспособить для решения этих задач на коммуникациях противника части и соединения инженерных войск^{99}.

В августе 1942 года были созданы одна инженерная бригада специального назначения РВГК и по одному инженерному батальону специального назначения в каждом фронте. Неспособность инженерных войск организовать переброску подрывников в глубокий тыл противника воздушным путем, чрезвычайная сложность вывода групп через линию фронта пешим порядком ограничили боевое применение диверсионных подрывных команд гвардейских минерных частей и соединений в основном ближайшим тылом противника.

Вместе с тем оперативная обстановка и очевидная целесообразность решения на применение мелких подразделений ВДВ в тылу противника подталкивали командование фронтов отходить от принятого шаблона и, несмотря на отсутствие в руководящих документах ВДВ специальных боевых задач, все-таки ставить диверсионные задачи десантникам на действия в тылу противника вне тактического или оперативного взаимодействия с войсками, действующими на фронте.

Так, уже в июле — августе 1941 года командование Юго-Западного фронта использовало в районе Киева несколько небольших десантов из состава 212 и 104 воздушно-десантных бригад. На десантников возлагались задачи по подрыву мостов на железных и шоссейных дорогах, уничтожению складов с боеприпасами, нарушению управления войсками и работы тыла противника, ведению разведки. Состав групп колебался от 3–5 до 40–50 человек. Группы скрытно проникали в район объекта, внезапно нападали на него и быстро отходили. Выполнив поставленную задачу, десантники либо выходили в распоряжение своих войск, либо переходили на положение партизан^{100}.

Действия в тылу противника 4-го воздушно-десантного корпуса в январе 1942 года с задачей содействия войскам Западного фронта в окружении 9-й и 4-й танковой армий противника восточнее Вязьмы в конечном итоге завершились переходом к действиям небольшими подразделениями. Вынужденные диверсионные действия в течение пяти месяцев десантников и конников 1-го кавкорпуса генерала Белова по дезорганизации тыла противника заставили немцев отвлечь значительные силы и провести в мае против них специальную операцию «Ганновер-1»^{101}. А высадка 24 сентября 1942 года воздушного десанта в районе юго-западнее Сычевки численностью около 400 человек вначале была воспринята немецким

командованием как начало крупной диверсионной операции на железнодорожных коммуникациях группы армий «Центр» и в течение нескольких дней серьезно повлияла на характер перевозок противника^{102}. 17 февраля 1942 года была проведена выброска специального отряда 204 вдбр в расположение штаба 29 армии, попавшего в окружение. Героизм и упорство десантников подняли боевой дух солдат и офицеров, которые пошли на прорыв и после 5-дневных боев прорвали кольцо окружения и соединились со своими войсками. Специальная задача по оказанию содействия войскам, попавшим в окружение, которая не предусматривалась уставами, была успешно выполнена. В октябре диверсионная группа в составе 20 добровольцев-десантников провела специальную акцию на аэродроме у Майкопа, где налетом уничтожила 22 самолета противника и по сигналу командира отошла на пункт сбора^{103}.

Однако в основном способность ВДВ к диверсионным и другим специальным действиям в тылу противника осталась не востребованной. Основными формами специальных действий ВДВ были специальные акции и диверсионные удары тактического значения.

Суровая зима 1941/42 года была исключительно трудной для партизанских формирований. Созданные в начале войны партизанские роты, батальоны, полки и дивизии оказались не приспособлены к гибким и маневренным действиям небольшими группами. Наиболее типичной организационной единицей стал партизанский отряд. Закончились запасы боеприпасов, которые были собраны на полях сражений. Большинство отрядов и групп не имели связи с Большой землей. Практически отсутствовали специалисты минно-подрывного дела, не было самих минно-взрывных средств. Партизанские командиры еще не получили опыта организации партизанских действий, и часто ввязывалась в невыгодные для них открытые боевые действия с частями и подразделениями противника.

Вместе с тем провал молниеносной войны, огромные потери автотранспорта, растянувшиеся коммуникации, недостаток горючего и другие провалы в тыловом и техническом обеспечении войск к началу зимы 1941 года поставили немецкую армию на грань катастрофы. Некоторым высшим военным чинам вермахта ситуация представлялась настолько безнадежной, что 24 ноября начальник Управления вооружений и командующий армией резерва генерал-полковник Фромм в разговоре с начальником Генерального штаба генерал-полковником Гальдером высказывает мысль о необходимости заключить перемирие с Советским Союзом^{104}. Со второй половины января 1942 года в результате принятых гитлеровским руководством экстренных мер железнодорожный транспорт Германии обеспечивал переброску на Восток по 300 эшелонов ежедневно^{105}. В пересчете на месяц это составляло около 9 тысяч эшелонов. Если принять за основу данные советской военной энциклопедии, что в первый год войны партизаны совершали в среднем ежемесячно 40 крушений, а во второй половине 1942 года их число возросло до 300^{106}, это составит соответственно только 0,44% и 3,3%. Однако цифры, выведенные немецкими исследователями этого вопроса на основании официальных отчетов железнодорожных дирекций на оккупированных территориях, уменьшают даже эти показатели. Изучение работ немецкого исследователя Ганса Поттгиссера^{107}, а также бывшего полковника вермахта, начальника транспортной службы группы армий «Центр» Германа Теске^{108} показывает, что зимой 1941–42 гг. наиболее уязвимое место немецкой военной машины — коммуникации и снабжение войск осталось без значительного влияния партизан. Именно отсутствие в тылу немецких войск зимой 1941–42 гг. широкомасштабных диверсионных действий подобных действиям

армейских партизанских отрядов в Отечественную войну 1812 года спасло вермахт от судьбы армии Наполеона.

Таким образом, организационная неразбериха, устаревшее понимание цели и задач партизанских действий в тылу противника, отсутствие специальных минно-взрывных средств, неправильный выбор способов действий партизанских отрядов, их нацеливание на разгром противника в открытом вооруженном столкновении привели к тому, что в первом периоде основной формой действий партизан в тылу противника был открытый бой с боевыми и тыловыми частями и подразделениями, немецкими гарнизонами и комендатурами.

Резко негативное отношение высшего военно-политического руководства страны к судьбе военнослужащих, попавших в плен, нежелание принять эффективные меры к их освобождению позволили немецкому командованию содержать в лагерях на оккупированной советской территории многие сотни тысяч солдат, офицеров и генералов Красной Армии. Задача освобождения своих военнопленных в нарушение традиций русской армии вообще не рассматривалась как задача вооруженных сил.

Действиями партизанских отрядов и диверсионных групп, по-прежнему, руководили республиканские и областные комитеты партии, политуправления, разведуправления и особые отделы фронтов. Начальник политуправления Юго-Западного фронта в записке, направленной в Главное политуправление РККА в апреле 1942 года отмечал: «...работой среди частей Красной Армии и партизанских отрядов, действующих в тылу противника, в настоящее время занимаются несколько самостоятельных органов и организаций. Так, например, ЦК КП(б) Украины, разведотдел Юго-Западного фронта, НКВД, партизанский отдел политуправления Юго-Западного фронта. Единого центра по руководству указанной работой не имеется»^{109}. Централизация руководства стала жгучей необходимостью. И через 11 месяцев после вторжения немецких войск Постановлением ГКО от 30 мая 1942 года при Ставке ВГК был образован Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) в качестве специального военно-боевого органа ВКП(б) по руководству и координации боевой деятельности партизан^{110}.

Постановлением были также образованы некоторые республиканские и областные штабы партизанского движения.

ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ФОРМ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В ТАКТИЧЕСКОМ И ОПЕРАТИВНОМ МАСШТАБАХ (июнь 1942 г. — май 1943 г.)

Появление ЦШПД сделало возможным планирование партизанских действий, осуществление взаимодействия на оперативном уровне с республиканскими и областными штабами партизанского движения и фронтами, организовать целенаправленную работу по установлению связи с партизанскими формированиями, вырабатывать и доводить до партизанских командиров рекомендации по тактике действий, подсказывать наиболее эффективные способы и приемы ведения диверсионной работы, снабжать партизан оружием, боеприпасами, медикаментами, готовить кадры, осуществлять взаимодействие партизанских формирований с советскими войсками. Наличие в составе ЦШПД оперативного управления позволяло организовать подготовку и осуществление боевого применения партизанских формирований в оперативном масштабе, полнее и теснее координировать деятельность республиканских и областных штабов партизанского движения.

В конце августа — начале сентября 1942 года было проведено совещание руководящих работников Наркомата обороны и ЦШПД с представителями подпольных партийных органов, командирами и комиссарами крупных партизанских формирований. Итоги совещания и важнейшие направления борьбы в тылу врага были сформулированы в приказе Наркома обороны И.В. Сталина от 5 сентября 1942 года «О задачах партизанского движения». Приказ в корне менял предвоенные взгляды на роль, место и формы партизанской войны. Уже сам факт, что задачи партизанского движения определялись не партийным документом, а приказом наркома обороны, говорил о том, что партизанские действия вновь рассматривались как один из видов боевых действий вооруженных сил в тылу противника, которому отводилась стратегическая роль в вооруженной борьбе. В нем утверждалось, что разгром германских армий может быть осуществлен только одновременными боевыми действиями на фронте и мощными непрерывными ударами партизанских отрядов по врагу с тыла. Приказ нацеливал партизанские отряды прежде всего на нарушение работы железнодорожного транспорта противника с использованием диверсионных способов и приемов борьбы, ведение непрерывной разведывательной работы в интересах Красной Армии^{111}.

6 сентября 1942 года была учреждена должность Главнокомандующего партизанским движением, на которую был назначен член Политбюро ЦК ВКП(б) Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов. Им было внесено предложение о создании в тылу немецких войск регулярной партизанской армии. Организация, подготовка и ведение партизанских действий по замыслу маршала должны были стать составной частью военных действий РККА в оперативном и стратегическом масштабе. Однако уже 11 ноября пост Главнокомандующего был упразднен, а ЦШПД в качестве военно-оперативного органа партии подчинен непосредственно Ставке ВГК. 7 марта 1943 года Постановлением ГКО ЦШПД был расформирован, но в мае того же года вновь восстановлен. По мнению П.К. Пономаренко подобная непоследовательность по отношению к высшему органу управления партизанским движением была связана с сильным влиянием на некоторых членов ГКО тогдашнего руководства НКВД в лице Л.П. Берии, который всячески противился руководству партизанским движением каким-либо органом управления вне его ведомства^{112}. Тем не менее, центральный орган руководства вооруженной борьбой в тылу противника при Ставке ВГК был создан, что стало важным фактором, влиявшим на размах и организованность партизанского движения, появление и развитие всех форм партизанских действий в тактическом, оперативном и стратегическом масштабе.

Существенную роль в выборе содержания и форм партизанского движения сыграло материально-техническое обеспечение партизанских формирований. Рост партизанского движения, многогранная боевая деятельность партизанских отрядов, появившихся партизанских соединений, возрастание их потребности в оружии, боеприпасах, средствах связи, минно-взрывных и других средствах вызвали необходимость создания 20 июня 1942 года отдела материально-технического снабжения ЦШПД. Если до образования Центрального штаба и других штабов партизанского движения, партизаны снабжались вооружением за счет выделения оружия военными советами фронтов и армий, трофеев и сбора его на местах прошедших боев, то теперь началось централизованное и планомерное снабжение оружием, боеприпасами, минно-подрывной техникой, вещевым, медицинским имуществом и продовольствием.

Наибольшую трудность при выполнении задач по нарушению работы железнодорожного транспорта противника вызывало отсутствие специальных минно-взрывных средств. В связи с этим ЦШПД возбудил ходатайство перед

Государственным Комитетом Обороны о создании специальных мин для партизан. Разработка новых конструкций минно-подрывной техники была поручена Главному военно-инженерному управлению (ГВИУ). Опыт боевых действий показал, что наиболее подходящими для партизан являются противопоездная мина мгновенного и замедленного действия ПМС, магнитная мина системы УФАН, рычажная мина РМ, автотранспортная мина АС, малая магнитная мина МММ, мины замедленного действия МЗД. Минно-взрывное вооружение позволяло партизанам добиваться эффективных результатов, не вступая в открытое непосредственное боевое соприкосновение с противником.

Появление на вооружении партизанских отрядов радиостанций, специальных минно-взрывных средств потребовало соответствующей подготовки командиров, подрывников и радистов, способных организовать применение специальных сил и средств в диверсионных и других видах специальных действий партизанских формирований. Подготовка специалистов диверсионной работы (инструкторов минно-подрывного дела и подрывников) в специальных школах и центрах составила $\frac{2}{3}$ всего объема подготовки в школах и центрах.

Наличие специальных мин и минно-взрывных средств, а также подготовленных специалистов минно-подрывного дела позволило партизанским формированиям резко увеличить количество наиболее эффективного способа нарушения работы железнодорожного транспорта противника — совершение диверсий. Так, если в 1941 году на Украине в результате диверсий было совершено 23 крупные аварии на железных дорогах, то в 1942 году — 223^{113}. Резко активизировались также действия партизан на железных дорогах в оперативном тылу группы армий «Центр» с 41 диверсии в апреле 1942 года до 236 в июне. При этом, если в апреле такая форма как открытый бой составляла 58% боевой деятельности партизан, а различные виды специальных действий только 42%, то в сентябре такие виды специальных акций как налеты, засады и диверсии составляли 75% боевой деятельности партизан. Наличие специальных минно-взрывных средств, применяемых в любое время года, позволило также снизить сезонную разницу в боевой деятельности партизан^{114}.

По мере насыщения партизанских отрядов специальным минно-взрывным вооружением изменялась их тактика действий. Для совершения железнодорожного крушения воинского эшелона или устройства засады на автомобильной дороге при наличии специальных мин требовалось всего несколько человек. Отпадала необходимость входить в непосредственное боевое соприкосновение с противником. Уклонение от открытого вооруженного столкновения с частями противника и немедленное рассредоточение в случае угрозы ведения боевых действий в невыгодных условиях стало правилом, принципом действий партизан. Бой с воинскими частями противника стал вынужденной формой применения партизанских сил и средств.

Увеличение боевых возможностей партизанских отрядов, необходимость концентрации и координации их действий вызвали к жизни такую организационную структуру как объединение нескольких партизанских отрядов в бригаду или иное партизанское соединение. Основной организационной единицей соединений, как правило, оставался партизанский отряд. Численность соединений составляла от нескольких сот до 3–4 тысяч человек, отрядов — от нескольких десятков до нескольких сотен партизан. Обычно соединение состояло из 4–7 отрядов, отряды — из рот, взводов или боевых групп. Создание партизанских соединений позволило приступить к осуществлению специальных действий в более крупном масштабе вначале в границах районов базирования, а затем и за их пределами способом рейда.

Так, в сентябре 1942 года рейды совершили соединение под командованием С.В. Ковпака в составе 5 отрядов численностью 1075 человек и соединение под командованием А.Н. Сабурова в составе 7 отрядов общей численностью 1617 человек. Рейд включал в себя последовательное осуществление диверсий на железных и шоссейных дорогах, налеты на комендатуры и небольшие гарнизоны, действующие промышленные предприятия, разрушение линий связи, а также применение других способов специальных действий по маршруту передвижения. Важной задачей, решаемой в ходе рейда, была организация и активизация партизанского движения в новых районах, а само перебазирование соединений имело оперативное значение^{115}.

Наряду с партизанскими формированиями, руководимыми ЦШПД, в тылу противника действовали разведывательно-диверсионные группы, направленные туда разведывательно-диверсионными отделениями разведотделов штабов фронтов. Боевое применение таких формирований осуществлялось в форме разведывательного обеспечения боя, сражения или операции, определялось целевым предназначением военной разведки и, в основном, заключалось в добывании разведывательных данных.

Таким образом, во втором периоде развития специальных действий определенная самостоятельность ЦШПД во многом обусловила целенаправленную работу по проблемам партизанских действий, что, в свою очередь, позволило после обобщения и анализа накопленного опыта правильно определить место и роль, а на их основе — цели и задачи борьбы в тылу врага. В частности основным объектом приложения усилий партизан было избрано наиболее уязвимое место противника — растянутые по фронту и в глубину коммуникации. В первую очередь, исходя из оценки уровня оперативного оборудования оккупированной территории, предполагалось нарушить работу железнодорожного и автомобильного транспорта. Эффективное решение этой задачи потребовало как применение новых средств партизанской борьбы, так и специалистов по их использованию. Наличие определенных властных полномочий ЦШПД обеспечило возможность ходатайства и получения положительного решения ГКО по этим вопросам в кратчайшие сроки.

ПЕРИОД ПОЯВЛЕНИЯ ВЫСШЕЙ ФОРМЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ — СПЕЦИАЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ ВСЕХ ФОРМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ МАСШТАБЕ (июнь 1943 г. — июль 1944 г.)

Восстановленный в мае 1942 года Центральный штаб партизанского движения приступил к разработке плана первой операции партизан на железнодорожных коммуникациях противника стратегического масштаба. В основу плана операции было положено Постановление ЦК КП(б) Белоруссии «О разрушении железнодорожных коммуникаций противника методом «Рельсовой войны», т.е. разрушением рельсового полотна минно-взрывным и другими способами. В приказе начальника ЦШПД от 14 июля 1943 года «О партизанской рельсовой войне на коммуникациях врага» указывалось, что «огромный рост и размах партизанского движения позволяет в настоящее время наносить массированные повсеместные удары по железным дорогам с целью их полной дезорганизации и срыва операций врага на фронтах»^{116}. Возможность достижения стратегической цели — полной дезорганизации железнодорожных коммуникаций в тылу противника не вызывала сомнений ни в органах управления партизанским движением, ни в самих партизанских отрядах. Однако способ достижения цели — подрыв двухсот тысяч рельсов встретил возражения.

На 1 января 1943 года протяженность эксплуатирувавшихся противником железных дорог достигла 34 979 км^{117}, что составляло 2 798 320 штук рельсов, закрепленных на полотне железной дороги (длина рельса в то время равнялась 12,5 м). Сотни тысяч рельсов находились в резерве для замены. Поэтому данный способ достижения цели операции, по мнению военных специалистов по диверсиям, был не вполне целесообразным. Так, техническим отделом Украинского штаба партизанского движения под руководством заместителя начальника Украинского ШПД по диверсиям полковника И.Г. Старинова с помощью Центрального управления военных сообщений РККА были проведены расчеты эффективности разрушения 85–90 тысяч рельсов, предназначенных согласно плану операции к подрыву партизанами Украины. Расчеты показали, что указанное количество рельсов составляло всего 2% от 4 000 000 штук рельсов, имевшихся на оккупированной части Украины, а потратить на их подрыв необходимо было все имевшиеся минно-взрывные средства. Справка ВОСО утверждала, что противник не испытывает недостатка в рельсах и даже отправляет часть их на переплавку и что наиболее уязвимым местом в немецкой системе железнодорожных коммуникаций являются паровозы, которых на всей оккупированной части СССР имеется менее 5 000. Эта оценка подтвердилась впоследствии немецким исследователем в этой области Г. Теске, который писал, что Германия «располагала в 1939 году гораздо меньшим парком паровозов и вагонов, чем кайзеровская империя в 1914. Виной этому была переоценка мотора. Полностью исправить эту ошибку не удалось и в ходе самой войны»^{118}. Подрыв рельсов, кроме того, вызывал перерыв в движении только на время, необходимое для их замены (несколько часов), при этом существенно затрудняя нормальную эксплуатацию железнодорожных путей после освобождения территории от немцев. В конечном итоге Украинскому штабу партизанского движения удалось добиться права приступить к подготовке операции, сосредоточив основные усилия на устройстве крушений воинских эшелонов, т.е. выводить из строя поезда противника, а не подрывать рельсы. 30 мая 1943 года ЦК КП(б)У принял решение начать не «рельсовую войну», а «войну на рельсах»^{119}.

Проведение операции планировалось в три этапа, каждый по 15–30 суток. Операцию намечалось начать ориентировочно 1–5 августа 1943 года внезапным нанесением первого стратегического массированного удара, подорвав одновременно 26 000 рельсов. В первые 15 суток должны были быть разрушены основные железнодорожные коммуникации в тылу группы армий «Центр». В дальнейшем предполагалось нанести несколько других массированных ударов и, парализовав движение на остальных железнодорожных коммуникациях, в последующем перейти к систематическим диверсионным действиям по воспреещению работы железнодорожных коммуникаций в тылу противника. Создаваемая для проведения операции группировка партизанских сил включала 167 партизанских бригад, отдельных отрядов и групп общей численностью 95 615 человек, развернутая на территории протяженностью свыше 1 000 км по фронту и в глубину от линии фронта до западной границы СССР^{120}, что говорило о стратегическом масштабе и специальном характере группировки. Имевшаяся в тылу противника партизанская группировка была уже настолько мощной, что партизанские формирования располагались вблизи большинства важнейших железнодорожных коммуникаций. Поэтому передислокация партизанских формирований при необходимости осуществлялась на расстояние 70–80 км и лишь иногда — более 100 км.

Для выполнения задач по подрыву рельсов и других объектов на железных дорогах в тыл к партизанам необходимо было дополнительно доставить 200–250 тонн взрывчатых веществ. Основная трудность при подготовке операции заключалась в

необходимости выделения летного ресурса транспортных самолетов Ли-2 или Си-47 для доставки необходимых грузов.

Так, переброска в тыл противника взрывчатых веществ и других средств потребовала 400 самолето-вылетов в течение июля-августа, в том числе 180 самолето-вылетов в течение 5–6 дней, начиная с 12 июля для подготовки к первому диверсионному удару. Существенная зависимость успеха операции от действий авиации подтвердила значительное влияние данного фактора на масштаб и содержание диверсионных и других специальных действий в тылу противника. Необходимость переброски для партизан в тыл противника многих сотен тонн грузов потребовала централизованного и систематического применения авиационных соединений и частей. К середине 1943 года в интересах партизан действовали две авиатранспортные дивизии, двенадцать отдельных авиаполков, несколько полков авиации дальнего действия, эскадрильи фронтовой и армейской авиации и авиации воздушно-десантных войск. Всего за годы войны к партизанам было совершено 109 тысяч самолето-вылетов, 96% полетов было совершено ночью^{121}. Использование авиации в интересах партизан выявило ряд существенных требований и особенностей боевого применения авиационных сил и средств.

Операция «Рельсовая война» началась в ночь на 3 августа 1943 года (орловские партизаны по плану Ставки ВГК нанесли первый удар несколько раньше — 22 июля). Результаты первого удара и дальнейших диверсионных действий в течение августа оказали значительное влияние на работу железных дорог, однако полностью парализовать движение не удалось. В журнале военных действий ставки верховного командования вермахта после первого массированного удара отмечается: «4 августа. Восток. Движение по железным дорогам на Востоке часто прекращается из-за подрыва рельсов (в районе группы армий «Центр» 3 августа произошло 75 больших аварий и 1 800 взрывов). Движение поездов в районе группы армий «Центр» прекращено с 4 августа на 48 часов»^{122}.

Таблица^{123}

прием груженых поездов (из Германии)	65
отправление груженых поездов (в Германию)	84
прием порожняка	82
возврат порожняка	54
прием пассажирских поездов	87
отправление пассажирских поездов	72

Всего с 20 июля по 16 сентября 1943 года по данным оперативного отдела ЦШПД в ходе операции «Рельсовая война» было выведено из строя 214 705 штук рельсов^{124}, что составляло 4,3% всех рельсов на эксплуатируемых участках железных дорог. По итогам прошедшей операции руководством ЦШПД были сделаны некоторые выводы, и в ходе следующей операции на железнодорожных коммуникациях «Концерт», продолжавшейся с 20 сентября по 30 ноября 1943 года, диверсионные действия партизан в большей степени были нацелены на вывод из строя подвижного железнодорожного состава противника. Одновременно в течение сентября — ноября 1943 года по плану ЦШПД проводилась специальная операция «Пустыня» по разрушению системы водоснабжения на железнодорожных коммуникациях. В результате операции было выведено из строя 43 водокачки^{125}. Однако значительное снижение боевых возможностей по совершению диверсий из-за недостатка минно-

взрывных средств не позволило партизанским формированиям парализовать работу железнодорожных коммуникаций противника.

Специальной задачей, выполняемой партизанами в интересах содействия своей авиации в завоевании и сохранении господства в воздухе, стало совершение налетов на аэродромы противника. В ходе налетов выводились из строя сами самолеты, склады с горючим, боеприпасами и другим имуществом. Летный и летно-технический состав уничтожался также в засадах, устраиваемых на путях движения к аэродрому. Многие самолеты уничтожались также при совершении вынужденных посадок на территориях, контролируемых партизанами. С другой стороны в результате поисково-спасательных действий партизанских формирований были спасены многие советские экипажи, сбитые над оккупированной территорией. Таким образом, боевой опыт показал необходимость специальных авиационных средств для всестороннего обеспечения действий партизан, в том числе для решения задач огневой поддержки в их борьбе с карателями.

С октября 1943 года воздействие партизан на объекты железнодорожного транспорта резко и неуклонно снижается и в феврале 1944 по основным показателям возвращается на уровень февраля 1943 года^{126}. Тыловое и техническое обеспечение немецких войск хотя и встречается со значительными трудностями, но в основном выполняет требования снабжения войск всем необходимым для ведения военных действий. Стратегическое отступление немцев, в отличие от отступления французов в 1812 году, не превратилось для немецкой армии в катастрофу. С началом 1944 года снабжение немецкой армии на оставшейся оккупированной территории Советского Союза постепенно вновь возвращается к автомобильному транспорту. Накопленный к тому времени немцами опыт борьбы с партизанами, усиленная охрана колонн, жесткий пропускной режим на дорогах и на прилегающей к ним местности в основном позволил немецкому командованию проводить достаточное тыловое и техническое обеспечение войск на фронте с использованием автомобильного транспорта. Всего за три года войны партизаны на дорогах в тылу противника уничтожили и захватили 52 958 грузовых, легковых и специальных автомашин^{127}, что составило около 10% общей численности автомобильного парка вермахта, или около 3–4% в год. Подобные потери не могли вызвать существенного сокращения норм снабжения немецких войск.

В январе 1944 года ЦШПД был расформирован, и дальнейшее руководство партизанскими действиями осуществляли республиканские и областные штабы партизанского движения, действовавшие во взаимодействии со штабами соответствующих фронтов в основном в оперативном масштабе.

Стратегическое значение имела операция белорусских партизан, подготовленная и проведенная в тесном взаимодействии с войсками 1,2,3 Белорусских и 1 Прибалтийского фронтов в июне-июле 1944 г. К этому времени группировка партизанских сил на территории Белоруссии включала 150 партизанских бригад и 49 партизанских отрядов общей численностью 272 490 партизан^{128}. Операция тщательно готовилась. В ходе ее подготовки только авиацией 1-го Белорусского фронта в партизанские формирования было переброшено 128 тонн взрывчатых веществ. Операция началась в ночь на 20 июня нанесением массированного диверсионного удара по железнодорожным коммуникациям и линиям связи противника, в результате которого движение по железным дорогам было полностью парализовано до 23 июня. Операция была высоко оценена Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым, координировавшим в то время действия фронтов^{129}.

**ПЕРИОД СВЕРТЫВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ,
ПОДГОТОВКИ И ВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ
(АВГУСТ 1944 — СЕНТЯБРЬ 1945).**

Основными факторами, влияющими на масштаб, содержание и формы специальных действий с августа 1944 года, стали значительное сокращение численности партизанских формирований и резкое изменение условий ведения специальных действий в тылу противника.

Перемещение военных действий на советско-германском фронте за пределы СССР лишило командование фронтов и штабы партизанского движения основной части действовавшей ранее группировки партизанских сил. Партизанские соединения и отряды, оказавшиеся на освобожденной территории, расформировывались. Отсутствие в составе Красной Армии штатных диверсионных частей и соединений, предназначенных для ведения специальных действий в тылу противника, привело к тому, что имеющий огромный опыт диверсионных действий личный состав партизанских формирований, годный к военной службе, обращался на пополнение обычных регулярных частей Красной Армии, а подавляющее большинство кадровых офицеров, получивших опыт планирования, организации и управления специальными действиями в тылу противника в стратегическом и оперативном масштабах, в дальнейшем использовались по своим прежним воинским учетным специальностям. Так, в донесении ШПД 3-го Украинского фронта сообщалось:

«В соответствии с директивой ЦК КП(б)У и указаниями начальника Украинского штаба партизанского движения, полученными по радио от 3 сентября 1944 г. о расформировании штаба партизанского движения 3-го Украинского фронта к 20 сентября 1944 г., доношу:

1. 20 сентября 1944 года штаб партизанского движения 3-го Украинского фронта расформирован.
2. Личный состав штаба и партизаны, находившиеся в резерве для засылки в тыл врага, откомандированы в военкоматы, а кадровый офицерский состав направлен в отделы кадров фронта в соответствии с их специальностью.
3. Все вооружение, боеприпасы, минно-подрывные средства в связи с отсутствием поблизости фронтовых складов переданы по акту начальнику гарнизона г.Тирасполь...»{130}.

Совершившие рейды на территорию Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии отдельные советские партизанские формирования ввиду ограниченной численности и боевых возможностей не могли самостоятельно осуществлять специальные действия в оперативном или стратегическом масштабе. Партизанское движение среди населения зарубежных стран, также как и советское, организуемое на принципах партийной деятельности, требовало помощи и поддержки, в первую очередь военными специалистами в области специальных методов ведения вооруженной борьбы. Так, на основе Постановления ЦК КП(б)У «О помощи Чехословацкой компартии в организации партизанского движения на территории Чехословакии» с июля 1944 года до мая 1945 года туда были посланы 53 организаторские группы общей численностью 1 200 человек{131}.

Деятельность организаторских групп, а также других советских партизанских формирований на территориях зарубежных стран существенным образом ограничивалась отсутствием достаточного количества военнотружеников, знающих иностранный язык. Необходимо было также учитывать особенности организации диверсий и других способов специальных действий с нелегальных позиций в населенных пунктах, вызванные отличиями в агентурно-оперативной обстановке в

сопредельных странах. Деятельность партизанских руководителей за рубежом потребовала знания специфики военно-административной деятельности на территориях иностранных государств. Так, после начала Словацкого национального восстания туда для оказания помощи была направлена группа советских офицеров, а в Главный штаб партизанского движения Словакии в качестве советника был назначен полковник А.Н. Асмолов, ранее руководивший партизанской борьбой на разных советских фронтах. Таким образом, организация иррегулярных вооруженных формирований на территории иностранных государств, воздействие через них на военно-политическую ориентацию руководства и обстановку в стране в целом, а также боевое применение формирований в интересах оперативно-стратегических объединений Советской Армии стали важной специальной задачей вооруженных сил на завершающем этапе войны.

На содержание и формы специальных действий на коммуникациях противника, выработанные в ходе партизанской борьбы на советской территории, оказывали также сдерживающее воздействие изменившиеся структура коммуникаций, плотность железных и автомобильных дорог.

Вывод из строя отдельных участков рельсового пути не оказывал какого-либо существенного значения на движение по железнодорожным коммуникациям ввиду большого количества объездных маршрутов. Разрушение или вывод из строя участков шоссейных дорог или искусственных сооружений на них с целью сокращения объема перевозок автомобильным транспортом также теряли свою целесообразность ввиду высокой плотности автомобильных дорог. Учитывая, что большинство автомобильных дорог имели твердое покрытие, установка мин и фугасов вызывала большие трудности в сравнении с минированием грунтовых дорог на советской территории. Таким образом, структура коммуникаций, их плотность и технические характеристики явились одним из факторов, влияющих на применение форм и способов специальных действий на территории иностранных государств. Основной формой специальных действий в этих условиях стали, в основном, отдельные специальные акции. При благоприятных условиях обстановки партизаны вступали в открытый бой.

С выходом советских войск на территорию Германии и Восточной Пруссии партизанская борьба советских партизанских формирований в тылу немецких войск свое самостоятельное значение утрачивает и постепенно прекращается. Диверсионные действия продолжают лишь в форме отдельных, не связанных общим замыслом специальных акций, осуществляемых армейскими диверсионно-разведывательными группами по планам разведывательных управлений и отделов фронтов и армий в рамках разведывательного обеспечения боя, сражения или операции.

Кроме разведывательных органов фронтов и армий специальные задачи в ближайшей оперативной глубине выполнялись также мотоциклетными частями. Созданные в первой половине 1944 года мотоциклетные части механизированных и танковых корпусов, танковых армий постоянно вели диверсионные и диверсионно-разведывательные действия в тылу противника в указанной полосе или направлении, применяя засады, налеты и другие специальные способы выполнения поставленных задач. Мотоциклетные части не входили в состав разведывательного комплекта соединений и объединений и подчинялись непосредственно соответствующим командирам и командующим. Действуя в качестве диверсионно-разведывательного отряда в полном составе или частью сил отдельные мотоциклетные батальоны механизированных и танковых корпусов, а также отряды

мотоциклетных полков танковых армий, проникали в тыл противника, как правило, на оперативную глубину. Наибольших результатов в специальных действиях в тылу противника мотоциклетные части добились при проведении Висло-Одерской операции в январе-феврале 1945 г. Так, действуя в отрыве от главных сил 2 танковой армии на удалении до 100 км, специальные группы и отряды 3 гвардейского мотоциклетного полка под командованием Героя Советского Союза полковника Дикуна дезорганизовывали управление войсками, вводили противника в заблуждение относительно истинной обстановки на фронте, захватывали мосты, другие важные узлы коммуникаций и содействовали стремительному продвижению соединений и частей 2 ТА. Таким образом, в период проведения Висло-Одерской операции боевые действия мотоциклетных частей имели признаки систематических специальных действий в тылу противника в интересах соответствующих оперативных соединений и объединений.

Систематические специальные действия в тылу англо-американских войск являлись важной составной частью плана немецкой наступательной операции в Арденнах в декабре 1944 — январе 1945 гг. Для проведения ряда специальных акций и нанесения диверсионных ударов с целью дезорганизации работы тыла и управления войсками союзников верховным командованием вермахта была предпринята попытка сформировать 150-ю специальную бронетанковую бригаду на трофейной технике под командованием подполковника О. Скорцени. Однако отсутствие военнослужащих, владеющих в достаточном объеме английским языком и трофейным вооружением, а также недостаточное количество трофейной бронетанковой техники и обмундирования не позволили организовать боевое применение бригады в соответствии с планом^{132}. Тем не менее, даже незначительные по масштабу действия немецких диверсионных групп немцев, действовавших в американской форме и на американской и английской боевой технике, внесли затруднения в работу тыла и управление войсками союзников, а в ряде мест вызвали дезорганизующую шпионобоязнь.

Завершающая наступательная операция Великой Отечественной войны в Европе, проведенная войсками 1, 4 и 2-го Украинских фронтов 6–11 мая 1945 года, одной из своих целей имела специальную цель — содействие майскому восстанию чешского народа в освобождении Праги. Пражская операция предусматривала выполнение объединениями, соединениями и частями фронтов специальной задачи по оказанию прямой вооруженной помощи майскому восстанию чешского народа в рамках обычных форм боевых действий.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ.

Специальные действия воздушных и морских десантов, а также армейских передовых подвижных отрядов нашли широкое применение в ходе советско-японской войны в августе-сентябре 1945 года. В период с 18 по 27 августа со специальными задачами были высажены воздушные десанты в Харбине, Мукдене, Чандуне, Гирине, Порт-Артуре, Дальнем, Пхеньяне, Канко и других городах. Целью действий ставилось лишить противника возможности восстановить утраченное управление, деморализовать войска и ускорить их к сдачу в плен, продемонстрировать бессмысленность дальнейшего вооруженного сопротивления, дезориентировать противника относительно истинной обстановки и не дать возможности эвакуировать или уничтожить материальные ценности и важные документы. Поставленные задачи были выполнены, в основном, без ведения открытых боевых действий посредством проведения ряда специальных акций воздушными и морскими десантами и армейскими передовыми отрядами.

К специальным действиям в форме специальной акции можно также отнести действия морского диверсионно-разведывательного отряда Героя Советского Союза старшего лейтенанта В.Н. Леонова в Сейсинской операции по стремительной высадке с торпедных катеров, внезапному захвату причалов порта Чхонджин и обеспечению высадки передового отряда морского десанта 13 августа 1945 г.

Таким образом, в завершающем периоде Великой Отечественной войны специальные действия в тылу противника в основном велись разведывательными органами соединений и объединений, мотоциклетными частями танковых армий, танковых и механизированных корпусов, а также партизанскими и другими вооруженными иррегулярными формированиями иностранных государств. В некоторых случаях специальные задачи выполнялись общевойсковыми и танковыми объединениями, соединениями и частями, воздушно-десантными частями, частями морской пехоты в рамках обычных форм боевых действий и в форме специальных акций. Специальные действия партизанских и других иррегулярных формирований, а также мотоциклетных частей осуществлялись в форме специальных акций и диверсионных ударов. При проведении некоторых операций в рамках операции танковой армии, танкового и механизированного корпуса имели место систематические специальные действия. Специальные действия разведывательных органов осуществлялись в рамках разведывательного обеспечения боя, сражения или операции (боевых действий).

В целом Великая Отечественная война показала огромное значение специальных действий в тылу противника на ход и исход вооруженной борьбы. Анализ развития форм специальных действий различных сил и средств в тылу противника позволяет сделать ряд выводов:

1. Специальные действия в тылу противника в стратегическом масштабе советскому военно-политическому руководству удалось организовать лишь к июню 1943 года, т.е. через два года войны.
2. Причинами затянувшегося поиска и развития форм специальных действий являлись: неразработанность теории специальных методов ведения войны в предвоенный период в государственном масштабе; отсутствие специальных задач перед РККА, а также в полевых и боевых уставах, наставлениях и других руководящих документах войск и сил; отсутствие соединений и частей, специально предназначенных для выполнения специальных задач в тылу противника, и соответствующего направления в военном строительстве; отсутствие специальных минно-взрывных средств, радиостанций и другого специального вооружения; неимение достаточного количества авиационных средств вывода специальных сил и средств в тыл противника на большую глубину и последующей авиационной поддержки специальных действий.
3. Понятие «партизанские, или специальные действия» как вида боевых действий регулярных вооруженных сил в тылу противника со специальными задачами было подменено понятием «партизанское движение» как формы вооруженной борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории. В результате, если Петр I и М.И. Кутузов смогли использовать военно-географические особенности нашей территории в военных целях и парализовать тыл противника, то советскому государственному и военному руководству этого сделать не удалось. «Русские партизаны в 1812 году, — писал А. Свечин в своей работе «Стратегия», — обратили неудачу наполеоновского похода в катастрофу». В Великой Отечественной войне эти цели достигнуты не были:

партийный подход к этой области военного искусства вытеснил профессиональный. Немецкая военная машина в тылу, хотя и с трудом, но выполнила свою задачу.

4. Практика подготовки и ведения специальных действий в тылу противника вызвала необходимость создания единого органа руководства ими в масштабе страны — Центрального штаба партизанского движения и наличия органов руководства специальными действиями в республиканских и областных органах власти, а также во фронтовом и армейском звене управления.

5. Специальные действия велись в основном партизанскими иррегулярными формированиями. Группировка партизанских сил включала партизанские бригады (соединения) и отдельные партизанские отряды и группы. Специальные действия в тылу противника вели также разведывательные органы фронтов и армий, кавалерийские, воздушно-десантные, инженерные соединения и части, а в завершающем периоде войны и мотоциклетные части. К выполнению некоторых специальных задач привлекались общевойсковые и танковые объединения, соединения и части.

6. В ходе войны возникли такие формы специальных действий как специальная акция, диверсионный удар, систематические специальные действия, специальная операция. Открытый бой с немецкими соединениями и частями был, как правило, вынужденной формой боевого применения партизанских сил.

7. В зависимости от цели, задач, привлекаемых сил и средств, пространственных и временных показателей специальные действия по масштабу подразделялись на стратегические, оперативные и тактические.

2.3. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ: 1951–1991 ГОДЫ

Развитие специальных действий в этот период можно разделить на два этапа: первый этап — появление и развитие форм боевого применения сил и средств специальной разведки в рамках разведывательного обеспечения фронтовых и армейских операций (1951–1978 гг.); второй этап — появление и развитие форм специальных действий объединений, соединений и частей Советских Вооруженных Сил (1979–1991 гг.).

Первый этап — появление и развитие форм боевого применения сил и средств специальной разведки в рамках разведывательного обеспечения фронтовых и армейских операций (1951–1978 гг.) связан с последовательным появлением в составе Вооруженных Сил СССР отдельных рот, отрядов и бригад специального назначения и развитием форм их боевого применения в условиях мирного времени. Важнейшим фактором, решающим образом определившим весь ход развития форм специальных действий в первые и последующие десятилетия после второй мировой войны, стало появление ядерного оружия и средств его доставки к цели. Объекты оружия массового поражения и носители этого оружия вышли на первое место по важности при оценке боевого состава и группировок войск и сил противника. Своевременное обнаружение и уничтожение (вывод из строя) таких объектов стали одной из главных задач боевых действий всех войск и сил, в том числе сил и средств разведки армий и военных округов. С этой целью в 1951 году было сформировано свыше 40 отдельных рот специального назначения армейского и окружного подчинения. На основе штатных взводов и отделений для выполнения конкретной боевой задачи создавались специальные формирования, которые получили наименование — разведывательные группы специального назначения (РГСПН) или

разведывательные отряды специального назначения (РОСПН). Появление в армиях США, ФРГ, Великобритании, Франции и ряда других стран в течение 50-х и 60-х годов тактических и оперативно-тактических ракетных комплексов с ядерными и химическими боеголовками, самолетов-носителей ядерного оружия, атомной артиллерии, системы снабжения ядерными боеприпасами вызвало необходимость поиска эффективных средств их обнаружения и немедленного уничтожения. С целью увеличения боевых возможностей оперативно-стратегических и оперативных объединений по обнаружению и последующему уничтожению (выводу из строя) средств ядерного нападения, других важных объектов противника в 1957 году были созданы отдельные отряды, а в 1962 году — отдельные бригады специального назначения. На соединения и части специального назначения были возложены как разведывательные задачи по вскрытию объектов группировок противника, так и ряд специальных задач, в том числе содействие организации и развитию партизанского движения, уничтожение или вывод из строя важных объектов в тылу противника и другие. При этом боевое применение формирований специального назначения предусматривалось организовать в рамках разведывательного обеспечения операции (боевых действий) фронта, армии. Таким образом, еще при создании соединений и частей специального назначения на них возлагалось выполнение ряда частных специальных задач, выходящих за рамки целевого предназначения военной разведки в целом. Опыт Великой Отечественной войны, говоривший об ограниченных целях и возможностях разведывательных управлений и отделов фронтов и армий при организации специальных, в том числе партизанских действий в тылу противника, оказался проигнорированным. Так, Наставление по организации и тактике партизан, утвержденное Начальником Генерального штаба августе 1965 года, было предназначено для генералов и офицеров военной разведки и частей специального назначения, непосредственно связанных с боевой подготовкой личного состава по тактике партизанских действий. Управление партизанскими действиями в Наставлении, по-прежнему, рассматривалось как составная часть деятельности органов руководства коммунистических и других партий. Несмотря на подзаголовок одного из разделов «Основные формы и способы боевых действий», формы боевого применения партизан в Наставлении не рассматривались, при этом в главе о тактике партизан утверждалось, что «основной вид боевых действий партизан — наступление»^{133}.

Анализ изложенных в Наставлении боевых возможностей партизанских формирований позволяет говорить об их существенных расхождениях с объемом и содержанием задач военной разведки. Так, из семи групп задач партизанских формирований типа отрядов только добывание разведывательных данных о противнике относится к функциям разведки, остальные задачи тесно связаны с непосредственным ведением специальных боевых действий. Содержание боевых возможностей партизанского соединения по тексту также связано только с выполнением специальных боевых задач. Аналогичное расхождение с целями и задачами разведки просматривается при организации взаимодействия партизанских формирований с регулярными войсками в период подготовки и в ходе операции. Таким образом, на специальную разведку были возложены задачи по организации, подготовке и боевому применению иррегулярных вооруженных формирований, выходявшие за рамки разведывательного обеспечения боя, сражения или операции (боевых действий).

В соответствии с Инструкцией по боевому применению соединений и частей специального назначения (бригада, отряд, батальон), утвержденной начальником ГШ ВС СССР 12 июня 1975 года, боевое применение самих соединений и частей специального назначения планировалось и осуществлялось разведывательными

управлениями (отделами) штабов военных округов, групп войск и армий по двум группам задач — разведывательным и специальным. При этом выполнение формированиями специального назначения специальных задач по уничтожению (выводу из строя) средств ядерного нападения, объектов систем управления войсками и оружием, аэродромов, объектов ПВО, баз и складов, нарушение работы железнодорожного транспорта условного противника планировалось и осуществлялось не оперативными управлениями (отделами) в рамках работы группы ядерного и огневого поражения, а по планам разведки фронта (армии). Подобный порядок соблюдался и на всех последующие этапах развития соединений и частей специального назначения.

Такая практика вызвала недостаточную осведомленность оперативных и других управлений (отделов) штабов округов и групп войск, штабов видов Вооруженных Сил и родов войск, других планирующих органов о боевых возможностях формирований специального назначения, особенностях подготовки их боевого применения и тактике действий в тылу противника. В результате оказались упущенными вопросы организации взаимодействия при наведении авиации на цели, корректировке огня ракетных войск и артиллерии, авиационной и огневой поддержке формирований специального назначения в тылу противника и их эвакуации при обнаружении или окружении противником. Однако условия мирного времени позволяли относиться к этим недостаткам как к несущественным и направлять боевую подготовку соединений и частей специального назначения, в основном, на решение разведывательных задач.

Вместе с тем в течение первого этапа объединения, соединения и части Советской Армии, в том числе части специального назначения, вне рамок действовавших руководящих документов по использованию Вооруженных Сил выполняли специальные задачи по поддержке государственного руководства ГДР в 1953 году, по борьбе с иррегулярными вооруженными формированиями в Венгрии в 1956 году, изменению политического курса Чехословакии в 1968 году. Однако такие действия объединений, соединений и частей Вооруженных Сил СССР не оценивались как специальные действия и не рассматривались как составная часть военного искусства.

Второй этап — появление и развитие форм специальных действий объединений, соединений и частей Советских Вооруженных Сил (1979–1991 гг.). На данном этапе развитие содержания и форм специальных действий делает качественный скачок и выходит за рамки разведывательного обеспечения операции (боевых действий). Боевое применение соединений и частей специального назначения становится самостоятельной составной частью специальных действий объединений Вооруженных Сил.

Существенные изменения в содержании и формах специальных действий были вызваны требованиями подготовки и ведения реальных боевых действий в Афганистане. Советская Армия по идеологическим причинам не готовилась к ведению противопартизанской борьбы. Как и другие соединения и части 40-й Армии соединения и части специального назначения были вынуждены выполнять в Афганистане боевые задачи, которые не предусматривались полевыми и боевыми уставами, руководствами и наставлениями. Выполнение специальных задач с самого начала потребовало специальных форм их выполнения. Специальная акция 27 декабря 1979 года по захвату дворца Тадж-Бек и ликвидации Х. Амина, проведенная 154 отдельным отрядом 15 бригады специального назначения ТуркВО во взаимодействии со спецподразделениями КГБ и парашютно-десантной ротой ВДВ, положила начало 9-тилетним специальным действиям советских войск в

Афганистане. Потерпев неудачу в открытых боях с подразделениями и частями советских войск, мятежные части и подразделения афганской армии и вооруженные отряды оппозиции с весны 1980 года в основном перешли к партизанским методам ведения войны. Противопартизанская борьба с вооруженными иррегулярными формированиями моджахедов стала основным содержанием боевых действий соединений, частей и подразделений 40-й Армии. Однако отсутствие каких бы то ни было руководящих документов, отсутствие в Основах подготовки и ведения операций Вооруженных Сил, в полевых и боевых уставах особенностей подготовки и ведения противопартизанских (противодиверсионных) действий, существенно осложнили действия советских войск.

Изложенный в уставах порядок разгрома противника при ведении обычных боевых действий в наступлении и обороне, не соответствовал реальной боевой обстановке. Бандформирования применяли специальную тактику партизанской войны, уклоняясь от открытого столкновения с советскими частями и подразделениями. Совершив внезапное нападение на колонну из засады или налет на стационарный объект, нанеся максимальные потери за минимально возможное время в живой силе и технике, вооруженные отряды оппозиции немедленно покидали район боевых действий при неблагоприятно складывающейся для них обстановке. Поэтому разгром противника в открытом бою становился, как правило, невозможным, а овладение участком местности, где ранее он находился бессмысленным. Первоочередной задачей противодиверсионной борьбы стало своевременное обнаружение бандформирований. Применение противником специальных способов и форм ведения вооруженной борьбы вынудили советские войска искать соответствующие способы и формы вооруженного противодействия^[*1].

Основной формой противопартизанских действий стала операция по поиску, блокированию и уничтожению бандформирований. Термин «операция» практически с начала войны и до вывода войск использовался в практике подготовки и ведения боевых действий в звене от полка и выше. Так, генерал армии М.А. Гареев писал об армейских операциях, проводимых ежегодно силами одной-двух мотострелковых дивизий, а также о дивизионных и полковых операциях^[134]. Командующий 40-й Армией генерал-полковник Б.В. Громов называл форму боевых действий «войсковыми операциями»^[135], а помощник руководителя Оперативной группы МО СССР в Афганистане генерал-майор А.А. Ляховский все специальные боевые действия независимо от масштаба просто « операциями»^[136].

Однако ни один из авторов не указывал, к какому виду боевых действий принадлежали данные операции. Очевидно, что боевые действия в Афганистане по своему характеру были общевойсковыми, поскольку их основным содержанием были боевые действия мотострелковых, танковых, воздушно-десантных, артиллерийских, инженерных соединений и частей, соединений и частей специального назначения, широко применялась фронтовая и военно-транспортная, а иногда и дальняя авиация. Тем не менее, несмотря на общевойсковой характер боевых действий, их нельзя отнести к известным видам боевых действий — наступательным или оборонительным, поскольку в их содержании отсутствуют существенные признаки наступления или обороны. Так, во-первых, наступление или оборона предполагают наличие территории, контролируемой своими войсками, и территории, контролируемой противником, а также обозначенной в той или иной степени линии фронта между ними. Такой единой линии фронта, разделявшей стороны, у 40-й Армии не было^[137]. Во-вторых, овладение определенными районами местности в наступлении или их удержание в обороне неразрывно связаны с разгромом противника и являются важнейшей составляющей цели боевых действий. В

Афганистане овладение тем или иным районом местности даже по несколько раз могло происходить без каких-либо боевых действий. Кроме того, при неблагоприятно складывающейся обстановке формирования душманов уклонялись от боя, временно покидали данный район, а потом возвращались. Поэтому контроль над территорией ограничивался временем пребывания там советских или правительственных войск. В качестве цели боевых действий в таких случаях, как правило, выступал только разгром бандформирований. В-третьих, атака или отражение атаки является важнейшим и решительным моментом наступления или обороны. Развертывание бандформирований в боевой порядок и атака советских войск являлись редким исключением. Наличие переднего края у моджахедов и возможность его атаки советскими подразделениями и частями также были скорее исключением, чем правилом. Поэтому отсутствие атаки является одним из важных признаков иной сущности и иного характера боевых действий. В-четвертых, наступление или оборона предполагают решительное применение всех имеющихся средств поражения. Однако формирования душманов часто располагались среди местных жителей в населенных пунктах, поэтому советские войска вынуждены были вести противодиверсионные действия, как правило, в районах проживания мирного населения. Поэтому существовавшие строгие ограничения на применение авиации, ракетных войск и артиллерии также говорят о существенных отличиях боевых действий в Афганистане от обычных боевых действий. В-пятых, наступление или оборона осуществляется в определенном районе и в более или менее установленное время. Если это требование соблюдалось при ведении активных противодиверсионных действий по поиску и уничтожению бандформирований, то нападения моджахедов можно было ожидать в любом месте и в любое время. При этом важным показателем выполнения боевой задачи являются темпы наступления. При подготовке и ведении операций этот показатель, как правило, не использовался. В-шестых, изложенные в уставах особенности ведения боевых действий в горах или пустыне не отражали особенности характера вооруженной борьбы, поскольку содержанием боевых задач советских частей и подразделений была не борьба за узлы дорог, горные перевалы и проходы в горах или действия на отдельных направлениях в пустыне, а борьба в горных или пустынных районах против диверсионных формирований противника.

Вместе с тем боевые действия советских войск в Афганистане имели собственные существенные признаки, совокупность которых позволяет выделить их в особый вид боевых действий — специальные действия. Следовательно, цели, характер, содержание, пространственные и временные показатели боевых действий советских войск в Афганистане имели существенные отличия от изложенных в руководящих документах основных видов боевых действий и их особенностей. Поэтому противопартизанские, или противодиверсионные боевые действия советских войск в Афганистане следует отнести к специальным боевым действиям (специальным действиям) войск и сил. Соответственно, операции по поиску, блокированию и ликвидации (разоружению) иррегулярных вооруженных формирований по форме можно отнести к специальным операциям. Всего советскими войсками в ходе боевых действий в Афганистане по подсчетам генерала армии М.А. Гареева было проведено 416 плановых операций^{138}, которые по виду боевых действий можно назвать специальными.

Специальная операция была одной из форм специальных действий. Кроме того, специальные действия велись в форме систематических специальных действий и специальной акции^{139}. Бандформирования применяли также такую форму специальных действий как диверсионный удар по коммуникациям или по одному или группе важных объектов. В промежутках между армейскими, дивизионными,

бригадными и полковыми специальными операциями согласно ежемесячным планам боевых действий армией, дивизиями, бригадами и полками велись систематические специальные действия. Систематические специальные действия представляли собой совокупность последовательно проводимых специальных акций в зонах своей оперативной ответственности, как правило, не связанных между собой единым замыслом. В рамках систематических специальных действий осуществлялось отражение нападений бандформирований на объекты советских войск, а также ведение других боевых действий, навязанных противником.

Содержанием специальной акции являлись боевые действия мотострелкового, танкового, парашютно-десантного батальона, роты или взвода, отряда, роты или группы специального назначения с участием артиллерийских, вертолетных и других подразделений огневой и авиационной поддержки, а также подразделений боевого, технического и тылового обеспечения.

Специальные действия с точки зрения захвата и удержания инициативы, а также способов их ведения можно разделить на активные и пассивные. К активным специальным действиям следует отнести те действия соединений, частей и подразделений, когда их боевой задачей были целенаправленный поиск, блокирование и ликвидация (разоружение) бандформирований оппозиции. Основной целью активных специальных действий общевойсковых соединений, частей и подразделений являлось стремление навязать диверсионному формированию моджахедов открытое вооруженное столкновение в форме боя и разгромить его в открытом бою. Основной целью противодиверсионных действий формирований специального назначения являлись поиск бандформирований и их уничтожение с применением специальных способов ведения боевых действий. К пассивным специальным действиям следует отнести боевые действия соединений, частей и подразделений всех родов войск и сил по отражению нападения бандформирований и противодействию другим способам диверсионных действий. В зависимости от обстановки активные специальные действия могут переходить в пассивные и наоборот{*2}.

Советскими войсками использовались различные способы ведения активных специальных действий. При наличии достаточных сил и средств осуществлялась изоляция определенного района или участка местности с последующим ее осмотром, тщательным обследованием и разгромом обнаруженных бандформирований. Такой способ неоднократно использовался при проведении операций в Панджшере против вооруженных формирований Ахмад Шаха Масуда, в декабре 1983 года в зеленой зоне Чарикарской долины и в других местах. В доступных для применения боевой техники участках применялись рейдовые действия на бронетранспортерах, БМП, БМД и танках, в горных условиях рейдовые действия ограничивались применением усиленных мотострелковых, десантных подразделений и формирований специального назначения, действовавших в пешем порядке в тесном взаимодействии с авиацией, артиллерией и бронегруппами. Широкое распространение получили засады, которые стали наиболее эффективным способом борьбы с караванами и отрядами оппозиции при их передвижении. Именно угроза засады лишала моджахедов свободы передвижения даже в контролируемых ими районах, а зачастую заставляла отказываться от использования того или иного маршрута.

Основным пассивным способом ведения специальных действий было отражение нападения бандформирований. Нападения моджахедами осуществлялись путем устройства засад, проведением налетов и осуществлением диверсий. Наиболее

сложными были специальные действия подразделений и частей по отражению нападения бандформирований из засады в ходе передвижения по дорогам или в ходе боевых действий. Уставные положения по организации боевого, походного, сторожевого и непосредственного охранения не вполне соответствовали обстановке ведения контрпартизанских действий. Так, ни походные заставы, ни разведывательные дозоры, действовавшие по дорогам или вдоль дорог, не могли предотвратить внезапное нападение на охраняемые подразделения, поскольку их действия могли быть эффективными для обнаружения войск противника, изготовившихся к бою с целью прочного удержания своих позиций или ведущего наступления в боевых или предбоевых порядках, а не тщательно замаскированных формирований моджахедов, целью действий которых было нанесение максимально возможного ущерба за минимальное время и быстрый отход. Отражение налетов на сторожевые заставы и посты на дорогах, а также на многочисленные небольшие подразделения, прикрывавшие различные военные и промышленные объекты, осуществлялось, в основном, в форме оборонительного боя. Особенности такого боя являлись его внезапность и скоротечность, не позволявшие использовать все огневые и другие боевые возможности подразделений и средств их поддержки. Только хорошо продуманное, подготовленное и немедленное мощное огневое воздействие по всем выявленным и возможным местам расположения элементов боевого порядка, особенно позиций реактивных установок, минометов и других огневых средств бандформирований вело к срыву нападения и уменьшало потери. Пассивное противодействие диверсиям на дорогах с применением бандформированиями мин различного назначения без тактического и огневого соприкосновения с советскими войсками осуществлялось в рамках инженерного обеспечения. О серьезном влиянии минно-взрывных заграждений противника на характер и содержание боевых действий говорит тот факт, что 18% боевых потерь личного состава и 74% техники вызвано применением мин и фугасов (рассчитано по данным, приведенным в книге А.А. Ляховского «Трагедия и доблесть Афгана»). Особенности инженерного обеспечения специальных действий являлись короткое время безопасности того или иного разминированного участка и необходимость усиленного охранения инженерных подразделений при выполнении ими своих задач.

Боевая практика активных специальных действий показала высокую эффективность боевого применения соединений и частей специального назначения при ведении борьбы с нерегулярными вооруженными формированиями. После убийства в январе 1980 года 154 отдельного отряда специального назначения к месту постоянной дислокации бригады в город Чирчик в составе 40-й Армии осталась только отдельная рота специального назначения численностью 120 человек. В 1981 году в Афганистан были введены два отдельных отряда специального назначения (154 00 СпН ТуркВО и 177 00 СпН САВО) численностью свыше 500 человек каждый, а в 1985 году — две отдельные бригады специального назначения (15 обр СпН ТуркВО и 22 обр СпН ЗакВО) в составе четырех отдельных отрядов каждая. Накопленный к тому времени боевой опыт позволил при определении организационной структуры бригад учесть особенности ведения контрпартизанских действий. На вооружении частей и подразделений бригад имелись боевые машины пехоты и десанта, бронетранспортеры, самоходные зенитные установки, автоматические гранатометы, средства управления, обеспечивающие отдельным отрядам устойчивую связь со штабом армии, бригады и действующими группами и отрядами специального назначения. Комплект средств связи формирований специального назначения позволял поддерживать связь в реальном масштабе времени со штабом отряда и связь взаимодействия с авиацией и артиллерией.

Борьба с поставками вооружения оппозиции из Пакистана, пресечение свободного передвижения моджахедов по территории Афганистана потребовали перекрыть основные караванные пути и маршруты передвижения, которыми пользовались бандформирования. С этой целью в 1985 году была создана оперативная группа «Завеса». Для оперативного управления соединениями и частями специального назначения, а также выделенными из их состава группами и отрядами, организации и поддержания взаимодействия с общевойсковыми соединениями и частями, частями родов войск и служб была сформирована группа управления «Экран». Группа возглавлялась заместителем начальника разведки армии по специальной разведке и по штату входила в состав разведотдела армии. Однако боевая практика показала, что боевое применение соединений и частей специального назначения по целям и задачам вышло за рамки разведывательного обеспечения боевых действий. Разведывательное управление армии функционально было не в состоянии в необходимом объеме спланировать боевые действия соединений и частей специального назначения, организовать огневую и авиационную поддержку действовавших формирований, организовать и непрерывно поддерживать тесное взаимодействие с общевойсковыми соединениями и частями, соединениями и частями родов войск и служб. Такие задачи целиком и полностью относились к функциям оперативного управления, других управлений, отделов и отделений штаба и управлений армии. Поэтому ежемесячные планы боевых действий рассматривались и утверждались не начальником разведки, как это предписывалось руководящими документами и практически исполнялось на фронтовых учениях в мирное время, а начальником штаба армии. Непосредственное руководство боевыми действиями соединений и частей специального назначения также осуществлял не начальник разведки, а руководитель оперативной группы «Завеса» — заместитель начальника штаба армии.

Применение специальных методов ведения войны моджахедами оказало влияние не только на действия сухопутных войск, но и авиации. Появление у бандформирований крупнокалиберных пулеметов, зенитных установок, переносных зенитных ракетных комплексов вначале советского производства, а затем американских «Стингеров» и английских «Блоупайпов» существенным образом повлияло на тактику действий ВВС 40-й армии, заставило привлекать значительные силы для создания зон безопасности в районах аэродромов. Применение моджахедами ПЗРК в районах аэродромов во время взлета и посадки самолетов и вертолетов, на обычных маршрутах их пролета, а также для противовоздушного прикрытия районов базирования и самих бандформирований в ходе боевых действий показало высокую эффективность использования ПЗРК диверсионными формированиями. Так, за девять лет войны вооруженными отрядами оппозиции было уничтожено 114 самолетов и 332 вертолета ВВС ОКСВ, а также 120 самолетов и 169 вертолетов афганской армии^{140}.

В 1981 году во время обучения в Военной академии им. М.В. Фрунзе автор в дипломной работе обосновал и защитил предложение о формировании в составе бригад специального назначения подразделений ПВО, оснащенных ПЗРК и предназначенных для борьбы с воздушными целями в тылу противника. Однако предложение было отвергнуто руководством соответствующего направления ГРУ ГШ по причине несоответствия задач ПВО целям и задачам военной разведки.

После вывода советских войск из Афганистана организационно-штатная структура 15 и 22 бригад СпН в 1989 году была существенно изменена. Бронированная боевая техника, автоматические гранатометы, средства управления, обеспечивающие формированиям специального назначения связь в реальном масштабе времени со

штабами, авиацией и артиллерией, в том числе космические средства связи, были изъяты из бригад по причине несоответствия задачи противодиверсионной борьбы целям и задачам военной разведки. Девятилетняя борьба соединений, частей и подразделений специального назначения с иррегулярными вооруженными формированиями была признана исключительным, не типичным случаем их боевого применения. В результате такого подхода при разработке нового Руководства по боевому применению соединений, частей и подразделений специального назначения, введенным в действие в 1991 году, задачи борьбы с иррегулярными вооруженными формированиями противника не были включены в перечень специальных задач.

Поэтому в январе 1990 года, когда 15 обр СпН ТуркВО, прибыв в Баку со штатным вооружением, вновь получила задачу по борьбе с незаконными вооруженными формированиями Народного фронта Азербайджана, решением Министра обороны СССР было совершено 37 рейсов самолетами Ил-76 ВТА и доставлено из Ташкента свыше 20 единиц бронированной боевой техники, десятки автомобилей, а также средства связи, позволяющие вести переговоры в телефонном режиме в КВ диапазоне. Наличие большого количества офицеров и прапорщиков, имевших опыт борьбы с диверсионными формированиями, позволил бригаде, переданной в оперативное подчинение КГБ СССР, успешно выполнить поставленные ей задачи. После возвращения бригады в апреле 1990 года на место постоянной дислокации нештатные боевая техника и средства связи, несмотря на ходатайство командования бригады, были сданы на базы округа.

Таким образом, на втором этапе реальная боевая деятельность войск в условиях вооруженного конфликта в Афганистане показала общевойсковой характер подготовки и ведения специальных действий, выявила существенные особенности их огневой и авиационной поддержки, а также боевого, технического и тылового обеспечения. Боевое применение соединений и частей специального назначения вышло за рамки разведывательного обеспечения, приобрело самостоятельное значение и стало важной составной частью специальных действий 40-й Армии. Однако, несмотря на девятилетний опыт ведения общевойсковым объединением специальных боевых действий, имевших стратегическое значение для СССР, специальное наставление по ведению противопартизанских (противодиверсионных) действий соединениями, частями и подразделениями Вооруженных Сил разработано не было. Отсутствие такого наставления, а также соответствующих глав и разделов в Основах подготовки и ведения операций Вооруженных Сил, в полевых и боевых уставах, других руководящих документах накануне войны в Афганистане и после ее окончания стало значительным отрицательным фактором, повлиявшим на развитие специальных форм ведения боевых действий, в том числе соединениями и частями специального назначения.

2.4. СУЩЕСТВЕННЫЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Исторический и логический анализ развития содержания и форм специальных действий воинских формирований в тылу противника в российском военном искусстве позволяет сделать следующий вывод.

На протяжении всей истории военного искусства российской регулярной армии существовали боевые действия, содержание, формы и способы ведения которых выходили за рамки обычных боевых действий на поле битвы или на фронте. Российское военное искусство до революции 1917 года называло эти действия регулярных воинских формирований партизанскими. В современных условиях такие

действия необходимо объединить в особый вид боевых действий — специальные действия в тылу противника (на территории полностью или частично контролируемой противником), под которыми следует понимать организованное применение сил и средств в тылу противника (на территории полностью или частично контролируемой противником) для выполнения специальных задач частями, соединениями и объединениями Сухопутных войск специальными способами.

К существенным признакам специальных боевых действий необходимо отнести такие показатели боевых действий, каждый из которых, взятый отдельно, необходим, а совокупность которых будет достаточна, чтобы отличать специальные действия от других видов боевых действий [60.25]. При этом отличительными признаками будут только те признаки, которые присущи только специальным действиям. Анализ боевого применения сил и средств в тылу противника на протяжении истории военного искусства российской регулярной армии свидетельствует, что существенными признаками специальных действий являются: специальные цели и задачи боевого применения сил и средств в тылу противника (на территории полностью или частично контролируемой противником); особые принципы и методы боевого применения сил и средств; специальные способы выполнения боевых задач; специальная группировка (специальный боевой порядок) сил и средств; специальные вооружение, техника и имущество, используемые для выполнения боевых задач; особый порядок подготовки, управления и обеспечения специальных действий; специальные формы боевого применения сил и средств. При этом отличительными признаками специальных действий являются специальные способы выполнения боевых задач и специальные формы боевого применения сил и средств.

1) Специальные цели и задачи боевого применения сил и средств в тылу противника (на территории полностью или частично контролируемой противником). Боевое применение сил и средств не на линии фронта или другой линии общего соприкосновения с противником, а в его тылу или на территории полностью или частично контролируемой противником является важнейшим признаком специальных действий. При этом целями специальных действий обычно являются дестабилизация обстановки в тыловой зоне, подрыв боевой способности войск и сил, дезорганизация управления войсками и оружием, технического, тылового и других видов обеспечения боевых действий противника, а также содействие эффективному применению своих сил и средств в тылу противника.

Целевое воздействие на объекты в тылу противника как признак специальных действий требует, прежде всего, наличия у противника собственно тыла как объекта воздействия. Пока у воюющих армий не было тыла как части пространства, занимаемого войсками второго эшелона, другими группировками, различными резервами, и тыла как системы обеспечения войск людским пополнением, вооружением, боеприпасами, продовольствием, другим необходимым для боя и жизни имуществом, не могло быть и борьбы с самим тылом. Ход и исход сражения определялся непосредственно на поле битвы. Рассредоточение сил и средств по фронту и в глубину с переносом в тыловую зону важных объектов группировок противника, его систем управления и обеспечения вызвали необходимость переноса туда же и усилий другой стороны по их уничтожению, выводу из строя в соответствующих формах боевых действий. Появление тыла как объекта воздействия стало одной из причин появления специальных действий.

Специальные цели достигаются выполнением следующих специальных задач: уничтожение или вывод из строя объектов в тылу противника; ведение разведки в интересах своих войск и сил с применением специальных способов добывания данных; поиск и уничтожение диверсионных формирований противника; информационно-психологическое воздействие на войска и население противника в его тылу; обеспечение боевого применения авиации, ракетных войск и артиллерии, а также обеспечение выполнения других задач войсками, силами и службами в тылу противника; подготовка и боевое применение дружественных иррегулярных воинских формирований в тылу противника; освобождение военнопленных и других граждан из плена; миротворческие и другие невоенные действия соединений, частей и подразделений в зонах вооруженных конфликтов и иных опасных местах.

2) Особые принципы и методы боевого применения сил и средств. Исторический обзор и анализ специальных действий позволяют утверждать, что подготовка и ведение специальных действий в тылу противника осуществлялись в соответствии с некоторыми основными правилами, которые можно назвать принципами специальных действий. В них отражаются требования при выборе целей специальных действий, определении боевых задач и способов их выполнения, указывается на недопустимость открытого вооруженного столкновения с противником, предписывается сосредоточивать усилия против наиболее слабого или уязвимого места объектов противника. Принципы специальных действий направляют деятельность командования на дезориентацию противника относительно реальной обстановки, своих истинных действий и принуждение противника к рассредоточению усилий, уменьшение эффективности действия средств поражения противника и увеличение эффективности боевого применения своих войск, сил и средств, деморализацию войск и населения противника, дезорганизацию управления государством, войсками и оружием, дезорганизацию всех видов обеспечения и работы коммуникаций. Принципы нацеливают формирование специального назначения на всестороннее использование всех элементов обстановки для успешного выполнения поставленных задач, поскольку их действия не связаны тактическим или огневым взаимодействием с соседями, особый порядок подготовки, управления и обеспечения специальных действий.

Специальный метод ведения боевых действий вызван специальными целями вооруженной борьбы. Метод боевых действий есть способ достижения победы. Как показал опыт боевых действий в тылу противника в истории российского военного искусства, победа как цель действий в любом противоборстве, а в войне в особенности, принципиально достигалась двумя методами: а) преодолением сопротивления противника; б) лишением его способности к ведению борьбы.

Преодоление сопротивления противника осуществляется в открытом вооруженном столкновении сторон посредством боевых действий на фронте. Основными видами боевых действий являются наступление и оборона. Отсюда наступательные, оборонительные и другие боевые действия по разгрому и уничтожению противника в открытом вооруженном столкновении — есть обычные боевые действия, которые относятся к первому, или обычному методу ведения войны. Именно этот метод достижения победы изложен в соответствующих составных частях российской теории военного искусства и практически абсолютизирован.

Лишение противника способности к сопротивлению и к борьбе в целом осуществляется посредством специальных действий. Специальные действия по лишению противника способности к ведению борьбы по своей сути разнородны, поскольку имеют объектами своего непосредственного воздействия не только

собственно военный потенциал, но и политический, экономический, информационный, научно-технический, моральный, культурологический, демографический и экологический потенциалы противника. Совокупность различных типов специальных действий по сокращению этих потенциалов относится ко второму методу достижения целей, к области специальных методов ведения войны.

Оба метода имеют внутреннее единство и только преобладание одного из них в содержании вооруженного противоборства определяет метод ведения войны, военных (боевых) действий.

3) Специальные способы выполнения боевых задач в тылу противника. В ходе боевого применения сил и средств в тылу противника со специальными задачами проявился ряд основных способов их выполнения. Основными способами выполнения специальных задач в тылу противника, или специальными способами в современных условиях могут быть: засада; налет; диверсия; поиск; рейд; наблюдение; подслушивание; изучение захваченных документов, образцов вооружения и техники; специальная пропаганда; дезинформация; внедрение закладок с разрушающим программным воздействием в компьютерные системы управления войсками и оружием; наведение авиации на цели; корректировка огня ракетных войск и артиллерии; пеленгация и перехват работающих радиоэлектронных средств; устройство радио — и радиоэлектронных помех; допрос пленных и опрос местных жителей; специальные организационно-мобилизационные мероприятия по организации иррегулярных формирований; боевое применение иррегулярных вооруженных формирований, других организаций сопротивления; специальная администрация.

4) Специальная группировка (специальный боевой порядок) сил и средств. Выполнение специальных задач в тылу противника в оперативном или стратегическом масштабе возможно при наличии специальной группировки, объединяющей специальные воинские формирования, силы и средства их вывода в тыл противника, управления, поддержки и обеспечения. Построение специального боевого порядка подразделением или другим воинским формированием является отличительным признаком выполнения специальных задач в тактическом масштабе. Под воинскими формированиями следует понимать не только специальные формирования вооруженных сил, но и иррегулярные вооруженные формирования, созданные из местного населения, если их организация, вооружение, порядок действий строился на основе воинских уставов, наставлений и руководств. В некоторых случаях соединения, части и подразделения регулярных вооруженных сил, утратив способность противостоять противнику в открытых формах обычных боевых действий, вынужденно переходят к ведению специальных действий в тылу противника.

5) Специальное вооружение, техника и имущество. Для выполнения специальных задач воинскими формированиями, как правило, требуются специальное десантируемое вооружение, техника и имущество. К стрелковому оружию предъявляются требования бесшумной и беспламенной стрельбы, возможность использования в условиях ограниченной видимости. Устройство засад, проведение налетов и диверсий выявили необходимость специальных минно-взрывных средств, переносных зенитных ракетных комплексов. Большие расстояния между органом управления и действующими формированиями требуют специальных радиосредств. Особые требования предъявляются к вещевому имуществу, продовольствию, экипировке и другим предметам снабжения. Вывод формирований в тыл противника

требует специальных авиационных средств доставки, огневой поддержки и эвакуации.

6) Самостоятельность и автономность действий привлекаемых сил и средств. Специальные действия ведутся вне тактического и огневого взаимодействия с соседями. Действия в условиях постоянной угрозы обнаружения противником и захвата в плен требуют строго соблюдения конспирации при подготовке и ведении специальных действий. Формирования, выполняющие специальные задачи в тылу противника, действуют отдельно друг от друга. Контакты между личным составом формирований, в том числе между их командирами, допустимы только с разрешения вышавшего их командования. Каждое подразделение действует независимо, вне тактической или огневой связи друг с другом, выполняя задачу только имеющимися у него силами в условиях отсутствия соседей. Автономность специальных подразделений характеризуется степенью боеспособности и возможной продолжительностью их действий в тылу противника. Жизнедеятельность формирований осуществляется вне зоны действия общевойсковых систем боевого, технического и тылового обеспечения войск и сил. Самостоятельность и автономность средств доставки — необходимое условие успешного вывода специальных подразделений в тыл противника. Данный признак позволяет отличить действия авиации по десантированию воздушных десантов в тыл противника в составе авиационных соединений и частей, от самостоятельных и автономных действий отдельных самолетов и вертолетов, а также других средств вывода формирований специального назначения в тыл противника.

7) Специальные формы боевого применения сил и средств в тылу противника. Содержание специальных действий потребовало соответствующих форм, способов их существования. Вне специальных форм специальные действия существовать не могут. Поэтому боевое применение сил и средств в тылу противника со специальными задачами на тактическом уровне осуществляется в присущей специальным действиям форме специальной акции. Малочисленность формирований, выполняющих специальные задачи в тылу противника, их ограниченные огневые и другие боевые возможности, большие потери в открытом вооруженном столкновении с противником, во много раз превосходящим специальные формирования по численности, заставили отказаться от наступательного, оборонительного или других видов боя и найти другую форму — специальную акцию, как основную форму тактических специальных действий. Способность формирований специального назначения доставить в тыл противника различные боеприпасы, установить их на объекте и привести в действие в необходимое время позволяет говорить о диверсионном ударе как одной из форм специальных действий. Подготовка и ведение специальных действий в оперативном и стратегическом масштабах существуют в присущей только специальным действиям форме — в форме специальной операции, в промежутках между которыми ведутся систематические специальные действия.

Таким образом, на протяжении всей истории российского военного искусства существовали боевые действия, содержание, формы и способы ведения которых выходили за рамки обычных боевых действий на поле битвы или на фронте. Такие действия необходимо объединить в особый вид боевых действий — специальные действия, под которыми следует понимать организованное применение сил и средств в тылу противника (на территории полностью или частично контролируемой противником) для выполнения специальных задач частями, соединениями и объединениями Сухопутных войск специальными способами.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ТЕОРИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ

3.1. СПЕЦИАЛЬНЫЙ МЕТОД ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ. ФОРМЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Необходимость разработки теории специальной операции как составной части теории военного искусства вызвана произошедшими после второй мировой войны существенными изменениями в характере и содержании войн и вооруженных конфликтов. Наблюдается действие новых и трансформация известных законов войны. Возникает потребность в новых принципах военного искусства, появляются новые формы военно-политического противоборства, в том числе и новые формы ведения войны.

За время после второй мировой войны мы проиграли: 45-летнюю глобальную «холодную войну» с Соединенными Штатами Америки; 9-летнюю региональную «необъявленную войну» в Афганистане; военным поражением завершилось 2-летнее «наведение конституционного порядка» в Чечне. Данное утверждение требует уточнения по двум позициям: 1) действительно ли «проиграли»; 2) какие войны, операции и сражения проиграны.

Первое: действительно ли «проиграли»? Цель войны — не разгром вооруженных сил противника или овладение его территорией, а послевоенный мир. Победа — есть достижение целей войны. Поэтому отличительным признаком победы является согласие противника на мир или принуждение его к миру на определенных условиях. Исходя из этого, очевиден ответ на вопрос, кто победил в глобальной «холодной» войне, в Афганистане или в Чечне.

Вооруженные Силы во всех случаях остается инструментом государственной политики. Этот инструмент должен всегда быть исправен, и уметь выполнять порученную ему работу. Признание в поражении в «холодной войне», в Афганистане и Чечне сейчас не выгодно и не нужно никому, кроме самой армии. Поэтому, прежде всего, российской армии, нужен анализ, чтобы понять военные причины поражений.

Второе. Какие войны, операции и сражения проиграны. С точки зрения существующей теории военного искусства, никакие. Ни одна советская дивизия Западной группы войск бывшим вероятным противником не разгромлена. Ни один советский батальон, не говоря о полке, не был разбит в Афганистане. В Чечне, вообще, якобы во всем виноваты МВД и ФСБ, а армия свою задачу выполнила. Однако десятки элитных дивизий Западной группы войск правомерно отнести к безвозвратным потерям. Мы ушли из Афганистана, так и не увидев победы. Военным поражением завершилась чеченская кампания.

«Холодную» войну мы определили через понятие физики, «необъявленную» войну в Афганистане — через понятие дипломатии, «наведение конституционного порядка в Чечне» — через понятие права. Так какие же войны, операции и сражения мы проиграли, исходя из понятий военного искусства?

Нынешнее понимание войны и вооруженной борьбы, а также существующая система операций Вооруженных Сил не дает ответа на эти вопросы. Отсюда следует: поражения эти связаны, помимо прочего, с отсутствием в теории и практике нашего военного искусства соответствующих форм и способов вооруженной борьбы, а также других видов борьбы с применением вооруженными силами небоевых средств.

Российское военное искусство до настоящего времени не признает других основных видов боевых действий, кроме наступления и обороны, даже в условиях, когда борьба с диверсионными (иррегулярными вооруженными) формированиями приобретает оперативный или перативно-стратегический масштаб и является основным содержанием боевых действий объединений, соединений и частей Вооруженных Сил.

Мы до сих пор не вполне понимаем характер и содержание борьбы, которую вели и ведут с нами наши геополитические соперники.

Можно и далее продолжать считать, что мы не проиграли ни одного сражения, ни одной операции в этих войнах. Ведь ни психологических операций, являвшихся одной из форм ведения холодной войны, ни специальных операций (действий), являвшихся по взглядам наших бывших противников, по сути, основной формой боевых действий в Афганистане, в нашем военном искусстве не было, и нет, а, следовательно, и проигрывать было нечего. Противники считали иначе.

Пришло время признать свое упущение в этой области военного дела. Но открыть смысл и значение специальных операций как формы вооруженной и других видов борьбы нельзя без осмысления характера и содержания войн и вооруженных конфликтов.

Военные действия до сих пор определяются у нас как действия вооруженных сил по разгрому противника на суше, в воздухе и на море, а предназначение Вооруженных Сил — оборона Российской Федерации с применением средств вооруженной борьбы. Соответственно, предназначение сухопутных войск — отражение вторжения агрессора и удержание занимаемых территорий, разгром группировок войск противника и овладение его территориями. А предназначение воздушно-десантных войск — ведение тех же боевых действий, но в тылу противника. И во всех случаях уничтожение живой силы и техники противника в открытом вооруженном столкновении с противником — в бою, сражении или операции, представляется единственным средством достижения победы.

Такой подход к выбору целей, средств и методов достижения военно-политических целей в современных условиях является анахронизмом. Бой перестал быть единственным средством достижения победы. Понимание, а значит и решение названных проблем, возможно в рамках теории, которую еще предстоит разработать — теории специальной операции.

Цели специальных операций, их задачи, способы выполнения, виды специальных действий — должны быть известны широкой российской общественности.

Вооруженная борьба всегда и безоговорочно считается основным, решающим содержанием войны, ее основной формой. Примат вооруженной борьбы отрицает возможность достижения решительных военно-политических целей в войне посредством применения других форм противоборства. Он вызывает неоправданно жесткую необходимость применения средств вооруженного насилия для достижения целей войны.

Стоять насмерть в обороне или, преодолевая огонь противника, овладеть рубежом в наступлении требовали другого умения, другой логической организации противоборства. Учитывая могущество современного вооружения, подобные методы вооруженной борьбы, а по сути — методы массового кровопролития — для развитых стран сегодня недопустимы. Требуются другие методы и способы достижения военно-политических целей.

В теории военного искусства происходит смена парадигм военно-научного мышления, связанная с серьезными изменениями в системе приоритетов и ценностей человеческого общежития, гуманизацией вооруженной борьбы. Меняются структура, логическая организация, методы и средства военно-политического противоборства, обнаруживается иное понимание понятия войны.

Суть войны не изменилась. Война, по-прежнему, как и во времена К. Клаузевица, есть «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить вашу волю». Изменения произошли в содержании войны и способах достижения цели. В настоящее время из всей совокупности существенных признаков войны именно переход к применению средств вооруженного насилия

рассматривается у нас как отличительный единичный признак понятия «война». В результате за пределами отличительных признаков войны остались другие области, или формы насилия — информационное, культурологическое, экономическое, финансовое, идеологическое и другие, используемые для достижения решительных военно-политических и иных целей без применения прямого вооруженного насилия.

Насильственное изменение образа жизни нации более не связано только с внешним или внутренним вооруженным насилием. Военная угроза в настоящее время должна соотноситься не только с применением вооруженного насилия, но и с применением войны как способа достижения военно-политических и других целей, войны как широкомасштабного организованного насильственного воздействия в различных областях человеческой деятельности. При этом право идентификации насилия принадлежит объекту воздействия.

В современных условиях геополитическое противоборство ведется в следующих формах:

- война с применением средств вооруженной борьбы;
- война с применением небоевых средств;
- вооруженный конфликт;
- конфликт с применением небоевых средств;
- естественное соперничество.

Война — это широкомасштабное массированное организованное насильственное воздействие на государство, народ, социальную или этническую группу с применением средств вооруженной борьбы и (или) небоевых средств для достижения решительных политических, военных, экономических, культурологических и других целей. В войне могут применяться различные формы борьбы: информационная, вооруженная, экономическая, финансовая, дипломатическая, культурологическая и другие.

Конфликт — насильственное воздействие с применением средств вооруженной борьбы и (или) небоевых средств с ограниченными целями, не достигающее масштабов войны с резким изменением противоборствующими сторонами проводимой ими ранее политики.

Естественное соперничество — применение субъектами геополитики взаимоприемлемых способов воздействия друг на друга. Это признание прав другого субъекта на права, аналогичные своим, а также сохранение повседневной деятельности в жизни государства, народа, социальной или этнической группы. Естественное соперничество — естественное состояние человечества.

Знание (информация) заменяет силу в качестве критерия естественного отбора. Направленность знания (информации) определяется нравственностью. Уровень знания (информации) — образованием. Способность к реализации знания (информации) — психическим состоянием.

Наиболее общий закон войны, ранее определявший зависимость войны только от ее политических целей, трансформировался в закон зависимости войны от целей войны и методов ее ведения.

Достижение цели в войне идентифицируется как победа; метод ведения войны — путь, способ достижения победы. Поэтому не разгром вооруженных сил противника или овладение его территорией, а принуждение его к миру на определенных условиях, достижение желаемого послевоенного устройства есть отличительный признак победы.

Принципиально, цель действий в любом противоборстве, в том числе и в военном, может быть достигнута двумя способами: преодолением сопротивления противника или лишением его способности к ведению борьбы. Преобладание того или иного способа в содержании противоборства определяет метод достижения цели.

Преодоление сопротивления в войне с применением средств вооруженной борьбы (вооруженном конфликте) осуществляется посредством открытого вооруженного столкновения сторон. Лишение противника способности к сопротивлению и к борьбе в целом — подрывом военного, информационного, экономического, научно-технического и морального потенциалов посредством специальных действий.

В войне (конflikте) с применением не боевых средств, а также при естественном соперничестве цели достигаются лишением способности или ограничением возможности противника (соперника) к дальнейшему ведению борьбы.

Основными видами действий по преодолению сопротивления противника в вооруженной борьбе являются наступление и оборона. Наступление и оборона могут переходить из одного в другое и по своей сути являются однородными: объектом непосредственного воздействия в них выступают группировки вооруженных сил противника. Отсюда и наступательные, и оборонительные, и другие обычные бои, сражения и операции относятся к первому, или обычному методу ведения войны. Именно этот метод изложен в соответствующих составных частях российской теории военного искусства и практически абсолютизирован.

Виды действий по лишению противника способности к ведению борьбы по своей сути разнородны, поскольку имеют объектами своего непосредственного воздействия не только собственно военный, но и политический, экономический, информационный, научно-технический, моральный, культурологический, демографический и экологический потенциалы противника. Совокупность действий по сокращению этих потенциалов относится ко второму методу достижения целей, к области специальных способов ведения войны. При этом под культурологической борьбой понимается насильственное воздействие (противодействие) с регрессивными или прогрессивными целями в области науки, образования, воспитания, искусства, национального языка, традиционного вероисповедания и уклада жизни.

Структура специальных действий сложна и многообразна, как сложен и многообразен сам мир. Каждый из потенциалов включает огромное количество различных структур и компонентов, обеспечивающих развитие и устойчивое функционирование общества, государства и его вооруженных сил, как в мирное, так и в военное время, и которые могут быть объектами воздействия.

Применение вооруженных сил есть важная составная часть ведения войны специальными методами. В условиях естественного соперничества возрастает значение других сил и средств, используемых для достижения целей специальным методом. Подготовка и ведение войны специальным методом, как и войны в целом, а также успешное противодействие ему возможны только на высшем государственном уровне с использованием возможностей всех государственных и общественных структур.

Мировая «холодная» война, которую проиграл Советский Союз, представляла собой, по точному определению резидента Фонда национальной и международной безопасности Л.И. Шершнева, первую мировую информационную войну.

Одной из главных причин, вызвавших наше поражение в этой третьей мировой войне, является упущение действия закона, который еще предстоит познать — закон зависимости хода и исхода войны от соотношения информационных потенциалов противоборствующих сторон.

Появился новый тип войн, в которых вооруженная борьба уступила свое решающее место в достижении военно-политических целей войны другому виду борьбы — информационному. В зависимости от объекта воздействия информационная борьба включает два вида:

- информационно-психологическую борьбу (воздействие на личный состав вооруженных сил и население), которая ведется в условиях естественного соперничества, т.е. всегда;
- информационно-техническую борьбу (воздействие на технические средства приема, сбора, обработки и передачи информации), которая ведется во время войн и вооруженных конфликтов.
- Переход от войны с применением небоевых средств к войне с применением средств вооруженной борьбы определяется, как правило, переходом к информационно-технической борьбе.

3.2. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Теория специальной операции — система знаний, которая описывает, объясняет и предсказывает категории, законы и принципы ведения войны специальными методами. Теория специальной операции — дальнейшее развитие теории глубокой операции, идеи «активно действующего фронта в тылу противника».

Ее сущность состоит в комплексном воздействии на всю глубину тыловой зоны противника средствами поражения, формированиями специального назначения, воздушными (морскими) десантами, силами и средствами психологической борьбы с целью лишить противника материальной и (или) моральной способности вести борьбу или резко ограничить его возможности по дальнейшему ведению борьбы.

Возможность комплексного воздействия на объекты во всей глубине тыловой зоны противника с решительными целями обусловлена:

- массовым появлением малогабаритных, эффективных средств поражения и резким увеличением наносимого ими ущерба при применении специальными способами;
- массовым применением вертолетов, других специальных средств вывода формирований в тыл противника;
- уязвимостью объектов в тыловой зоне;
- возросшей зависимостью сил и средств поражения на линии непосредственного соприкосновения сторон от состояния управления войсками и оружием и всестороннего обеспечения;
- техническими возможностями осуществления широкомасштабного информационно-психологического воздействия на войска и население противника;
- низкой уязвимостью диверсионных формирований при их поражении с применением обычных методов ведения войны.

3.2.1. Классификация специальных действий

Основанием для деления объема понятия «специальные действия» могут быть тип, форма, масштаб специальных действий и другие основания.

Основным показателем функции боевого применения сил и средств являются цели и задачи их боевого применения. В зависимости от целей и задач специальные действия (СД) делятся на следующие разновидности, или типы: диверсионные, диверсионно-разведывательные, противодиверсионные, вспомогательные, информационно-психологические, правоохранительные, СД по организации и ведению вооруженной борьбы специальным методом, СД по обеспечению безопасности иностранных государств, поисково-спасательные, специфические и другие.

Диверсионные СД — действия с целью нанесения непосредственного ущерба объектам противника специальными способами и отвлечению сил и средств противника с других направлений. Диверсионные СД заключаются в уничтожении или выводе из строя объектов ядерного нападения, сухопутных войск, ВВС, ПВО, ВМС, пунктов управления, оперативного оборудования театра военных действий (ТВД), промышленных предприятий и других важных объектов противника. Необходимость усиления защиты объектов в своем тылу вынуждает противника привлекать дополнительные силы для их охраны и обороны.

Диверсионно-разведывательные СД — действия с целью добывания всех видов информации специальными способами (специальная разведка).

Противодиверсионные (контртеррористические) СД — действия по поиску, блокированию, захвату или ликвидации диверсионных формирований из состава сил специальных операций иностранных армий, а также иррегулярных (диверсионных, террористических, контрабандистских и других) формирований, ведущих вооруженную борьбу или использующих оружие против Российской Федерации или ее союзников, в том числе баз, лагерей их подготовки. Ввиду актуальности этого типа специальных действий, они будут рассмотрены более подробно.

Борьба с диверсионными формированиями требует значительно больше сил, чем боевые действия против обычных частей и подразделений. Чем это вызвано? Прежде всего, тем, что действия диверсионных формирований не связаны с удержанием какого-либо объекта или участка местности и свободны в выборе направления действий. Прежде, чем их уничтожить, необходимо вначале создать сплошное кольцо окружения, при этом на каждом из вероятных направлений их прорыва или отхода создавать превосходство в силах и средствах.

Так, имея общее 4-х кратное превосходство над диверсантом в помещении, где имеется дверь, запасной выход и два окна, на направлении его прорыва или отхода соотношение сил будет 1:1. Имея общее 8-кратное превосходство, соотношение сил будет только 1:2. Противодиверсионная борьба в населенном пункте или в лесистой местности требует 12-кратного общего превосходства в силах и средствах.

Мировой опыт борьбы с диверсионными или партизанскими формированиями говорит, что для успешной борьбы с ними непосредственно в районе действий необходимо создать группировку сил и средств с боевым потенциалом в 7–10 раз превышающим боевой потенциал диверсионного формирования.

Таким образом, средний коэффициент необходимого увеличения обычных сил и средств, привлекаемых для борьбы с диверсионными формированиями, равен 8.

По опыту, для разгрома десанта в составе роты требуется батальон, а для разгрома десанта в составе батальона — полк. Поэтому бросать элитные антитеррористические подразделения ФСБ в уличные бои или в бой на местности, мягко говоря, нецелесообразно. Диверсионной тактике крупных террористических формирований необходимо противопоставить такую же диверсионную тактику специальных формирований Вооруженных Сил, обладающих соответствующим оружием, снаряжением и техникой.

Расчеты показывают, что при равенстве боевых потенциалов сторон достаточно вывести в тыл противника 5–7% сил для действий специальными способами, чтобы лишить противника понятия о границе между фронтом и тылом. При общем равенстве боевых потенциалов вывод одной из сторон в тыл противника всего 6 процентов своих сил и для действий специальными способами заставит другую сторону привлечь для борьбы с ними половину своих сил и средств.

При определенном количестве десантно-диверсионных формирований, действующих в тылу противника специальными способами, наступает критическое соотношение сил и средств сторон, при котором для противоборствующей стороны ведение боевых действий обычным способом уже невозможно, поскольку тыловая зона становится для него также полем боевых действий. При этом само «поле боевых действий приобретает вид равнозначного боевого пространства без фронта, флангов и тыла...».

Именно поле боевых действий, а не поле борьбы с преступностью или отдельными бандформированиями в тылу своих войск. Именно здесь и проходит раздел функций в противодиверсионной борьбе между ФСБ и МВД с одной стороны и армией с другой.

Именно такое поле боевых действий мы имели в Афганистане и Чечне, американцы — во Вьетнаме.

Следует не ждать нападений в контролируемой нами зоне и потом отражать их, пытаясь окружить противника там, где его уже нет, а активно искать и уничтожать иррегулярные формирования на их поле деятельности. Наиболее эффективным средством противодействия тактике диверсионных формирований есть такая же тактика противодиверсионных формирований сил спецназначения.

К такому выводу пришло американское руководство, анализируя войну во Вьетнаме, и под личным патронажем президента Кеннеди создало свои войска специального назначения — «зеленых берегов». К такому же выводу пришло советское руководство после анализа войны в Афганистане, увеличив численность спецназа в составе 40 Армии со 100 до 5000 человек во время войны. Но после ее окончания — практически расформировало имевшие боевой опыт бригады специального назначения.

Вспомогательные СД — действия по увеличению эффективности средств поражения авиации, ракетных войск и артиллерии, а также по обеспечению выполнения других задач войсками, силами и службами в тылу противника.

Информационно-психологические СД — действия с целью изменения в необходимом направлении поведенческих и эмоциональных установок военнослужащих и гражданского населения противника (страны или района предназначения) по определенным военно-политическим и другим вопросам, а также противодействие пропаганде противоборствующей стороны, которая ведется ею среди своих войск и населения.

Правоохранительные СД — действия по защите конституционного строя и государственного устройства Российской Федерации, собственности и прав России и ее граждан за рубежом, обеспечению выполнения Россией и иностранным государством своих обязанностей по защите и соблюдению прав человека в отношении граждан России, а также действия Вооруженных Сил по исполнению постановлений международных и российских правоохранительных органов. Правоохранительные СД предусматривают принципиально новое понимание предназначения Вооруженных Сил.

«Вор должен сидеть в тюрьме,» — потребовала американская Фемида, и столица независимого государства Панама была разорвана воздушно-десантными частями, морской пехотой и силами специальных операций, а всенародно-избранный президент Норьега был захвачен и посажен за

решетку в Майами. Заметьте, не крутые полицейские из этого города, а вооруженные силы США провели эту специальную операцию. И никто не кричал, что применялась авиация, артиллерия, другие мощные средства поражения. А у нас — террорист, бандит с большой дороги, он же — вице-премьер какого-то там «правительства», убивает сотни людей на территории России и чувствует себя в безопасности...

В рамках правовых действий должна также осуществляться защита экономических, финансовых и других национальных интересов Российской Федерации в зонах вооруженных конфликтов и других опасных местах.

Вооруженные Силы должны защищать бизнес. Пока силовое обеспечение российских предпринимателей находится на уровне «братвы» на автомобилях с автоматами. Американская же «братва» приехала разбираться на свою бензоколонку на Ближнем Востоке на авианосцах и десантных кораблях и устроила «Бурю в пустыне». Этим можно завидовать, этому нужно учиться. Сейчас много говорится о необходимости замены права силы в международных отношениях на силу права. Пора реализовывать это требование в военном строительстве.

СД по организации и ведению вооруженной борьбы специальным методом — действия (оказание помощи) по формированию, подготовке, поддержке, обеспечению и боевому применению иррегулярных сил, других сил сопротивления в тылу противника или на территории, контролируемой противником, в интересах решения задач Вооруженными Силами России или Российской Федерации в целом.

Прошлая война в Чечне была уже на 90% проиграна, как только колонны федеральных войск вошли на территорию республики. В Чечне было достаточное количество здравомыслящих людей, которые при определенной помощи и поддержке могли составить силу, способную изменить ситуацию в нужном направлении.

СД по обеспечению безопасности иностранных государств — действия по усилению группировок войск и сил союзных государств в случае угрозы агрессии извне, по оказанию помощи в вооруженной борьбе по обеспечению внутренней безопасности, а также советническая деятельность.

Поисково-спасательные СД — действия, целью которых ставится освобождение военнопленных, а также поиск и возвращение в расположение своих войск или в другое безопасное место военнослужащих, других граждан Российской Федерации, захваченных в качестве заложников в зонах вооруженных конфликтов, пропавших без вести или удерживаемых насильно за пределами России по другим причинам.

Многомесячное насильственное удержание в Кандагаре российских летчиков показало беспомощность силовых структур по реальному обеспечению прав граждан России. Есть ли у нас сейчас силовая структура, способная организовать и провести операцию, аналогичную американской специальной операции по освобождению заложников в Иране? Такой структуры нет. Хотя такая структура — силы специального назначения — нужна. Каждый гражданин Российской Федерации, находясь за рубежом, должен знать и чувствовать, что за него в случае необходимости вступятся не только работники посольства, но и его армия, его авиация, его флот.

Специфические действия — миротворческие действия, другие действия Вооруженных Сил в зонах вооруженных конфликтов и в других опасных местах по оказанию гуманитарной помощи иностранным государствам, ликвидации стихийных бедствий, восстановлению гражданской администрации, проведению карантинных мероприятий.

Другие СД — действия, которые указом Президента Российской Федерации или директивой Министра обороны могут быть отнесены к специальным.

Важнейшим критерием классификации специальных действий является их масштаб.

По масштабу специальные действия могут быть стратегическими, оперативными и тактическими. В отличие от обычных боевых действий, основными показателями масштаба которых являются пространственные и временные показатели и состав группировок войск и сил, основным показателем масштаба специальных действий является их цель.

Стратегическая цель специальных действий предусматривает такой результат боевого применения сил и средств, достижение которого приводит к коренным изменениям в военно-политической и стратегической обстановке, способствует созданию благоприятных условий для использования стратегических группировок и видов Вооруженных Сил в первых операциях, дальнейшему успешному ведению войны или проведению стратегической операции.

Оперативная цель специальных действий предусматривает достижение такого результата боевого применения сил и средств, который приведет к резкому изменению обстановки в полосе боевых действий (районе предстоящих боевых действий) фронта, армии или корпуса или способствует успешному выполнению ими боевых задач.

Тактическая цель специальных действий предусматривает достижение такого результата боевого применения сил и средств, который приведет к резкому изменению обстановки в полосе боевых действий полка, дивизии или будет способствовать успешному выполнению ими боевых задач.

Каждая из перечисленных целей специальных действий, как видно из их определения, имеет два уровня. На первом уровне цели специальных действий ограничены содействием объединениям, соединениям и частям в выполнении ими боевых задач. На втором, более высоком уровне, специальные действия играют самостоятельную роль в достижении стратегических, оперативных или тактических целей.

3.2.2. Принципы специальных действий

Принципы специальных действий — это положения, отражающие объективно существующие закономерности ведения вооруженной борьбы специальным методом. К этим принципам относятся:

1) Верный выбор специальных целей, определение специальных задач и способов их выполнения. Инфраструктура тыла противника включает огромное количество различных объектов, обеспечивающих функционирование государства и вооруженных сил противника. Поэтому снижение способности противника к сопротивлению может быть достигнуто дезорганизацией одной из его обеспечивающих систем. Это, в свою очередь, предполагает многовариантность целей специальных действий. Древнекитайский полководец и военный теоретик Сунь-цзы так разъяснял этот принцип: «Лучшее из лучшего — покорить нужную армию, не сражаясь. Поэтому самая лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы; на следующем месте — разбить его войска. Самое худшее — осаждать крепости».

В прошлой чеченской кампании мы выбрали самое худшее — взяли штурмовать крепость Грозный. Были ли другие варианты военно-политических целей и способов их достижения? Безусловно, да. Под них существуют соответствующие военные технологии — специальные операции.

2) Сосредоточение усилий против наиболее слабого или уязвимого места противника. Это могут быть системы управления, снабжения горючим, боеприпасами, коммуникации противника, недовольство населения войной или другие области в структуре военно-политического противоборства. Если при ведении обычных боевых действий нападение на противника в его слабом месте является желательным элементом, то при ведении специальных действий воздействие на наиболее уязвимое место является необходимым условием успешных и эффективных специальных действий.

3) Дезориентация противника относительно реальной обстановки и принуждение противника к рассредоточению усилий. Военное искусство всех стран признает принцип сосредоточения сил и средств в решающем месте и в нужное время. Третий принцип специальных действий — его антипод. Основные требования третьего принципа — не дать противнику реализовать свое стремление к решительному сосредоточению усилий, запутать его, вырвать инициативу, заставив его бросать силы и средства на охрану объектов в тылу, лишить возможности беспрепятственного передвижения и пользования объектами инфраструктуры, создать в тылу противника второй фронт вооруженной борьбы.

4) Уклонение от открытого вооруженного столкновения с противником, действуя по направлениям наименьшего сопротивления. Даже самая крупная отдельная специальная акция, но приведшая к потерям в составе формирования специального назначения, по своему значению не может сравниться с множеством мелких, но безнаказанных нападений на объекты противника. Потеря хотя бы одного человека для группы численностью в несколько человек представляется весьма ощутимой и зачастую означает лишение того или иного специалиста в определенной области. Вместе с тем систематические нападения на объекты противника, постоянное ожидание противником потерь пусть нескольких человек или боевых машин подавляет его моральное состояние и истощает материальные ресурсы. Измор противника — вот главное требование. Потому этот принцип требует, чтобы действия сил и средств в специальной акции или операции не были связаны с удержанием или овладением участком местности или объектом на длительное время. «Внезапный удар и немедленный отход» — вот главное правило тактики специальных подразделений.

5) Уменьшение эффективности действий для средств поражения противника. Принцип требует затруднить боевое применение сил и средств авиации, ПВО, ракетных войск и артиллерии, других сил и средств поражения противника. Примером могут служить действия афганских моджахедов по применению ПЗРК, особенно в районах аэродромов. Применение ими средств ПВО специальными методами существенно затруднило боевое применение авиации советскими войсками.

6) Увеличение эффективности действий для средств поражения у своих войск и сил. Силы специального назначения, действующие в тылу противника, должны быть максимально использованы для увеличения эффективности действий авиации, ракетных войск и артиллерии, инженерных войск, других сил и средств.

7) Деморализация войск и населения противника. Война выигрывается мертвыми, но проигрывают ее всегда живые. Пока не сломлена национальная воля противника к сопротивлению, победа не может быть достигнута. Нанесение информационно-психологическое поражения личному составу войск и населению противника — необходимое правило современного противоборства. Умение вести такую работу среди населения и войск противника на его территории необходимое правило при организации и ведении специальных действий в тылу противника или на контролируемой им территории.

8) Дезорганизация управления государством, войсками и оружием. Этот принцип — антипод принципу твердого и непрерывного управления. Лишить противника устойчивого управления

войсками и боевыми средствами в современных условиях зачастую означает лишить его способности к организованному сопротивлению. Принцип требует организации целенаправленного воздействия на органы и пункты управления войсками и оружием противника. Особое внимание в начальном периоде войны или операции должно быть уделено нарушению работы системы оповещения. Важная роль принадлежит систематическому уничтожению командных кадров и специалистов.

9) Дезорганизация всех видов обеспечения и работы коммуникаций. Этот принцип — антипод принципу всестороннего и бесперебойного обеспечения боевых действий противника. Снизить боеспособность войск и сил противника посредством систематического нарушения снабжения его вооружением и боеприпасами, горюче-смазочными материалами, продовольствием, другими материальными средствами является одной из основ специальных действий. Нарушение работы технического обеспечения противника позволяет снизить надежность и безотказность вооружения и военной техники, замедлить ее восстановление, ремонт и возвращение в строй. Специальные действия на коммуникациях противника вынуждают его к выделению значительных сил для их охраны и сопровождения колонн.

10) Неограниченное использование всех элементов обстановки для успешного выполнения поставленных задач. Специальные действия формирований, как правило, не связаны жестким указанием на время и место проведения специальной акции. Бесчисленное количество возможных вариантов обстановки в тылу противника, случайность многих связей и обстоятельств ее составляющих делают невозможным заблаговременное и подробное планирование каждой специальной акции. Командир формирования зачастую сам выбирает объект или его элемент, подлежащий воздействию, способ или прием уничтожения или вывода его из строя. При принятии решения он не ограничен практически никакими другими обстоятельствами, кроме содержания поставленной ему задачи. Этот принцип предъявляет особые требования по волевым качествам, инициативе, решительности и интеллектуальному уровню к командирам формирований специального назначения или других подразделений, выполняющих специальную задачу.

11) Особый порядок подготовки, управления и обеспечения специальных действий. Принятие решения на боевое применение сил и средств в тылу противника со специальными задачами требует особого режима секретности и конспирации. Вывод формирований в тыл противника и создание необходимой специальной группировки являются отдельным, самостоятельным этапом в организации боевого применения сил и средств. В отличие от обычных действий вывод формирований и создание группировки специальных сил является промежуточным этапом между подготовкой специальных действий и их ведением. Для вывода каждого формирования в тыл противника требуется отдельное транспортное средство. Управление специальными действиями имеет другую структуру руководства. Так, если в дивизии управление осуществляется по схеме дивизия — полк — батальон — рота — взвод — отделение, то командир бригады специального назначения осуществляет непосредственное руководство каждым формированием, действующим в тылу противника, независимо от его численности. Поскольку всестороннее обеспечение специальных действий в тылу противника осуществляется вне зоны действия систем боевого, тылового и технического обеспечения войск и сил на своей территории, их организация и осуществление требуют особого порядка.

Таким образом, формулирование принципов специальных действий позволяет выработать общие правила и рекомендации для практической деятельности по подготовке и ведению специальных действий. Принципы специальных действий не противоречат, а дополняют общие принципы военного искусства применительно к специальному методу ведения войны.

3.3. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

В соответствии с Законом Российской Федерации «О безопасности» государство, являясь основным субъектом обеспечения безопасности, возлагает на себя функцию обеспечить безопасность каждого гражданина на территории Российской Федерации и гарантировать защиту и покровительство гражданам России, находящимся за ее пределами. Обеспечение безопасности согласно статье 4 этого же закона достигается проведением единой государственной политики, системой мер экономического, политического, организационного и иного характера, при этом военные меры не упомянуты в тексте даже в самом общем виде.

Одной из важнейших функций государства и элементом безопасности является также оборона, которая согласно Закону «Об обороне», организуется и осуществляется в соответствии с международным правом, Конституцией Российской Федерации, действующим законодательством и военной доктриной Российской Федерации. При этом в Законе «под обороной понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по обеспечению готовности государства к защите от вооруженного нападения, а также собственно защиты населения, территории и суверенитета Российской Федерации».

Таким образом, если в первом законе государство декларирует о своей обязанности защищать каждого гражданина России, в том числе и находящегося за границей системой невоенных мер, то во втором право на защиту с применением военных мер имеет уже только население, а не граждане Российской Федерации как на территории России, так и за ее пределами.

Закон «О внешней разведке» вообще исключает применение какого-либо насилия для решения вопросов внешней разведки, где говорится, что «методы и средства разведывательной деятельности не должны причинять ущерб жизни и здоровью людей и окружающей среде».

К чему на практике ведет такое правовое обеспечение вопросов безопасности, обороны и разведки показывает ситуация с российскими военнопленными, заложниками и другими гражданами Российской Федерации, удерживаемыми насильно по иным причинам, в том числе за рубежом. К какой категории принадлежат солдаты и офицеры, попавшие в плен в Афганистане и Чечне, кем были российские летчики в Кандагаре, кем являются захваченные заложниками в Чечне другие российские граждане? Они — граждане России или население? Какой из Законов должен вступить в силу, являясь правовой основой их освобождения? Какое ведомство должно было на практике реализовать соответствующие требования законов по вызволению летчиков, если Министерство иностранных дел свои возможности исчерпало? Есть ли вообще такие требования у законов?

Множество подобных вопросов возникло в связи с внутрироссийским вооруженным конфликтом в Чечне. Сейчас уже очевидно, что специальные операции, проводимые в первой кампании против чеченских боевиков, по своему содержанию являлись общевоинскими, с привлечением сил и средств различных видов вооруженных сил, родов войск. Никакая милиция или ФСБ не в состоянии должным образом их организовать и провести. Такие операции успешно могли провести только Вооруженные Силы, однако ни самих задач, ни правового обеспечения их выполнения пока нет. Поэтому не только сами законы, но и механизм их реализации, нуждается в существенных дополнениях.

Эти дополнения затрагивают:

- некоторые концептуальные вопросы безопасности и обороны;
- организацию противодействия угрозам военной безопасности государства, общества и личности;
- правового, информационного и психологического обеспечения действий обычных войск, а также сил и средств специального назначения внутри России и за рубежом.

Решение изложенной проблемы должны взять на себя все органы государственного управления, а не армия. Безусловным содержанием военной реформы должна стать работа по формированию правовой базы специальных действий. Обсуждение и принятие Государственной Думой Закона о специальных операциях Вооруженных Сил и других войск придало бы этому виду действий вооруженных сил статус вида государственной политики и избавит, наконец, руководство и военнослужащих спецподразделений от необходимости в каждом случае самим давать правовую оценку и принимать политические решения.

Сенат США недавно законодательно утвердил перечень специальных операций, в котором саботаж, диверсии и прочие подрывные действия признаны функцией вооруженных сил.

Таким образом, правовая деятельность в этом направлении включает разработку Закона «О специальных методах предотвращения военных конфликтов и способах использования Вооруженных Сил и других войск».

Закон должен предусматривать правомочность применения группировок Вооруженных Сил, в том числе сил специального назначения, с целью устранения источников военной опасности извне и внутри Российской Федерации; противодействия возникшей непосредственной угрозе безопасности или жизненно важным интересам России в мирное время и в угрожаемый период.

В Законе должно быть оговорено право Президента Российской Федерации применять необходимые контингенты Вооруженных Сил и других войск на территории иностранных государств, а также на территории России. Должен быть указан промежуток времени, в течение которого Президент имеет право применять этот контингент без объявления войны и введения военного или чрезвычайного положения. В нем должны быть перечислены специальные цели применения Вооруженных Сил и других войск и изложен перечень специальных задач, определен порядок принятия решений о проведении секретных специальных операций.

В Законе, в соответствии с Женевскими конвенциями, следует ясно обозначить статус личного состава сил специального назначения Российской Федерации как комбатантов. Там же надо привести в соответствие с Гаагской конвенцией порядок применения формированиями специального назначения мин, мин-ловушек и других устройств...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Из сборника документов «М.И. КУТУЗОВ». Том IV, часть 1. (Июль — октябрь 1812 г.). — М., 1954.

№ 301

1812 г., сентября 8.

Предписание М.И. Кутузова начальнику партизанского отряда генерал-майору И.С. Дорохову о разведке сил и намерений противника

Завтре, то есть 9-го числа пополудни в 4 часа имеете ваше превосходительство выступить со вверяющимся вам отрядом, состоящим из трех полков казачьих, одного гусарского, одного драгунского и полуроты конной артиллерии, к стороне Можайской дороги в направлении на село Перхушково, в 27 верстах от Москвы лежащее. Движение ваше должно быть скрытно и потому, приближаясь к Перхушкову, пошлите вперед малую партию для разведывания не только о неприятеле, но и о всем том, что по Можайской дороге происходит. Основываясь на полученных известиях, предпримите сделать нападение, стараясь наиболее истреблять парки неприятельские, буде таковые откроются, словом сказать, не упускайте из виду того, что послужить может ко вреду неприятельскому. Буде ваше превосходительство усмотрите из движений неприятельских, что оный собирается в силах противу нас, тогда немедленно направьте марш ваш к соединению с главною армиею.

№ 305

1812 г. сентября 9.

Приказание М.И. Кутузова начальнику партизанского отряда подполковнику Д.В. Давыдову о поддержании связи с отрядами Ф.Ф. Винценгероде и И.С. Дорохова

№ 1. Главная квартира при Красной Пахре.

Вследствие рапорта вашего высокоблагородия от 2 сентября за № 11, вас извещаю:

1-е, что армия расположена по Калужской дороге от Москвы в 30-ти верстах при селе Красной Пахре и, ежели обстоятельства одного востребуют, возьмет направление по дорогам в Калугу и Тулу.

2-е, генерал-лейтенант Винценгероде в рапорте своем от 6 сего месяца из дер. Пешки, в 50-ти верстах от Москвы по Большой Петербургской дороге доносит, что оттуда послан отряд майора Пренделя к Черной Грязи — (1-й почтовой станции от Москвы), равно и партии к городам Воскресенску и Волоколамску. Сего же числа генерал-майор Дорохов отправился с сильным кавалерийским отрядом к стороне Можайской дороги в направлении к селу Перхушкову в 27 верстах от Москвы, имея в предмете истребление транспортов и запасов неприятельских. Когда же им узнано будет, что неприятель начнет собираться в больших силах против главной армии, то ему предписано с оною соединиться. Я уповаю, что вы, продолжая похвальные успехи, без дальних затруднений по обстоятельствам с одним из помянутых корпусов доставите себе сношение, с коими в случае нужды можете соединиться или испросить себе подкрепление.

Коновницын

1812 г. сентября 9.

Предписание М.И. Кутузова И.С. Дорохову выделить в случае необходимости подкрепление отряду подполковника Д.В. Давыдова

№ 2. Главная квартира при Красной Пахре.

Посылаю при сем вслед за корпусом вашего превосходительства казака с повелением Ахтырского гусарского полка к подполковнику Давыдову, коего прошу вас как можно скорее и, ежели нужно будет, с прикрытием отправить. Подполковник Давыдов находился с отрядом своим, из 50 гусар и 80 казаков состоящим, 7 сентября близ большой дороги между Вязьмою и Гжати со стороны города Медыня и того же числа взял направление от села Токарева на Царево-Займище, где он успел истребить несколько неприятельских транспортов. Ему предписано в случае нужды присоединиться к корпусам под начальством вашего превосходительства или генерал-лейтенанта Винценгерода, ставшего 6 числа при дер. Пешках, в 50 верстах от Москвы по Большой Петербургской дороге, или испросить себе подкрепление, в чем ваше превосходительство, соображаясь с обстоятельствами, не оставьте ему сделать вспоможение{*3}.

№ 378

1812 г. сентября 13.

Приказание М.И. Кутузова И.С. Дорохову с инструкцией о тактике партизанских отрядов и о перенесении действий на Боровскую и Новую Калужскую дороги

№ 27

Словесное известие, вами присланное через казачьего офицера, что вы окружены неприятелем, не мало потревожило светлейшего, и потому приказал он вам объяснить предметы нижеследующие: партизан никогда в сие положение притти не может, ибо обязанность его есть столько времени на одном месте оставаться, сколько ему нужно для накормления людей и лошадей. Марши должен партизан{*4} делать скрытные, по малым дорогам{*5}. Пришедши к какому-нибудь селению, никого из оногo не выпускать, дабы не можно было дать об нем известия. Днем скрываться в лесах или низменных местах. Словом сказать, партизан должен быть решителен, быстр и неутомим.

Сикурса вам теперь никакого прислать не можно, ибо кавалерия употреблена на разных отделенных постах. Дни чрез два ожидаются сюда четыре полка тульских казаков, тогда можно будет к вам послать значущий сикурс.

Если пленные вас обременяют, то сближьтесь к нам для доставления оных.

Равномерно желает светлейший князь иметь всякое известие письменно, а не словесно.

Вашему превосходительству не нужно все быть в направлении к Можайской дороге, вы можете и отойти по Боровской или Новой Калужской дороге, где французские мародеры разбивают наши деревни малыми партиями, как то в дер. Столбове, селе Рудневе и Белорусове. Посланные отсель партии человек до 300 уже привели таковых пленных.

№ 394

1812 г. сентября 15.

Приказание М.И. Кутузова полковнику И.М. Вадбольскому о назначении его командиром партизанского отряда для действий в районе Можайской и Рузской дорог.

№ 42. Главная квартира Красная Пахра

По приказанию его светлости назначается вашему сиятельству отряд легких войск, состоящий из 500 казаков и вверенного вам гусарского полка, с коими имеете вы отправиться на Новую Калужскую дорогу, откуда делать нападения на Можайскую и, если можно, и на Рузскую дорогу, стараясь причинять всякого рода вред неприятелю, наиболее иметь в виду сожжение парков артиллерийских, которые к нему от Можайска идут. Не нужно упоминать вам, сколь деятелен и решителен должен быть партизан, и для того, имея в виду отважное предприятие, имеете вы действовать по собственному вашему благорассмотрению. Рапорты ваши имеете посылать как можно чаще.

Генерал-адъютант Винценгероде расположен с корпусом около гор. Клины по Петербургской дороге, то старайтесь, буде возможно, иметь с ним сношение. Его светлость с особенным удовольствием поставит себе отличить как вас самих, так тех, коих представите, ибо отрядом вашим можете большой вред причинить неприятелю.

Генерал-лейтенант Коновницын

№ 425

1812 г. сентября 20.

Сообщение М.И. Кутузова П.Х. Витгенштейну об общей обстановке и решении вести малую войну

№ 94. Село Богородицкое

После оставления Москвы армия взяла первоначальное направление свое по Владимирской и Рязанской дорогам, дабы сим движением прикрыти оставивших город жителей. Отошед 25 верст, перешла она фланговыми маршами на Старую Калужскую дорогу, чем, переменив направление, прикрыла совершенно свою операционную линию, ведущую от Москвы на Калугу. В 30 верстах от Москвы находилась армия десять дней. Неприятель ничего не предпринимал важного противу нас.

Напротив того, наши партии беспрестанно его беспокоят, и в течение сего времени взяли в плен более 5000 человек.

Поелику ныне осеннее время наступает, чрез что движения большою армиею делаются совершенно затруднительными, наиболее с многочисленною артиллериею, при ней находящеюся, то и решился я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо раздельные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его, и для того, находясь ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отделяю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску.

Кроме сего вооружены ополчения Калужское, Рязанское, Владимирское и Ярославское, имеющие все свои направления к поражению неприятеля.

Фельдмаршал князь Голенищев-Кутузов

№ 441

1812 г. сентября 22.

Предписание М.И. Кутузова начальнику партизанского отряда полковнику И.М. Вадбольскому о принятии соответствующих мер в связи с отправкой партии русских военнопленных из Москвы в Смоленск

№ 79

Сейчас получено известие, что наших пленных около 3000 провожают французы из Москвы в Смоленск и должны сегодня находиться в Можайске. Конвоируются они 300 человеками, при 2-х орудиях. Как вы с вверенным вам отрядом находитесь уже на той дороге, то спешу вас о том уведомить.

№ 450

1812 г. сентября 23.

Сообщение П.П. Коновницына М.А. Милорадовичу о действиях партизанских отрядов

№ 83

Его светлость, отдавая должную справедливость успехам вашего превосходительства, приказал мне сообщить вам следующее:

1. Посланный с отрядом, довольно значущим, к стороне Можайской же дороги, Мариупольского гусарского полка полковник князь Вадбольский после истребления довольно числа мародеров и взятия курьера на Можайской дороге находится 23-го числа в городе Верее.
2. С таковою же партией отправлен по Боровской дороге к стороне Москвы гвардейский поручик Фонвизен.
3. Курьер, перехваченный нами, имел повеление остановить все транспорты, идущие со стороны Смоленска, Вязьмы и Гжатска к Москве и, сложив провиант, на тех фурах отправить раненых и больных, в селениях на большой дороге находящихся, к Вязьме и далее к Смоленску.
4. Армия расположена по Старой Калугской дороге у села Тарутина, если ж воспоследует какое движение, то вы о том будете извещены.

№ 462

1812 г. сентября 25.

Сообщение П.П. Коновницына Д.В. Давыдову об усилении его отряда и о производстве его в полковники

№ 87

Поиски ваши и поверхность в разных случаях над неприятелями по Смоленской дороге обратили к вам совершенную признательность его светлости. При сем случае уведомляю вас, что вы представлены в полковники, а прочие отличившиеся и вами в рапорте упоминаемые награждены будут.

Вслед за сим посылается на подкрепление ваше два из новоприбывших Донских полков Попова 13-го и Кутейникова.

Генерал-лейтенант Коновницын

№ 464

1812 г. сентября 25.

Сообщение П.П. Коновницына Д.В. Давыдову об отправке французами из Москвы золота и серебра{*6}

№ 89

Получено мною известие, что неприятель на сих днях отправил из Москвы 40 пуд золота и серебра, что за нужное почитаю довести до сведения вашего высокоблагородия.

Генерал-лейтенант Коновницын

№ 473

1812 г. сентября 26.

Приказание М.И. Кутузова И.С. Дорохову о подчинении ему отряда войск с задачей уничтожения укреплений противника у г. Вереи

№ 99

По повелению его светлости поручается вашему превосходительству отряд, состоящий из одного батальона 19-го егерского, двух батальонов Полоцкого и двух батальонов Вильманstrandского пехотных полков, Елисаветградского — 4-х эскадронов, Донских — Комиссарова и Иловайского 11-го, 4-х орудий легкой артиллерии при полках Вильманstrandском и Полоцком, 4-х орудий конной артиллерии N 5 с порутчиком Дублянским. Относительно же отряда князя Вадбольского, состоящего из Мариупольского и 500 казаков, предписано ему в окрестностях Боровска к вам присоединиться и состоять в команде вашей.

С сим отправляетесь, ваше превосходительство, отсель чрез Боровск к городу Верее, где неприятель, по разным известиям, укрепляется, для чего и нужно его предупредить и стараться, напад на него, разбить и разрыть все его укрепления. Окончив экспедицию на Верею, можете действовать по вашему благоусмотрению, имея более в виду пространство между Можайском и

Гжатью, ибо вправо от вас действует артиллерии капитан Фигнер между Можайском и Москвою, а влево — подполковник Давыдов между Гжатью и Смоленском.

Если ваше превосходительство не найдете нужным на дальнейшие экспедиции иметь столько пехоты с собою, тогда можете обратиться оную к армии, смотря по обстоятельствам, ибо мысль светлейшего есть, отнюдь не далее двух маршей с оною удаляться.

№ 499

1812 г. сентября 30.

Предписание М.И. Кутузова начальнику партизанского отряда гвардии капитану А.Н. Сеславиному о действиях на фланги и тылы противника и о вооружении и привлечении к партизанским действиям крестьян

№ 131

Командируетесь ваше высокоблагородие с партией, состоящею из 250 Донских казаков войскового старшины Гревцова и 1 эскадрона Сумского гусарского полка, в направлении по дороге от Боровска к Москве, причем имеете в виду действовать более на фланг и тыл неприятельской армии. Неподалеку от вас действует артиллерии капитан Фигнер с особым отрядом, с коим можете быть в ближайшем сношении.

Отобранным от неприятеля оружием вооружить крестьян, отчего ваш отряд весьма усилиться может, пленных доставлять сколько можно поспешнее, давая им прикрытие регулярных войск и употребляя к ним вдобавок мужиков, вооруженных вилами или дубинами. Мужиков ободрять подвигами, которые оказали они в других местах, наиболее в Боровском уезде.

№ 511

1812 г. ноября 10.

Рапорт М.И. Кутузова Александру I об отличившихся при взятии штурмом Вереи

При штурме верейских укреплений под командою генерал-майора Дорохова, произведенном 29 сентября, о чем его рапорт оригиналом здесь следует, особенно отличились генерал-майор Панчулидзе 2-й, который, командуя всеми резервами, оказал благоразумие при занятии назначенных мест по данной диспозиции и, ведя в город часть, подавал подчиненным собою пример мужества и храбрости; по армии майор граф Сологуб, который с порученным ему казачьим полком Иловайского 11-го, сделав марш более 40 верст, занял въезд города с Можайской стороны и истребил знатную часть неприятеля оборонявшегося; и кавалергардского полку поручик Орлов, который, исправляя при отряде должность квартирмейстерского офицера, с отличною деятельностью и искусством в день штурма употребляем был во все опаснейшие места и способствовал успеху дела...

О прочих чиновниках, при сем случае отличившихся и мною по высочайше данной мне власти награжденным, подношу список на высочайшее утверждение вашего императорского величества.

Фельдмаршал князь Голенищев-Кутузов

Резолюция Александра I: «Исполнить».

1812 г. октября 1.

Рапорт М.И. Кутузова Александру I об успешных действиях партизанских отрядов на коммуникациях противника и о награждении их начальников

№ 14

Вашему императорскому величеству известно, что армия не делает никакого важного движения и что посылают партии для отрезания неприятелю всякого сообщения. Множество пленных и час от часу ослабевающие силы неприятеля суть неоспоримые доказательства, сколь великую пользу таковые отряды производят.

Ахтырского гусарского полка подполковник Давыдов, гвардейской артиллерии капитан Сеславин и артиллерии капитан Фигнер наиболее отличились своею предприимчивостью и успехами, с коими они производили в действие вверенные им поручения. Почему осмеливаюсь всеподданнейше представить вашему императорскому величеству, не благоугодно ли будет подполковника Давыдова и гвардии капитана Сеславина произвестъ в полковники с тем, чтобы последнего, который уже к повышению чина был представлен генералом от инфантерии Барклаем-де-Толли, перевести в армию и назначить полковым командиром Сумского гусарского полка, а артиллерии капитана Фигнера произвестъ в подполковники.

Фельдмаршал князь Голенищев-Кутузов

Резолюция Александра I: «Исполнить».

№ 513

1812 г. октября 1.

Рапорт М.И. Кутузова Александру I об увеличении числа партизанских отрядов и о действиях корпуса генерала В.Ф. Шепелева под Брянском

№ 16

Деревня Леташевка

Доношу вашему императорскому величеству, что Донские полки, бывшие в ожидании с Дона, стали ныне прибывать к армии. Теперь оных пришли уже 5, и сегодня ожидается еще 3, таким образом, что к 4 октября будет здесь новых Донских 24 полка. Таковое знатное усиление нерегулярными войсками дает повод к тому, чтобы неприятелю умножить оными беспокойство и вред. До сих пор находятся уже несколько партизанов в действии, и вчера артиллерии капитан Фигнер, отличнейший своею предприимчивостию, был между неприятельским аванпрдом и главною армиею, тревожа их, и взял пленных. С прибытием же Донских полков намерен я составить 10 таковых отрядов, поручив оные отличнейшим армейским штаб-офицерам и донским полковникам.

Между тем командуящий Калужским ополчением генерал-лейтенант Шепелев сделал по предписанию моему отряд из тамошнего ополчения с присовокуплением к оному регулярных войск, шести орудий и части казаков к Брянску, всего до 5000 человек. Он, очистив Рославль,

будет производить поиски на Ельню и не оставит Брянска без надежнейшего всегдашнего прикрытия, а посему и не опасаясь я много для Брянска «посполитого рушения», которое, как я слышу, в Могилевской губернии под предводительством некоего Голынского будто бы тысячах в 30 собирается для действий на Млин и Брянск, тем более, что по собранию сюда Донских полков войсковой атаман сам тысячью с четырьмя к той же стороне для действия отряжается.

Фельдмаршал князь Голенищев-Кутузов

Из книги Н.Н. Сухотина «Рейды, набеги, наезды, поиски конницы в Американской войне 1861–1863 гг.» Второе издание, С-Пб., 1887 г.

В 1875 году на соискание звания адъюнкт-профессора по военному искусству в академии Генерального штаба мною было представлено исследование о рейдах конницы во время Американской войны 1861–1865 г.г. [III].

Хотя в 1875 году уже истек 10-летний юбилей окончания войны и 14-летие ее начала, тем не менее европейская военная литература не представила никаких пособий по предмету, подлежащему исследованию. Случилось нечто странное: столь чуткая ко всему полезному и выгодному эта литература как бы пренебрегла грандиозным военным опытом заатлантической войны вообще и, в особенности, ее опытом относительно конницы.

Не напрасно ли мы возимся в гряде донесений, реляций, приказаний, сообщений, собранных в многотомном американском сборнике Rebellion-Record? Но была одна мысль, которая поддерживала нас в убеждении о небесполезности работы и в практическом отношении, и эта мысль заключалась в том, что исследуемый вид деятельности конницы сродствен нашей коннице, что американский рейд есть детище по времени и собрат по сути с многовековой работою казаков, с русскими «залетами», наездами, набегами, поисками Давыдова, Сеславина, Фигнера и других героев 1812 года.

Нам все становилась яснее причина пренебрежения американского боевого опыта конницы европейской военной литературой: он для нее действительно оказывался недоступным, и последние сто лет войн только подтверждали эту недоступность, а только что закончившийся тогда 10-летний период боевой работы ставшей во главе военного дела всюду победоносной германской армии даже и не намекал на возможность воспроизведения чего-либо подобного американскому рейду.

На публичной защите моего исследования высокоуважаемый Мафусаил русской военной науки кн. Голицын образно и доказательно формулировал и то, что опыт американской конницы есть плоть от плоти опыта нашей конницы и то, что американский рейд только нам и по плечу [IV]. Оставалось ожидать, как отнесется практика, как отнесется масса. Но тут случилось то, что превзошло все ожидания.

Благодаря отзывчивости руководящих сфер по всему полезному для нашей конницы, в следующем же 1867 году впервые на европейском континенте на грандиозных маневрах конницы в Варшавском военном округе был произведен опыт применения рейда, и отряд полковника Рубашевского в 600 коней, счастливо прорвавшись сквозь сторожевые посты и отряды, «пробежал» за 44 часа 160 верст и «залетел» далеко в тыл войск, прикрывавших линию Вислы и Варшавско-Брестскую дорогу. На том же маневре было произведено испытание нападения на мобилизующиеся части целою серией конных отрядов. Насколько маневр доставлял возможность, опыт был признан высоким руководителем его, генерал-инспектором нашей конницы, в высоком военном обществе, в нашей и европейской военной литературе весьма удавшимся.

Открылась война, — и рейд был воспроизведен с первого дня ее лихим налетом отряда генерала Струкова к Барбошскому мосту. Затем последовала работа передового отряда генерала Гурко, подвиг лейб-драгун Бурого, работа отряда генерала Струкова по сдаче армии Весель-паши под Шипкою, этой целой серией рейдов уже боевым опытом закрепились за русской конницей и способность, и охота вернуться к традиционному способу действий обращающему этот род оружия в могущественное стратегическое орудие в руках главнокомандующего [V]. С наступлением мира и за прошедшее 10-летие мысль о рейде настолько популяризовалась, что упражнения в нем стали обычною частью всяких маневров, а подготовка к нему в форме пробегов больших расстояний и преодоления преград стала одним из любимых видов спорта в нашей коннице.

Конечно, не сама новизна предмета исследования, тем менее достоинства самого исследования, так быстро и успешно водворили рейд в нашей коннице: и традиции сохраняли в скрытом виде издавна существовавшую в нашей коннице любовь и уважение к этому роду боевой деятельности; и действительно заколдованный круг, в коем очутилась конница, под влиянием широко шагнувшей техники военного дела, ставшая родом оружия о бытии или не бытии которого велась уже горячая полемика; и тот факт, что в течение 50–60 лет ее значение в войне приводилось почти к нулю; и то обидное для всякого уважающего себя военного положение быть в боях просто зрительницей гибели своих товарищей в пехоте; и тот грустный факт, что, наконец, она признавалась только полезным служебным органом, единственно еще способным только к отправлению разного рода служб — разведывательной, сторожевой, конвойной и т.п. Все это вместе, естественно, должно было создавать крайне благоприятные условия среди самой конницы *для восприятия идеи, обещающей ей широкую работу и возвращающей ее в лоно боевых родов оружия*. И рейд упал, таким образом, на подготовленную почву [VI].

Такой путь все более и более удаляет нас от насильственно пересаженного...на нашу почву немцами, и мы все более и более приближаемся к идеалу великого организатора наших вооруженных сил, так чутко понимавшего, что из опыта Запада подходит к нашим национальным свойствам и что нам несвойственно.

Так, на первом месте следует поставить весьма важную меру — это последовавшее **увеличение нашей конницы**; мероприятие, совершенно идущее в разрез с происходящим на Западе, где, как например в ныне задающей тон германской армии, при увеличении ее за последние 20 лет на 16%, конница остается все в том же числе. **Усиление состава полков и удержание конных дивизий**, а не разброска конницы в виде дивизионной конницы. **Обращение всей конницы в драгунскую** по вооружению и подготовке ее, поистине, после увеличения ее, капитальнейшая реформа... Так, мы возвратились к Петровскому детищу, к заветам Румянцева и Потемкина, к нашему естественному образу казачьей конницы [VII]. **Существующие наставления последнего времени**...Коннице указана также подготовка к рейдам для погрома тыла и сообщений противника [VIII].

В рощах, лесах, в лощинах, за высотами, укрываясь стоять или передвигаться коннице, зорко наблюдать за происходящим **и выискивать себе добычу**, а не наоборот — не пассивно ожидать благоприятных моментов для стройных атак-шоков или безнадежно отыскивать равнины, луга и поля для своих стройных эволюций тонкими и длинными линиями — вот к чему должна готовить себя наша конница [X]. Наши коневые средства и наши средства населения в смысле комплектования позволяют из конницы иметь буквально *конную армию, такую же совершенно оригинальную, только России свойственную силу*, каковою у англичан является их флот, в Швейцарии — ее стрелки; не десятками тысяч коней может и должна считаться наша конница, а сотнями тысяч [XIII].

Необходимым дополнением в организации конных корпусов является **организация команд разведчиков, которые должны составить принадлежность штабов и начальников отрядов**. В этом отношении опыт американской войны дает ценные указания. Как известно, обе

стороны широко пользовались скаутами — специалистами-разведчиками. Команды в известном числе скаутов составляли принадлежность начальников частей (начиная от командира полка и выше) и начальников отрядов. Пополнение этих команд производилось из числа охотников, из числа особенно проявивших дарование в этом трудном деле [XIV].

Наш опыт в прошлой войне опять указывает на то, что разведчик есть и должен быть органом начальника и что разведчиком не может быть всякий зауряд. **И так всегда: разведки — дело и работа единиц и одиночных людей.** В чем же тогда, спросят, заключается **стратегическая деятельность конницы по разведыванию**, чуть ли не единственная работа, еще предоставляемая коннице сводящими ее существование на нет. Да вся ее роль в этом деле сводится на то, чтобы силою проложить путь разведчикам, силою добыть пленных, силою захватить те пункты, где можно добыть сведения, иной раз, силою удостовериться в имеющихся уже сведениях. Заметим, однако, что есть и иные более целесообразные пути для добывания сведений (шпионы, иностранная печать с ее сонмом корреспондентов).

По опыту германо-французской войны и деятельности скаутов, скажем, что роль конницы, *en masse*, как рода оружия в целом, в этом отношении более чем условна и потому напрасно иной раз разделяются сетования за недостатку конницею сведений: в этих случаях причину последнего нужно видеть либо в отсутствии подготовленных разведчиков, либо в неумении начальника организовать разведку, либо в дурной организации сбора сведений.

Из книги Ф.К. Гершельмана{*7} «Партизанская война» С.-ПЕТЕРБУРГ, 1885.

О партизанских действиях кавалерии: ...причину этому надобно искать не в том, что этот вид боевой службы кавалерии есть нечто новое, но скорее в том, что он приобретает в наше время лишь большее *относительное* значение [2].

Мы, в свою очередь, отвергаем и самую возможность какой бы то ни было системы партизанских действий, потому, во-первых, что та или другая форма партизанских действий, характер партизанской войны вполне будет зависеть в каждом случае от той обстановки, в которой ведется война, а стало быть тут общей системы и быть не может. Нам кажется, что системы Давыдова и князя Голицына отвечают лишь частному случаю, может быть, одной известной обстановке, но далеко не всем, и ближе всего отвечают обстановке Отечественной войны, которая и послужила главным основанием для исследований.

Во-вторых, вообще говоря, партизанские действия, как всякие действия в тылу противника, слишком чувствительны к влиянию ближайшей окружающей их обстановки. В силу всего этого нам кажется невозможным установить раз навсегда для партизанских действий какую-либо систему действий [4].

Партизанская война имеет главной целью: парализовать все жизненные отправления неприятельской армии, т.е. лишить ее средств для продолжения военных действий, истребляя самый источник жизни и силы неприятельской армии [13].

Малая война имеет с главными операциями только тактическую связь, тогда как партизанские действия имеют с главными операциями армии связь стратегическую. Партизанские действия имеют чисто стратегическое значение [16].

Народная война составляет средство вполне самостоятельное, совсем отдельное от партизанской войны [17]. Два эти средства могут существовать рядом, могут находиться в связи одно с другим, — тем не менее, они никогда не сливаются, и каждое из них, все-таки, всегда останется вполне самостоятельным, не похожим на другое.

Часть I.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ПАРТИЗАНСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Глава 1.
Период Тридцатилетней войны

Начало существования партизанской войны. Считают первыми партизанами: Георг — маркграф Баденский (20 тыс); Иоанн — герцог Бранденбургский; Христиан — герцог Брауншвейгский (20 тыс); Эрнест — граф Мансфельд.

Армии того времени переносились с места на место, не имея за собою ни магазинов, ни подвозов, короче, не имея вовсе тыла и не думая о завтрашнем дне; действия их, при отсутствии основания действий, носили характер набегов без всякой связи и единства и сопровождались полным опустошением края, бесчеловечным разорением жителей.

Весьма понятно, что при таких условиях не было главной цели для партизанской войны — парализования жизненных отправлений армии, да и вообще партизанские покушения на тыл противника не имели бы значения, а стало быть они не могли иметь и места.

В Верхнем Пфальце Мансфельд набирает 20-тысячную армию, грабежи и разбой которой заставляют трепетать богатые духовные княжества В.Пфальца.

Перейдя на правый берег Рейна, Мансфельду удастся напасть из засады при Вислохе на войска Тилли, разбить и заставить его отступить на соединение с испанскими войсками [19].

Партизанских же действий в том смысле, как мы их понимаем, действия Мансфельда положительно не представляют. Всматриваясь в сам способ действий отрядов Мансфельда, мы видим, что они вступают в открытый бой с главными силами противника, занимаются весьма продолжительное время осадами городов и укрепленных пунктов, а также обороною их [22].

Эпоха Тридцатилетней войны предоставляет нам часто примеры малой войны (действия Валенштейна и Густава-Адольфа в окрестностях Нюрнберга), примеры действий на сообщения противника с целью отрезать его от какого-либо важного политического пункта, отрезать путь отступления (действия Буку под Прагой в 1620 году; Валенштайна против короля датского; движение Мансфельда к переправе у Дессау), но то было маневрирование целых армий [24] или крупных отрядов на сообщения противника, а не партизанские действия.

Может быть отряды эти напоминают партизанов по свободе в действиях, по характеру действий, но не по цели, не по идее, которой, можно сказать, и быть не могло, по обстановке военных действий их противников; отряды эти не заслуживают названия партизанских отрядов; их можно назвать вольными отрядами, но отнюдь не партизанскими.

Вот почему нельзя считать эпоху Тридцатилетней войны за первый период развития партизанской войны [25].

Глава 2.
Войны конца XVII и начала XVIII столетий

Лувуа, министр Людовика XIV, первым разрешил этот вопрос, в смысле исключительного довольствия армии из магазинов [26].

...На театре войны в России мы встречаем человека, гений которого не только сознал идею партизанской войны и то громадное значение, которое она может иметь, но который сумел более успешно и применить ее, чем то было на Западе. Мы говорим о Петре I.

Северная война представляет со стороны русских широкое развитие стратегической деятельности кавалерии вообще, а вместе с тем, как частный случай ее, дает и примеры чисто партизанских действий нашей кавалерии. Не трудно убедиться в этом, проследив поход 1708 г. [30].

Первоначальный план действий Петра состоял, как известно, в том, чтобы при наступлении Карла XII уклоняться от боя в пределах Польши и отступать к своим границам, опустошая край с целью лишить шведов средств к продовольствию, а в то же время тревожить их легкими отрядами. Эта идея изнурения противника постоянными нападениями легких отрядов, лишением средств продовольствия, всяческое затруднение продвижения армии вполне отвечала требованиям обстановки, была как нельзя лучше выполнена и проведена сквозь всю кампанию этого года. В исполнении ее мы и наталкиваемся на партизанские действия.

Удостоверясь в новом направлении противника (на Украину) и поручив фельдмаршалу Шереметьеву параллельное преследование его, а генералу Бауэру с драгунами /8 драгунских полков/ — преследование с тыла...[31].

Отряды эти /Ифланда и Фастмана/ получают уже прямое назначение действия на сообщения противника, причем они удаляются от своих войск на несколько переходов, бросают временно всякую связь с армией и действуют по собственному внушению, действуют вполне самостоятельно. Действия эти уже вполне проявляют партизанскую войну.

...прибегая к партизанским действиям, Петр Великий не останавливается на мелких целях, а напротив того, ставит своей кавалерии крупные задачи и для того бросает, когда нужно, в тыл противника отряды в несколько тысяч коней, действия которых зато и приводят к решительным результатам, в чем уже проявляется прямо стратегическое значение партизанской войны.

Не менее внимания заслуживает и другое обстоятельство, — это та связь, та гармония, которая постоянно существует между партизанскими действиями русской кавалерии с главными операциями армии [33].

Наконец, тот факт, что Петр вполне сознавал значение партизанских действий и мало того, что он в этом случае имел широкий взгляд, признавал всю важность стратегического значения их, вполне подтверждается учреждением им впоследствии так называемых «корволантов», т.е. легких корпусов, предназначенных для крупных партизанских операций.

Хотя ведение малой войны, а стало быть и партизанских действий (закрывающих в себе все операции малой войны) и составляло в то время сильную сторону русских войск, но тем не менее и тут сказывается недостаточность тактической подготовки молодой армии Петра Великого.

Резюмируя все изложенное, надо сказать, что отсутствие основания действий в шведской армии не позволяло еще партизанским действиям русской кавалерии получить, так сказать, всестороннее развитие; та же причина, с одной стороны, и малая степень тактического образования русской кавалерии — с другой, были причинами недостаточной решительности результатов партизанских действий русской кавалерии в Северную войну. Тем не менее, в эту войну по инициативе Петра Великого партизанские действия имели место, самостоятельное и целесообразное применение, и русской армии принадлежит честь первого приложения их, первого применения идеи партизанских действий в соответственной форме [36].

Глава III. **Войны эпохи Фридриха Великого**

/В 1740 Фридрих вторгнулся в Силезию/, к концу 1741 угрожал Вене. Мария Терезия успела поднять на защиту трона буйных венгров. И вот на театре войны появляется легкая венгерская кавалерия. В открывшейся борьбе более других прославились как отважные партизаны Менцель, Морац, Тренк, Франкини и Надасди Лаудон. [38]. Общий характер действий этих отрядов выразился в том, что легкие отряды эти окружали армию противника, прерывали всякое сообщение ее с базой, до крайности затрудняли подвозы всего необходимого, производство фуражировок, собиравшие сведения о противнике, наконец, постоянными нападениями на войска противника, постоянными тревогами изнуряя их [39].

Положение прусской армии лучше всего обрисовывается в следующих словах самого Фридриха: «Чтобы не подвергать войска во время производства ими фуражировок поражению по частям, приходилось прикрывать фуражиров отрядами в 3000 коней и от 7000 до 8000 пехоты. Всякий пук соломы стоил крови. Морац, Тренк, Надасди, Франкини были неутомимы и, можно сказать, дали первые уроки малой войны» [42].

/В 1745/ Во время Соорского сражения, когда прусская армия готовилась уже праздновать победу, австрийские партизаны устремились со всех сторон на лагерь победоносной армии, захватили часть обоза, имущество самого короля; в число пленных попались секретари Фридриха [43].

Успешные действия партизанов противника заставляют Фридриха принять ряд мер для формирования легких войск первоначально, чтобы прикрыться ими от неприятельских партизанских отрядов; (первые примеры противопартизанской борьбы!) впоследствии же эти легкие войска начинают проявлять самостоятельность как партизанские отряды. Войска эти были организованы в отдельные батальоны и получили назначение прикрывать армию на походе, (последовательное уменьшение численности партизанских отрядов привело к необходимости специальной тактики: нападение не с целью разгрома и овладения, а разгрома и отхода) освещать местность, прикрывать развертывание войск в боевой порядок, занятием передовых пунктов позиций и т.п. Кроме этих батальонов, Фридрих сформировал в тех же видах гусарские полки по образу австрийских [43].

Пример более крупных партизанских действий в эту кампанию представляет набег Гаддика на Берлин./в 1757 г 16 октября с отрядом в 1500 коней и 2000 чел. пехоты занял столицу/

Во второй половине июня 1758 г. при осаде Фридрихом Ольмюц. Транспорт (4000 повозок с провиантом, снарядами и казной) с прикрытием 12 батальонов и 1100 чел. конницы из Тропау. Разбит Лаудоном в бою: 28.6 и 30.6 Лаудон занял высоты, командующие теснились. Кроаты и венгры заняли лес, через который пролегла дорога, кавалерия расположилась на равнине, приготовилась атаковать транспорт с двух сторон [49].

В кампанию 1759 г., по крайней мере в начале кампании, главные операции Фридриха сами по себе носят характер партизанских набегов... на магазины союзных армий, дабы оттянуть время открытия кампании и тем сократить весь период военных действий этого года (в связи с громадным превосходством противника в численности).

Первый удар был нанесен магазинам русской армии. В феврале Фридрих высылает отряд Ванерснова из 3500 чел. пехоты, 1500 конницы при 12 орудиях. Трехмесячная порция запасов на 50-тысячную армию была уничтожена, после чего отряд благополучно вернулся.

...Задача партизанских [51] действий в эпоху Фридриха, как видно, в общем сводится к тому, чтобы наводнить тыл противника легкими партизанскими отрядами, порвать всякую связь его с базой и,

тем самым, лишить его средств для продолжения борьбы или, по крайней мере, для дальнейшего развития предпринятой операции.

...те цели действий на сообщения, которые соответственны легкому партизанскому отряду, в предшествующую Фридриху эпоху ставили себе целые армии или значительные отряды из всех трех родов оружия, отряды тяжелые, неподвижные, совершенно неспособные к выполнению поставленной задачи [56–57].

В эпоху Фридриха задача действий на сообщения противника возлагается на партизанские отряды, составленные преимущественно из кавалерии, т.е. стало быть, прежде всего, отряды легкие, подвижные, независимые от своего тыла.

Итак, стало быть, первая причина решительного характера действий вообще на сообщения неприятельской армии в эпоху Фридриха, сравнительно с предшествующей эпохой, состоит в том, что в эту последнюю эпоху хотя и сознавали всю возможность действий на сообщения противника, но еще не натолкнулись, так сказать, на форму производства этого рода операций, (ввиду малой численности отряда Давыдов был вынужден приспособить свою тактику к своим реальным возможностям)

Между тем в Силезские войны, подобно тому, как в Северную войну, действия на сообщения противника выливаются в форму партизанской войны в том смысле, что они возлагаются на легкие подвижные отряды, самостоятельно развивающие известные операции в тылу армии противника, не будучи в то же время связаны заботами о своем собственном тыле и о своих сообщениях [57].

...партизанским отрядам эпохи Фридриха ставятся решительные цели. Здесь не ограничиваются уже отбитием одного, другого транспорта, а, наводняя тыл противника партизанскими отрядами, ставят себе целью не более, не менее как порвать всякое сообщение противника с базой и тем лишить его всякой возможности продолжать свои наступательные операции, и достижение этой цели как нельзя более удастся: целые армии, предводимые такими талантливыми полководцами как Фридрих, останавливаются, отказываются от своих наступательных операций, обращаются к отступлению, словом, самые лучшие планы рушатся в минуту их осуществления от одного, другого меткого партизанского удара [58].

Глава VII.

Общее заключение о стратегическом значении партизанской войны

В 30-летнюю войну, когда армии бродили по театру военных действий без всякого предвзятого общего плана действий, жили исключительно грабежом и в случае неудачи быстро переносились в другие области, не имея за собою вовсе тыла, тогда и партизанская война не имела смысла, не имела приложения.

Таково было положение дел в половине XVII столетия.

С тех пор, как огнестрельное оружие сделалось мало помалу общим и главным видом оружия, с тех пор, когда увеличивается при армии количество артиллерии, обозов, когда сами армии начинают расти в численном составе, с тех пор, наконец, когда армии переходят от грабежа к магазинному способу довольствия, когда, таким образом, явилась совершенно новая, чуждая в прежние времена потребность подвоза к армии огнестрельных запасов, а потом и продовольствия с тыла, с пунктов, служивших главными складочными местами, с тех пор [185] возникает тыл армии, возникает необходимость постоянных и обеспеченных сообщений с тылом (*направления: вооружение, снабжение, управление, коммуникации*)

Со времени же возникновения тыла армии получает значение и партизанская война. И, действительно, важность действий на сообщения противника была тотчас же осознана, и идея партизанской войны, в смысле вообще действий на сообщения в той или иной форме, установилась тотчас же, как только на театре войны появились армии, имевшие тыловые учреждения, дорожившие своим тылом; но мы видим также, что не сразу натолкнулись на соответствующую этой задаче форму действий; вместо того, чтобы возложить дело на легкие подвижные отряды, задачу действий на сообщения ставят крупным отрядам из всех трех родов оружия, которым она оказывается не по силам. Только в начале следующего XVIII столетия гений Петра Великого, оценив всю важность действия на сообщения неприятельской армии, сумел сразу применить к новой задаче, разрешив ее уже в виде **партизанских действий**, т.е. действий на сообщения противника легкими отрядами кавалерии.

Но обстановка Северной войны мало благоприятствовала развитию партизанских действий. Карл XII при своих дальних вторжениях не имел за собою основания действий, не заботился об устройстве базиса и сообщений, а довольствовал армию средствами края, при отсутствии же таковых вез все необходимое с собою.

Армия Карла XII хотя не имела за собою тыла в смысле **постоянных** сообщений с базой, которой не было, тем не менее, тем не менее, шведская армия имела тыл; не говоря уже про то, что по временам к ней подходили транспорты (транспорт Левенгаупта), но, кроме того, шведская армия должна была дорожить ими в видах политических: так например, в походе 1708 года сообщения Карла с Украиной были важны по сообщениям политическим, и перехват этого пути партизанским отрядом Ифланда был важен не только в смысле перехвата пути следования шведской армии, что замедляло и затрудняло движение шведов, но был важен в политическом отношении, как о том сказано выше (захват Новгород-Северского и Стародуба) [186].

Наконец, эпоха Фридриха застаёт магазинную систему довольствования армий, а с нею вместе знаменитую «пятипереходную» систему действий уже в полном развитии. Обстановка — вполне благоприятствующая для партизанских действий, и оставалось только приложить их, дать первый пример. Этот толчок делу был дан в первую же кампанию славного фридриховского периода, а именно в Силезские войны, австрийцами, которые первые в Западной Европе натолкнулись на правильное решение важного в то время вопроса о действиях на сообщения неприятельской армии, возложив задачу на легкие, самостоятельные отряды кавалерии, которые, наводнив тыл неприятельской армии, порывают всякую связь последней с ее естественным основанием [187].

Таким образом, давно уже зародившаяся в Европе идея действий на сообщения впервые выливается в соответственной делу форме — в форме партизанской войны. Возникшая таким путем партизанская война сразу же обрисовывается в Силезские войны во всем ее могучем значении; партизаны ставят армию противника в безвыходное положение, заставляют отказаться от лучших предприятий, уступить инициативу противнику, перейти к обороне, обратиться к отступлению... Стратегическое значение ее выразилось в ту пору прежде всего: в лишении противника средств для продолжения военных действий, а как следствие этого — в крайне сковывающем влиянии на наступательные операции противника.

В эпоху Наполеона, если с переходом к реквизиционному способу довольствия армии на ТВД значение партизанских войн, с одной стороны, несколько уменьшилось в том смысле, что партизанские набеги в тыл не могли уже в большинстве случаев окончательно затруднить вопрос продовольствия армии и тем окончательно затормозить ход военных операций, как то могло быть при магазинной системе довольствия, все же партизанская война не только не утратила своего значения, но, напротив того, в общем значение ее скорее увеличилось, чем уменьшилось под влиянием прочих новых условий обстановки военных действий, созданных утвердившеюся реквизиционной системой довольствия армий — большей длины операционных линий армии, большей численности армий, разброски армий на театре действий и проч.

Война в Америке ярко осветила влияние новых факторов войн нашего времени на значение партизанских действий. Война эта свидетельствует, что новая обстановка военных действий еще больше способствует успеху партизанской войны и что если последняя ведена широко и умело, то результаты ее чрезвычайно серьезны [188].

История партизанской войны не представляет никакой последовательности в деле ее развития. Партизанская война, в смысле известного средства борьбы с противником, не вырабатывается постепенно, так сказать, не совершенствуется, а является от времени до времени в истории войн как бы случайно. не смотря на блистательный результат партизанских действий, их как — будто забывают даже в тех армиях, которые ими пользовались сами, и только после большого промежутка времени, после нескольких войн, опять обращаются к этому средству...

Испытав партизанские действия в эпоху Северной войны и оценив своим широким взглядом все значение их, Петр учреждает корволанты, организация которых вполне соответствует идее широкого развития партизанских действий; но, к сожалению, великому полководцу не суждено было после Северной войны осуществить свои гениальные мысли, а русские генералы, унаследовавшие армию от великого ее организатора и вождя, забыли его пример. Они не сумели вникнуть в смысл его богатой идеи и оценить ее значение.

В Семилетнюю войну партизанские действия русских войск относительно слабы и мелки.

Затем партизанские действия встречаем в кампании 1807 года, но и тут они, будучи также мелки, представляют собой что-то совершенно побочное, второстепенное. Только Отечественной войне удалось вновь выдвинуть партизанов, но тут-то именно партизанская война и возникает совершенно случайно [189] и кажется в глазах современников чем-то новым, необычным. (*«забывчивость — результат отсутствия наставлений и руководств»*)

Таким образом, проявление партизанской войны представляется периодичным. Первое заметное проявление партизанских действий мы встречаем в Северную войну, которую на этом основании и признаем первым периодом партизанской войны. Следующий затем пример партизанских действий нам представляет эпоха Фридриха, которую и можно считать второю эпохою партизанских действий. Более полное развитие партизанских действий мы встречаем только в Отечественную войну и в последней кампании против Наполеона, представляющие дальнейшее развитие партизанской войны, предпринятой в России, а потому период войн 1812, 1813 и 1814 годов мы признаем третьею эпохой партизанов. Наконец, после долгого перерыва и отсутствия партизанских действий в последних войнах, партизаны появляются вновь в Американскую войну, которая сама по себе составляет, таким образом, четвертую эпоху партизанской войны.

Всматриваясь в приведенный исторический очерк партизанской войны, надо убедиться, что идея партизанской войны состоит в *действиях на сообщения неприятельской армии с целью лишить противника средств для борьбы, парализации всех жизненных отправлений неприятельской армии.*

Не трудно заметить при этом, что эта общая идея, общая задача партизанских действий оставалась неизменною во все времена: с тех пор, как армия имеет тыл, партизанская война не зависела от обстановки военных действий, т.е. от известного состояния военного искусства в каждую эпоху.

Выше указанные четыре эпохи партизанской войны относятся к трем различным периодам военного искусства:

- русские партизаны на театре Северной войны действуют против армии Карла, не имевшего за собою базы, магазинов;

- партизанская война эпохи Фридриха соответствует эпохе магазинной системы;
- в период Наполеона существует реквизиционная система довольствия;
- в Американскую войну условия еще видоизменяются влиянием железных дорог.

Влияние обстановки военных действий в смысле состояния военного искусства в каждую данную эпоху на партизанскую войну выразилось [190]. не в изменении ее основной задачи, а в том лишь, что эта последняя могла быть более или менее цельно выполнена, партизанская война могла получить большее или меньшее приложение, могла достигнуть больших или меньших результатов.

Выполнением указанной общей задачи партизанская война достигает следующих результатов:

1. Результаты материальные, выражающиеся в том материальном ущербе, который наносит партизанская война противнику.

2. Результаты нравственные, выражающиеся в том, что нанося более или менее сильный удар моральному состоянию армии противника, истомив, измучив ее постоянными опасениями за тыл, партизаны надламывают нравственное состояние армии, посеяют в армии противника, а также в местном населении невольный² страх, при случае легко переходящий в панику.

3. Результаты политического свойства, которые выражаются в том или другом нравственном влиянии, давлении партизанов на население края, в чем проявляется уже чисто политическое значение партизанской войны:

- захват Стародуба и Новгород-Северского в Северную войну;
- действия партизанов австрийской армии в кампанию 1757 года, брошенных в Силезию с целью возбудить умы против Фридриха;
- действия партизанов на южной Эльбе в 1813 году и знаменитый набег Чернышева на Кассель, имевший последствием разрушение Королевства Вестфальского;
- в Американскую войну: набеги Моргана, обнародование акта об освобождении негров Стонеманом [191].

1. Результаты чисто стратегические, которые обрисовывают собою и стратегическое значение партизанских действий.

1) Лишение армии противника всех необходимых ей для жизни и боя запасов уничтожением последних, затруднением фуражировок и нарушением правильных подвозов к армии, а также несвоевременность прибытия к ней подкреплений.

2) Замедление, а иногда и окончательная приостановка развития операций армии противника:

- действия Ифланда замедляют движение шведской армии в Украину;
- вынужденное отступление Фридриха в Силезию;
- набег генерала Гаддика на Берлин (отрядом в 5100 занял Берлин) заставляет Фридриха приостановить операцию против армии Субиза;

— в начале 1813 года партизанские действия русских не позволяют французам удержаться ни на одной из позиций и заставляют отступить за Эльбу;

— все примеры в Американской войне.

3) Отвлечение части сил неприятельской армии и притом сравнительно больших сил, чем те, которые употреблены для партизанских действий, от решительных пунктов на стратегическом фронте ее и ослабление последнего, что приводит к возможности сосредоточить на решительном пункте театра войны в решительную минуту:

— в кампанию 1758 года при осаде Ольмюце Фридрих оставляет на траутенауской дороге 22 батальона и 44 эскадрона;

— в 1813 г. Наполеон держит на нижней Эльбе 30000 войск против партизанских отрядов

— в Американскую войну партизанские набеги кавалерии южан постоянно отвлекают значительную часть армии противника в тыл (Буель должен был из 40000 армии 20000 отдать для обеспечения тыла; из 120000–150000 армии Гранта и Розенкранца — от 60000 до 80000 отданы для обеспечения тыла) [192].

4) Необходимость для наступающего под влиянием партизанских действий противника отказаться от предпринятых операций, от предполагаемого плана действий, обращаться временно к обороне (Действия Брега против Буеля).

5) Нарушение связи между отдельными частями неприятельской армии.

6) Поддержка связи между отдельными частями своей армии.

7) Отвлечение внимания противника от решительных пунктов, т.е. результаты демонстраций (набеги Шеридана, сопровождавшие переправу федеральной армии на южный берег Джемса).

8) Отвлечение кавалерии противника от тыла собственной армии, т.е. противодействие набегам противника.

9) Партизанские действия затрудняют возможность пользования железными дорогами как коммуникационными линиями, заставляя иногда вовсе отказаться от них.

10) Партизанские действия дают возможность наносить противнику вред, пользуясь в то же время полным отдыхом войск армии во время перерыва главных операций:

— партизанские действия в период расположения русской армии на тарутинской позиции

11) Доставка своей армии обильных и самых точных сведений о противнике, а также о местности:

— известие Сеславина о выступлении Наполеона из Москвы [193].

12) Лишение армии противника возможности производить дальние рекогносцировки и собирать необходимые сведения о неприятельской армии.

13) Доставка собственной армии необходимых продовольственных средств и боевых запасов.

14) Партизанские действия истощают противника, заставляют значительно усиливать наряд войск в разных случаях.

15) Вооруженное восстание жителей в тылу армии противника:

— народная война в 1812 году;

— формирование народных ополчений на нижней Эльбе в 1813 г.

16) При действиях в своей стране, партизанские действия служат средством для поддержания порядка в тылу армии противника и пресечения грабежа.

...партизанской войне принадлежит [194] чисто стратегическое значение. Партизанская война есть орудие стратегии и представляется одним из самостоятельных и притом могущественных средств стратегии для борьбы с противником.

Тактическое значение партизанских действий мы усматриваем в том случае, если партизанский отряд достаточной силы, т.е. отряд, действовавший в тылу армии противника, подойдет к ней с тыла в минуту боя, т.е. в то время, когда она с фронта занята боем [195].

Не все армии могут в одинаковой степени пользоваться партизанскою войною по недостатку коневых средств и не вполне соответствующему для того составу кавалерии. **Вот это-то обстоятельство нам и кажется главною причиною тех громких голосов, которыми заговорили в Европе против партизанской войны по склонности человеческой природы — браковать то средство, которым мы не умеем или не можем пользоваться.**

Некоторые объясняют отсутствие партизанских действий в операциях европейских армий несоответственностью мирной подготовки конницы этих армий, подготовки, направленной к выработке ее больше в тактическом смысле, чем для самостоятельной работы на театре военных действий, может быть, наконец, в последние войны просто не сумели взяться за это средство борьбы, попросту говоря, — в голову не пришло попробовать открыть широкую партизанскую войну [199].

В нашей последней кампании мы с наибольшим вниманием останавливаемся на двух случаях, когда партизанские действия не только были целесообразны, но скажем больше, они были положительно необходимы.

Во-первых, — под Плевной. Если бы с самого начала возникновения Плевны была открыта партизанская война на ее сообщениях и перехватила бы последние, едва ли Плевна успела бы обеспечить на столь продолжительную и упорную оборону и получить то значение, которое ей принадлежало впоследствии. Если бы масса кавалерии, сосредоточенная к сентябрю месяцу под Плевной (90 эскадронов), а впоследствии за Видом, развила бы широкую партизанскую войну на сообщениях Плевны и производила бы дальние набеги с целью перехвата транспортов и подкреплений, следовавших к туркам, а также с целью противодействия организации обеспеченного этапного пути Плевна — София, Плевна не могла бы продержаться так долго, а это не стало бы без влияния на весь ход событий.

Другой случай мы видим в Добрудже в действиях 14 корпуса. Здесь энергические партизанские действия опять-таки были бы весьма уместны. Целями для партизанов были бы следующие:

1) порча Варна — Шумлинской железной дороги; порчу этой линии в январе после взятия Базарджика мы не принимаем в расчет).

Это приобретало особенное важное значение осенью в период передвижения по ней войск, перевозимых из Малой Азии на подкрепление армии, действовавшей против нашего рушукского отряда. Действуя сильными партизанскими партиями в тыл турецкой армии, а также на сообщения ее с Шумлой, Варной, Базарджиком и Силистрией, войска в Добрудже значительно облегчили бы трудную задачу рушукского отряда [201].

Нам кажется, что обстановка вполне допускала подобный образ действий, т.к. 14 корпус, имея в своем составе казачью дивизию (24 сотни) и бригаду регулярной кавалерии, занимал линию Черноводы — Кюстенджи, имел перед собой противника в укрепленном лагере под Базарджиком (в 5 переходах) и сбоку в Силистрии (в 4 переходах). Эти два пункта связывались всего лишь конными партиями черкесов и баши-бузуков и самыми незначительными оборонительными отрядами, выставляемыми по временам в промежуточных селениях (дело при Кузгуне). Таким образом, широкий и обнаженный от войск промежутки между Базарджиком и Силистриею представлял широкий простор для самостоятельных действий партизанских отрядов, которые были бы направлены к стороне Разграда, Шумлы и Силистрии.

Партизанской войны, к сожалению, не было... [202]. Современный бой значительно осложнился; все это значительно поднимает значение элемента времени, в смысле важности предупредить противника или замедлить развитие известной операции [204].

Кто в наше время сумеет взяться за партизанскую войну, тот, отнесясь с полным уважением и доверием к этому могучему средству, даст партизанской войне широкое, полное развитие, искусно направит ее, тот извлечет из нее громадную пользу... И обратно, горе той армии, которая с неуважением отнесется к партизанской войне, утверждая, что она не может иметь места в Европе. Трудно предсказать будущее, но внимательное изучение прошлого заставляет, в конечном выводе, признать за партизанскую войною великое значение в настоящих войнах [205].

ТЕОРИЯ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ

Формы развития партизанской войны

По нашему мнению, вся задача теории партизанских действий сводится к тому, чтобы исследовать, при каких условиях партизанские действия получают то или другое развитие, направление, ту или другую форму, что влияет, таким образом, на известную форму развития партизанских действий; наконец, теория должна указать, если можно, на наиболее типические, характерные формы приложения партизанской войны [210], но только как виды, типы, отличающиеся наиболее характерным, типическим случаем обстановки, а не как системы, претендующие отвечать всем случаям. Вот та отправная точка, с которой мы приступаем к изложению теории партизанской войны.

Две приведенные формы партизанских действий в высшей степени различны одна от другой по внешней форме. В одном случае мы видим последовательное развитие партизанских действий в виде непрерывных действий партизанских отрядов, заметим кстати, относительно небольших, гнездящихся в тылу армии противника; в другом — столь же последовательное развитие их, но в виде, так сказать, прерывчатых, периодических набегов в тыл противника крупных партизанских партий. Эти-то две формы и представляют собою два главных вида, два главных типа партизанских действий, отвечающих, как нам кажется, двум наиболее характерным обстановкам военных действий [211].

Влияние партизанов на население края

Народную войну стоит возбудить там, где народ готов весь дружно подняться на врага, т.к.

отдельные вспышки восстания поведут лишь к напрасному разорению жителей, а также там, где представляется возможность поддержать восстание и воспользоваться его результатами. Имея в виду, что народная война должна развиваться тоже в связи с главными операциями армии, т.е. там, где по ходу военных событий это будет признано нужным и своевременным, что может быть определено главнокомандующим. Возбуждать население к восстанию начальник партизанского отряда может не иначе, как получив на то указание свыше.

Необходимость постоянного повсеместного поддержания восстания там, где оно возбуждено, указывает, что задача эта должна лечь на мелкие партизанские партии, брошенные в известные районы на продолжительное время [346].

О злоупотреблении партизанскою войною

Всякое несвоевременное пользование партизанскою войною составляет уже злоупотребление ею, т.к. не принося существенной пользы, ведет к излишнему расходованию сил и средств, а иногда может повести еще к худшим последствиям [350].

Партизанская война, оставаясь сама по себе всегда вспомогательным, второстепенным средством стратегии, может дать решительные результаты [351] и проявить все то значение, которое может принадлежать известному средству стратегии, только, понятно, при условии решительно, энергично веденных главных операций и при неперменном условии постоянного и строгого согласования партизанских операций с главными, при полной гармонии тех и других.

При этих условиях она может получить настолько решительный характер, что иногда **временно** выступает даже средством вполне самостоятельным в том смысле, что может сама собою, без решительных операций армии, остановить на время известное развитие главных операций противника, парализовать, разрушить их, заставить противника, хотя и временно уступить.

По решительности результатов партизанская война иногда является настолько самостоятельным средством, что на партизанов возлагается главная роль и притом не по нужде (неготовность армии к решительным действиям), а прямо-таки по характеру задачи и по самостоятельности партизанской войны **как средства в известных случаях**; причем армия принимает на себя временно как бы второстепенную роль и известными маневрами содействует достижению успеха партизанских действий, которым, стало быть, в этом случае временно переходит роль как бы главной операции [352].

Из книги В.Н. Клембовского «ПАРТИЗАНСКИЕ ДЕЙСТВИЯ» ПЕТРОГРАД, 1919.

I

В настоящее время партизанами называются легкие отряды, бросившие связь с армией на более или менее продолжительное время и направленные на фланги и тыл противника с целью нанесения ему там возможно большего материального и нравственного ущерба. Затрудняя жизненные и боевые отправления неприятельской армии, т.е. поселяя беспорядок и замешательство на ее сообщениях, прекращая подвоз запасов с тыла, пресекая связь между отдельно действующими частями и вынуждая противника к выделению значительных сил для противодействия, партизаны могут оказать этим большое влияние на исход главных операций [1].

Отличительной чертой партизанских действий служит полная самостоятельность начальников партизанских отрядов [2].

Попутно с разрешением поставленной ему задачи партизан не только может, но и должен пользоваться каждым случаем нанесения вреда противнику всеми зависящими от него мерами.

Нанесение непосредственного вреда неприятелю — таков существенный признак партизанских действий [3].

Отличия партизанской войны от малой и народной:

1. Малая война обнимает ряд частных действий, подчиненных известным правилам (прикрыть транспорт, произвести фуражировку). Исполнитель не имеет права уклоняться от данного поручения даже для попутного достижения цели, кажущейся ему более важной. Совокупность действий партизанов составляет в руках главнокомандующего, хотя и второстепенное, однако немаловажное средство для достижения конечной цели операций, и не может быть причислена к малой войне; последняя относится к первой, как часть к целому. ...связь, которая должна существовать между партизанскими действиями и операциями армии.
2. Есть еще одно важное отличие между малой войной и партизанскими действиями: первая обнимает в равной степени наступление и упорную оборону. Отличительной же чертой партизанских действий служит их, почти исключительно, наступательный характер. Если же надежды на победу нет, партизан, не принимая боя, поспешно отступает, стараясь отделаться от преследования противника [4].
3. Существенное отличие партизанской войны от народной: народная война, в противоположность партизанской, не подчиняется никаким правилам и ведется населением на свой страх и риск, без всякой связи с действиями армии.
4. «Партизан — свободная птица; член же народной банды прикован к своему родному месту, защищает свой очаг и требует от него удаления от последнего — невозможно». (Байков. Опыт руководства к отправлению кавалериею стратегической службы»)

Партизанские действия могут быть применены в двух различных формах

- 1) Отдельные, периодические наезды на тыл противника сравнительно сильных отрядов, могущих достигнуть в короткое время решительных результатов — такова первая форма выполнения партизанских действий, которую можно назвать *набегами*.
- 2) Вторая форма выполнения партизанских действий, которую можно назвать *поисками*: мелкие партии, надолго впивающиеся в сообщения противника и медленно, но непрерывно высасывающие его кровь и жизненные соки [5].

Применение той или другой формы развития партизанских действий зависит, во-первых, от отношения населения к нашим войскам, а во-вторых, от времени, предоставленного партизану для достижения известной цели [6].

Военная история дает много примеров более грандиозных набегов, как по силе отрядов, так и по важности достигнутых результатов; таковы, например, рейды американской кавалерии в 1861–1865 г.г. [11].

Влияние количества и качества кавалерии на развитие партизанских действий

Быстрота передвижений, внезапность нападения — таковы коренные условия успеха

партизанского отряда. Из этого следует, что партизанские действия составляют удел кавалерии, хотя при отсутствии ее или при вполне неблагоприятных для нее местных условий она может быть отчасти заменена пехотой [18].

Широкое развитие партизанских действий возможно без ущерба для деятельности самой армии только в том случае, если она богата кавалерией. Представителями естественной конницы служат наши казаки [19].

Что может быть после того идеальнее казака в смысле кавалериста, что может быть пригоднее казака на партизанской службе?..

В этом отношении Россия поставлена в лучшие условия, чем какой-либо европейское государство: богатая таким дорогим средством поражения врага, как конница вообще, а казачья в особенности, она может развить партизанскую войну в самых широких размерах, не ослабляя чувствительным образом своих главных армий и не лишая их прямого содействия кавалерии. Мало того, партизанская деятельность сродна нашей кавалерии, составляет как бы ее национальную стратегию и тактику... [20].

II

Период мобилизации и сосредоточения армий; характеристика его; задачи и формы развития партизанских действий в этом периоде. Период сближения противников: положение армий и устройство тыла; соответствующие задачи партизанов и форма развития их действий. Примеры.

Чем быстрее совершается мобилизация и сосредоточение армии, тем больше шансов предупредить неприятеля во времени, захватить в свои руки почин в действиях (предписывать законы действий, а не получать их от противника) [21].

Из сказанного ясно, какую громадную важность приобретает все, что позволяет замедлить мобилизацию противника. А раз война объявлена, едва ли не единственное средство к тому заключается в высылке партизанов в пределы враждебного государства [22].

К концу войны 1870–1871 г.г. для обеспечения тыла германских армий потребовалось 150 тыс. человек при 80 орудиях [30].

В период главных операций партизаны могут разрешить следующие задачи:

- 1) Раскрыть намерения противника, его силы и движения.
- 2) Помешать противнику собирать необходимые сведения о нашей армии и держать его в недоумении относительно наших намерений.
- 3) Разрушение и порча тыловых путей противника, что в свою очередь приостановит на время или замедлит операции противника.
- 4) Помехи неприятельским операциям (нарушение связи между группами и колоннами).
- 5) Ослабить противника на решительном пункте в решительную минуту (отвлечение сил на борьбу с партизанами).
- 6) Открыть связь между отдельными частями своей армии, если эта связь нарушена неприятелем.

7) Партизаны могут достигнуть результатов политического свойства, как например:

а) произвести и поддержать восстание населения в тылу противника или обратно;

б) навести панику на население, не расположенное к их армии, и тем задуть всякие попытки к восстанию и к нанесению ей вреда.

8) Заготовить продовольствие и фураж для своей армии.

+) Надо только заметить, что даже не задаваясь никакой специальной целью, постоянными нападениями и тревогами партизаны *будут изнурять противника*, увеличивать с его стороны наряд на охранительную службу и тем *подрывать его силы*. Таковы последствия всех набегов и, в особенности, поисков [31].

III

Задачи партизанов и форма развития их действий в период боя; в период отступления и преследования; во время перерыва военных действий; в период осады и обороны крепостей. Нравственные результаты партизанских действий.

Наполеон — маршалу Бертье в октябре 1813 года: «Говорили будто в Галле находится 6000 человек пехоты; посланный разъезд выгнал оттуда 50—60 казаков, которые стояли там уже три дня и устрашали (терроризировали) весь край» (из переписки Наполеона).

Наступающий действует обыкновенно в неприятельской стране, где население относится враждебно к нему; его тыловые пути почти всегда длиннее, чем пути обороняющегося, следовательно, менее обеспечены войсками. В силу этих соображений можно с уверенностью сказать, что оборонительная война гораздо более способствует развитию партизанских действий, чем наступательная.

... для обороняющегося важно поколебать его (противника) нравственный дух и, по возможности, ограничить его свободу действий [61].

IV

НАБЕГИ

Время отправления в набег. Выбор начальника партизанского отряда. Численность и состав отряда. Приготовление к набегу (инструкция начальнику партизанского отряда, снаряжение отряда, составление проекта набег). Направление набег. Выступление партизанского отряда.

Распоряжение об отправке отряда в набег должно исходить от командующего армией или его начальника штаба как лиц, знающих обстановку и план дальнейших действий, т.е. могущих правильно оценить своевременность или несвоевременность набег. Ввиду же многочисленности занятий командующего армией и его начальника штаба еще лучше возложить заведывание всеми партизанскими действиями на особое лицо, которое имело бы непосредственный доклад у командующего армией и было бы посвящено в основные предназначения плана кампании [63—64].

От партизана-начальника требуются такие качества, совмещение которых в одном лице встречается очень редко.

Начальник партизанского отряда должен обладать:

- врожденной страстью к опасным предприятиям и храбростью, соединенной с разумной осторожностью;
- быть предприимчивым, хладнокровным и способным найти в самых затруднительных обстоятельствах;
- уметь внушить к себе любовь и доверие подчиненных, но вместе с тем поддерживать среди них самую строгую дисциплину;
- отличаться крепким здоровьем и неутомимостью;
- для него обязательно основательное теоретическое знакомство с партизанской войной;
- желательно, чтобы начальник партизанского отряда знал язык той страны, где ему предстоит работать, способ действий неприятельских войск, порядок устройства и охранения их тыла.

Для пользы дела весьма желательно, хотя не всегда возможно, заранее предназначать начальников партизанских отрядов и еще в мирное время поставить их во главе тех частей, с которыми им придется работать на войне [64].

Фигнер сознался, что, может быть ему не пришло бы в голову быть партизаном, если бы не пример Давыдова [66].

Итак, сила партизанских отрядов колеблется между 300–600 коней, причем, как показывает опыт, лучшие результаты достигаются при 2-х тысячном отряде (2–3 полка). Следовательно, 3–4 эскадрона или сотни, полк, бригада, 3 полка и дивизия — таковы части, могущие идти в набег; посылка более крупных единиц скорее вредна, нежели полезна [68–69].

В 1812, 13 и 14-м годах большинство отрядов, совершавших набеги, состояли из целых строевых частей, т.е. эскадронов, сотен и полков. В американской войне для рейдов почти всегда составлялись сводные части из отборных людей и лошадей. Вторая система хуже, так как:

- 1) вновь сведенные части недостаточно сплочены, представляют одно целое только по внешности и не проникнуты духом части; начальники не знают подчиненных и обратно, подчиненные — начальников;
- 2) выбор лучших людей и лошадей вредно отражается на составе частей, из которых они взяты, ослабляя их боевую готовность;
- 3) потери партизанского отряда будут слишком тяжело ложиться на кавалерию, отнимая у нее лучшие элементы.

Прибегать к вызову охотников или к составлению отборных отрядов не придется, если только каждая кавалерийская часть уже в мирное время будет подготовлена к разрешению всякого рода задач, в том числе и к партизанским действиям [69].

V

Скорость движения. Меры для достижения скрытности: 1) сохранение предприятия в тайне в связи с распусканьем ложных слухов; 2) выбор пути следования и мест остановок; 3) демонстративная высылка партий; 4) ночные передвижения. Порядок следования и

расположения на отдыхе. Реквизиции. Поддержание дисциплины в отряде. Призрение больных.

В набеге средняя величина суточного перехода равна 60–65 верстам.

Гибель Фигнера и его «легиона мести» в ночь с 30 сентября на 1 октября 1813 года в реке и на берегу Эльбы у Верлица 7 км выше Дессау в результате отсутствия должного охранения.

В 1864 году 4000-й конный отряд Кука, обходя левый фланг армии южан, стоявшей у Атланты, 28 июля захватывает в Лаведжое поезд со спиртом; все люди перепиваются, а 29-го неприятель неожиданно атаковывает и рассеивает отряд, захватив 1600 пленных [107].

VI

Способы действий партизанов по достижению цели. Случаи вступления в бой и характер его. Нападение на города и складочные пункты. Нападение на железные дороги.

VII

Нападение на транспорты. Производство рекогносцировок. Действия партизанских отрядов при подавлении народных восстаний. Поддержание связи с армией. Пленные и трофеи. Возвращение с набег.

Если же партизанские отряды находятся среди недружелюбного населения, то в обращении с ним нужна суровость тем большая, чем враждебнее его действия [133].

За открытое сопротивление партизанскому отряду, за нападение на отдельных людей, за шпионство в пользу неприятеля и тому подобные действия, население подвергается каре, причем когда виновные не будут обнаружены, отвечает та община или то селение, в черте которого произошел один из этих фактов [134].

Не связанный заботами за свой тыл, пользуясь свободой в выборе путей отступления и, наконец, не имея при себе обоза — отряд может направиться в любую сторону и ускользнуть от всякого преследования [145].

VIII

Поиски

Организация поисков. Величина участков, сила и состав партий. Отправление партий на поиски. Деятельность их по достижении участков. Характер боя партий. Поиски Давыдова с 29 августа по 8 сентября 1812 года. Поиски Коломба с 26 апреля по 21 мая 1813 г.

Теперь перейдем к рассмотрению второй формы развития партизанских действий — к работе партий, свивающих себе гнездо в тылу неприятеля и остающихся там продолжительное время. Такие действия, названные нами поисками, возможны лишь при сочувствии населения к партизанам или при равнодушном отношении его к войскам.

Следовательно, они применимы в большинстве случаев для той стороны, которая ведет оборонительную войну.

При широком и правильном развитии, поиски составляют могущественное оружие обороны и могут совершенно задержать наступление неприятельской армии, постоянно угрожая ее флангам и тылу, препятствуя подвозу с базы всего ей необходимого и вынуждая противника расходовать массу сил в мелкой борьбе, где все шансы на стороне обороняющегося. Но для достижения подобных результатов, вовсе не уступающих по своей решительности последствиям набегов, необходима заблаговременная и правильная организация поисков, причем основные ее положения заключаются в следующем:

1. Надо сформировать столько партий, чтобы можно было сразу охватить весь тыл и фланги неприятельской армии.
2. Партии высылать на поиски с той минуты, как враг перейдет границу и вторгнется в наши пределы.
3. Указать участок для действий каждой партии отдельно или нескольким партиям сообща.
4. Ввиду полной невозможности для командующего армией управлять одновременно операциями войск и действиями партизанов, необходимо объединить общее руководство над последними в руках особого начальника, который был бы посвящен в план кампании и мог бы сообразно с ним по своему усмотрению давать то или другое общее направление поискам партизанов, согласуя их работу с действиями армии. Тому же лицу поручается и организация набегов.
5. Кроме частей, специально предназначенных для поисков, в распоряжение указанного лица следует выделить особый подвижный резерв в несколько тысяч человек. Только при наличии его начальник партизанов может быть хозяином и распорядителем действий в тылу неприятеля.
6. Отсутствием системы в организации поисков объясняются сравнительно слабые результаты таковых в войнах прошлого столетия, что в свою очередь послужило для многих доказательством якобы крайне ничтожного влияния их на исход военных действий. Примеры систематично веденных партизанских действий представляет третья польская война (кампания 1794 г.) [147–148].

Основываясь на опыте 1812 года и считая каждую партию приблизительно в 1000 человек, Давыдов принимает за среднюю норму участок в 100 верст, по длине каждого тылового пути неприятеля.

Итак, искусство в организации поисков заключается, главным образом, в умелом согласовании силы партии и величины предназначенного ей участка, в зависимости от характера местности, силы неприятеля и количества нашей кавалерии.

IX

ПАРТИЗАНСКИЕ ДЕЙСТВИЯ ПЕХОТЫ

Возможность и значение партизанских действий пехоты. Сила, состав и снабжение пехотного партизанского отряда. Особенности способа действий. Поиски «Авангарда Освобождения» с 1.12.870 по 1.2.871 г. Поход Дембинского в 831 г.

Быстрота же пехоты сама по себе незначительна и может быть отчасти вознаграждена скрытностью [174].

В 1870–71 г.г. некоторые пехотные партии насчитывали до 1200–1300 человек, но в каждом отдельном поиске принимало участие не более 300–400 человек [175].

Средняя величина суточного перехода:

- ночлег с варкою пищи — 10 часов (на сон 7–8 часов);
- большой привал — 3 часа (или два по 1,5 часа);
- 8 малых привалов по 10 минут (через каждый час) — 1 час 20 минут;
- на движение 9 часов 40 минут по 5 верст = 48 верст.

X

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПАРТИЗАНСКИМ НАБЕГАМ И ПОИСКАМ

Противодействие партизанским набегам и поискам (внутреннее и внешнее охранение тыловых путей; подвижные колонны; набег);. Возможность применения партизанских действий в европейских войнах. Заключение.

Меры противодействия по своему характеру могут быть разделены на два вида: на охранение внутреннее и внешнее (т.е. непосредственная охрана железной дороги и сторожевые и наблюдательные заставы, которые в свою очередь выделяют разъезды) [200].

И эта трудность прежде всего обусловливается неимоверными затруднениями ориентироваться в набеге — угадывать *действительное* из того *вероятного и возможного*, которое представляется массой сведений, стекающихся отовсюду [206].

Однако для противодействия неприятельским набегам и отчасти поискам существует косвенное средство, гораздо более надежное, чем непосредственное прикрытие тыла армии, средство на практике испытанное американцами-северянами: оно заключается в борьбе с врагом тем же оружием, т.е. в развитии партизанских действий в тылу неприятеля в еще больших размерах, чем это сделано им по отношению к нашей армии [207].

Итак, прикрытие тыла армии достигается двумя способами: 1) пассивным, заключающимся в выставлении внешнего и внутреннего охранения; 2) активным, выражающимся в развитии широких партизанских действий в тылу неприятеля.

...не было — не означает не могло быть [208].

Фон Видерн (Kotzenhofer Walter von Walthoven.,1883.): «Производство набегов многочисленными отрядами русской иррегулярной конницы вполне возможно, т.к. территория Восточной Пруссии представляет обширную равнину... Немецкие войска не будут в состоянии уничтожить подобного противника; в частности же немецкая кавалерия, которой придется иметь дело с наступающею русскою регулярною конницею, не будет в силах угоняться за 40–50 тысячами русской иррегулярной конницы, которая, разделившись на массу мелких отрядов на фронте до 600 верст ворвется в пределы Германии. Местный ландштурм не успеет еще собраться, как тысячи пожаров покажутся в одну ночь, а железные дороги будут испорчены во многих местах. С рассветом эти партии попрячутся в лесах, а в следующую ночь повторят то же разрушение в других местах. Местное население не окажет сколько-нибудь серьезного сопротивления, а потому русская иррегулярная конница будет свободно хозяйничать на прусской территории» [221–222].

Заключение

1. Партизанские действия (набеги и поиски), широко развитые и согласованные с операциями армии, очень опасны для неприятеля по своим результатам и составляют в руках главнокомандующего могущественное вспомогательное средство для достижения конечных целей каждой операции и в особенности для борьбы с современными громадными армиями.

2. Применение их в европейских войнах возможно.

3. К условиям, *благоприятствующим* успешному развитию партизанских действий (но не обязательных), относятся:

а) масса легкой конницы;

б) сочувствие и содействие местного населения;

в) длинные тыловые пути противника, мало обеспеченные войсками;

д) действия в пределах своей страны или в знакомом крае; закрытый характер театра войны.

XI

СВЕДЕНИЯ О ПАРТИЗАНСКИХ ДЕЙСТВИЯХ В ВОЙНУ 1914–1917 Г.Г. НА РУССКОМ ФРОНТЕ

Хотя в мирное время достаточно говорилось и писалось, официально и неофициально о пользе развития в широком масштабе партизанских действий против Германии с целью замедлить и затруднить ее мобилизацию, а затем и вторжение в наши пределы...наш Генеральный штаб ничего не подготовил для этого и, по-видимому, даже забыл о таком вспомогательном средстве борьбы с противником.

В результате оказались упущенными два периода, крайне благоприятных для наших партизанских действий: период мобилизации, когда набегами нашей многочисленной кавалерии можно было сильно досадить врагу, и период отступления наших армий в пределы России; тогда следовало оставить в соответствующих районах небольшие конные отряды с выработанной для них в общих чертах инструкцией; выбор начальников отрядов мог быть сделан еще в мирное время; сочувствие населения, неудовлетворительное состояние и бедность путей сообщения, наконец, лесистый и болотистый характер местности на Западном фронте и в северной половине Юго-Западного, как нельзя более благоприятствовал развитию того вида партизанских действий, которые мы называли «поисками».

Высшим командованием ничего не было ни подготовлено, ни сделано. Но естественная потребность партизанских действий и сознание той пользы, которую они могли принести нам, сказалась в больших количествах предложений о сформировании отрядов, которые стали поступать в штабы фронтов и в Ставку [224].

Судя по архивным документам, первым с подобным предложением обратился в Ставку А.Кучинский в августе 1915 года. Его проект остался не осуществленным, да и грешил много в организации отрядов. Основной единицей он считал «летучую сотню» в составе 200 всадников, 100 пехотинцев, 2 орудий, 2 пулеметов и 4 патронных двуколки. Сформированные сотни сводятся по 3 в один отряд, получающий номер и наименование по губерниям. Таких отрядов он предлагал организовать 100, а затем увеличивать их число [228].

Поступившие в Ставку предложения о сформировании партизанских отрядов, на которые она отвечала согласием, побудили ее несколько урегулировать этот вопрос. Но так как в Ставке не оказалось лиц хотя бы теоретически знакомых с партизанской войной, то все ограничилось

запросом штаба верховного главнокомандующего во все фронты: 1) сколько и какие отряды сформированы на фронте? 2) не следует ли выработать для них общий штат?

На Северном фронте их существовало уже шесть:

3 по 2 офицера + 55 нижних чинов;

3 по 5 офицеров + 125 нижних чинов + 2 пулемета;

В ноябре

+ 1 по 11 офицеров + 293 всадника + 1 пулемет + 27 выюков.

На Западном фронте:

2 конных по 3 офицера + 70–80 н.ч.

4 партизанских по 2 офицера + 9–25 н.ч.

Эти партии были выделены при отступлении и остались в тылу противника.

На Юго-Западном фронте — 11 отрядов различной численности [226].

Но время было упущено: расположение противника представляло собою сплошную укрепленную позицию, местами сильно развитую в глубину и густо оплетенную проволочными заграждениями; неоднократные попытки партизанов пробраться в тыл противника успеха не имели и часто оканчивались только снятием неприятельских постов и застав.

30 октября 1915 года приказом №2 походного атамана при государе указывалось сформировать партизанские отряды согласно особому *Наставлению*, приложенному к приказу, и безотлагательно начать партизанские действия [227].

«п.3 ... партизаны сводятся в отдельные отряды силою от 100 до 150 человек.

п.6 ... вооружать партизанов германскими или австрийскими винтовками.

п.10 Во время своей специальной деятельности партизаны подчиняются только походному атаману. Никто не должен задерживать их для исполнения задач, не соответствующих их назначению [228].

Полгода спустя (29.4.1916) — Табель специального имущества, которым отряды должны снабжаться при отправлении в тыл противника [229].

В первых числах мая 1916 г. на основании данных о деятельности партизанов с сентября 1915 года походный атаман признал, что при тогдашних условиях позиционной войны чисто партизанские действия были невозможны, и приказал распустить все партизанские отряды по своим частям.

Итак, не успев распуститься, партизанская война завяла.

Обширные болотисто-лесистые пространства, бездорожье; полное сочувствие населения; богатство в коннице; длинные коммуникационные линии противника; наше отступление, содействовавшее оставлению партизанских отрядов в тылу противника; первоначальное сочувствие всех к

открытию партизанских действий, — всё способствовало партизанской войне не в меньшей степени, чем 1812 г. А результаты получились нулевые.

В чем причина? Не ошибаясь можно ответить: в том, что благоприятная минута для её организации была безвозвратно пропущена; что можно и должно было сделать до осени 1915 года, того не сделали; а затем началась позиционная война, в период которой можно было пожинать плоды, но не засеивать, не приниматься за дело, не существовавшее даже в зародыше [229].

В ночь с 14 на 15 ноября нападение на Невель. Захват 2 генералов, в том числе начальника 82 резервной дивизии ген. Фабариуса, 3-х офицеров.

ТАБЕЛЬ СПЕЦИАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА ДЛЯ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ{*8}:

I. На каждых 10 партизанов выдать:

- 1) 1 бинокль
- 2) 2 компаса (светящихся)
- 3) 2 карманных часов
- 4) 3 электрических фонаря (по 3 запасных элементов питания на каждый)
- 5) 10 штыков (там где их не имеется)
- 6) 10 бомб Новицкого и 10 бомб бутылочного образца (с капсюлями и парусиновыми мешками для их носки)
- 7) 2 комплекта 2-х верстных карт (или соответствующего масштаба)
- 8) 2 малых топора
- 9) 1 пилку
- 10) Бечевки и веревок.

Кроме того:

II. На отряд в 100–150 человек выдать:

- 1) 2 вьючных пулемета Кольта (или другой системы).
- 2) Телеграфный вьюк с 2 форпостными и 2 полевыми телефонами с запасом провода (телефоны весьма нужны для включения в неприятельские линии и их отсутствие неоднократно сильно ощущалось).
- 3) Вполне оборудованный подрывной вьюк, снабженный толлом, бикфордовым и быстрогорящим шнуром.
- 4) Фурманку парную для возки необходимого запаса и хозяйственных надобностей.
- 5) В случае предстоящих действий желательно иметь запас взрывчатых веществ для местного склада, обеспечивающего скорое пополнение (если нет вблизи части или парков, которые могут пополнить запас).

**ИЗ ПРИКАЗА НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ГРУППЫ АРМИЙ «Б» ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДИВЕРСАНТОВ ПРИ
НАПАДЕНИИ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ**

Штаб группы армий «Б», 20 мая 1941 г.

I. Имеющиеся в распоряжении силы.

Для вывода из строя намеченных командованием 4-й армии объектов ему выделяются:

- одна рота 800-го учебного полка особого назначения{*9}... (в настоящее время проходит обучение на полигоне Ламсдорф).
- Роты 800-го учебного полка особого назначения организационно делятся на полуроты и имеют около 220 человек личного состава.

II. Заключение по предложениям командования 4-й армии...

1. Объекты 1–3.

Данные объекты могут быть захвачены и обезврежены силами роты 800-го учебного полка особого назначения (на каждый объект по 30 человек при полной маскировке, т.е. в форме русских солдат) накануне или непосредственно перед началом наступления. Данная операция целесообразна и осуществима.

2. Объекты 4 и 5.

В случае, если эти объекты будут захвачены силами роты 800-го учебного полка особого назначения (при полной маскировке или при частичной маскировке, когда поверх немецкой формы надевается гражданская одежда) перед началом наступления и удерживаться до подхода наших войск, то для осуществления этой операции им следует назначить ночь накануне дня наступления. Захват этих объектов может быть осуществлен и в ходе наступления силами роты 800-го учебного полка особого назначения во взаимодействии с частями первого эшелона. Расход сил: 60 человек на каждый объект.

3. Объекты 6,7,8 и 9 могут быть захвачены только в ходе наступления силами роты 800-го учебного полка особого назначения. При этом могут быть использованы силы, принимавшие участие в захвате предыдущих объектов.

Группам, которые будут осуществлять захват объектов 6,7,8,9, необходимо выделить соответствующий резерв времени, с тем чтобы они могли выполнить свою задачу еще до подхода передовых частей...

III. Офицер связи от отдела «Абвер II» и офицеры связи от 800-го учебного полка особого назначения придут в штаб 4-й армии 29.5 с целью получения указаний от командования армии и установления связи с теми частями, которые будут с ними взаимодействовать.

IV. О принятом решении относительно использования приданных сил доложить в штаб группы армий «Б».

ПРИМЕЧАНИЯ

- {1} Ленин В.И. Партизанская война. ПСС, изд. 5-е. Т. 14. М., 1960, с. 7–8.
- {2} Советская военная энциклопедия. Т. 6. М., 1978, с. 234.
- {3} Советская военная энциклопедия. Т. 3. М., 1977, с. 417.
- {4} Фрунзе М.В. Единая военная доктрина и Красная армия. М., 1921, с. 25.
- {5} Дробов М.А. Малая война (партизанство и диверсии). М., 1931, с. 5.
- {6} Там же, с. 137–147.
- {7} Там же, с. 135.
- {8} Там же, с. 92.
- {9} Там же, с. 104.
- {10} Там же, с. 100.
- {11} Звонарев К.К. Агентурная разведка. Т.1. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. М., 1929, с. 215.
- {12} Там же, с. 194.
- {13} Там же, с. 198.
- {14} Звонарев К.К. Агентурная разведка. Т.2. Германская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. М., 1929, с. 163.
- {15} Свечин А.А. Стратегия. 2-е издание. М., 1927, с. 263.
- {16} Там же, с. 117.
- {17} Дробов М.А. Малая война (партизанство и диверсии). М., 1931, с. 97.
- {18} Фрунзе М.В. Речи на совещании командного и комиссарского состава войск Украины и Крыма и флота Черноморского и Азовского морей 1–7 марта 1922 г. Собрание сочинений. М., 1929, с. 407.
- {19} Советская военная энциклопедия. Т.6. М., 1978. с. 231.
- {20} Старинов И.Г. Записки диверсанта. — В альманахе «Вымпел». М., 1997, с. 37–38.
- {21} White T. The making of the SAS and the worlds elite forces. London, 1994, p. 192.
- {22} Воздушно-десантные войска: вчера, сегодня, завтра. Военно-исторический очерк. М., 1993, с.
- {23} Русский архив. Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1937 г. — 21 июня 1941 г.). Т.13 (2–1). М., 1994, с. 16.

- {24} Там же, с. 22.
- {25} Старинов И.Г. Записки диверсанта. — В альманахе «Вымпел». М., 1997, с. 445.
- {26} Русский архив. Великая Отечественная: Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. Т.12 (1). М., 1993, с. 7.
- {27} Там же, с. 15–16.
- {28} Там же, с.135.
- {29} Там же, с. 291–293.
- {30} Там же, с. 388–392.
- {31} Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1984, с. 91–92.
- {32} Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. Пер. с нем. Т.2. М., 1969, с. 574.
- {33} Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы, материалы. М., 1987, с. 302.
- {34} Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. Пер. с нем. Т.2. М., 1969, с. 574.
- {35} Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. Пер. с нем. Т.1. М., 1968, с. 337.
- {36} Там же, с. 349.
- {37} Там же, с. 540.
- {38} Там же, с. 531.
- {39} Там же, с. 570.
- {40} Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль (1930–1950 гг.). М., 1997, с. 688.
- {41} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1970, с. 237.
- {42} Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. М., 1988, с. 636.
- {43} КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.6. М., 1971, с. 19.
- {44} Постановление Государственного Комитета Обороны № ГКО-83сс от 10 июля 1941 г. — РЦХИДНИ, ф.644, оп.1, д.2, л.1, 10б.
- {45} Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. Пер. с нем. Т.3, кн.1. М., 1971, с. 103.
- {46} Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. Пер. с нем. Т.2. М., 1969, с. 280.

- {47} Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. Пер. с нем. Т.3, кн.1. М., 1971, с. 140.
- {48} История Коммунистической партии Советского Союза. Т.5, кн.1. М., с. 260.
- {49} Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 гг. М., 1982, с. 31.
- {50} Рудаков М. Роль военных советов фронтов и армий в руководстве боевыми действиями партизан в годы Великой Отечественной войны. — Военно-исторический журнал № 7, 1962, с. 5–6.
- {51} Логвин Д.А. Опыт организации агентурной и специальной разведки с баз партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны и его значение в современных условиях (исторический очерк). М., 1972, с. 14.
- {52} Там же, с. 13.
- {53} Документы немецко-фашистского командования о действиях советских партизан. — Военно-исторический журнал № 7, 1960, с. 93–99.
- {54} Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 гг. М., 1982, с. 81–83.
- {55} Там же, с. 85.
- {56} Директива Ставки ВК № 01 Главнокомандующим войсками Северо-Западного, Западного и Юго-Западного направлений, командующим войсками фронтов, военных округов и армиями об использовании опыта войны от 15 июля 1941 г. — ЦАМО, ф. 48а, оп. 3408, д.4, л.40–42.
- {57} Директива Ставки ВК № 00304 Главнокомандующим войсками Северо-Западного, Западного и Юго-Западного направлений о сформировании кавалерийских групп от 13 июля 1941 г. — ЦАМО, ф.48а, оп. 3408, д.4, л.28,29.
- {58} Директива Ставки ВК № 00420 Главнокомандующему войсками Западного направления об организации рейда кавалерийской группы по тылам противника от 18 июля 1941 г. — ЦАМО, ф. 48а, оп. 3408, д.4, л.50–52.
- {59} Белов П.А. За нами Москва! М., 1963, с. 225.
- {60} Советская военная энциклопедия. Т.2. М., 1976, с. 288.
- {61} Старинов И.Г. Записки диверсанта. — В альманахе «Вымпел». М., 1997, с. 290–297.
- {62} Сагайдак П., Цыганок А. Использование воздушных десантов в Великой Отечественной войне. — Военно-исторический журнал № 8, 1960, с. 18.
- {63} Андрианов В.Н. Боевые действия партизан на коммуникациях противника. М.: в/ч 64510. — 1970, с. 250. — Инв. № 30336.
- {64} Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. Пер. с нем. Т.3, кн.2. М., 1971, с. 351.

- {65} Сагайдак П., Цыганок А. Использование воздушных десантов в Великой Отечественной войне. — Военно-исторический журнал № 8, 1960, с. 23.
- {66} Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. Пер. с нем. Т.3, кн.2. М., 1971, с. 70.
- {67} Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 гг. М., 1982, с. 198.
- {68} Советская военная энциклопедия. Т.6. М., 1978, с. 232.
- {69} Pottgisser H. Die Deutsche Reichsbahn im Ostfeldzuge, 1939–1944. Neckargemund: Buchdruckerei P.Christian KG, 1960, 155 s.
- {70} Teske H. Die silbernen Spiegel: Generalstabsdienst unter der Lupe. Heidelberg: Vowinckel, 1952, 268 S.
- {71} Записка начальника политуправления Юго-Западного фронта в Главное политуправление РККА в апреле 1942 г. — ЦАМО, ф. 229, оп. 213, д. 3, л. 51.
- {72} Советская военная энциклопедия. Т.8. М., 1980, с. 428.
- {73} Приказ Народного комиссара обороны И.В. Сталина от 5 сентября 1942 года «О задачах партизанского движения» . — Военно-исторический журнал, № 8, 1975, с. 63–64.
- {74} Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 гг. М., 1982, с. 85.
- {75} Там же, с. 212.
- {76} Там же, с. 140.
- {77} Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Т.2. Киев, 1975, с. 448.
- {78} Приказ начальника ЦШПД от 14 июля 1943 года «О партизанской рельсовой войне на коммуникациях врага». — РЦХИДНИ, ф. 69, оп. 1, д. 165, л. 114.
- {79} Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 гг. М., 1982, с. 200.
- {80} Итоги второй мировой войны: Сб. статей. Пер. с нем. М., 1957, с. 640.
- {81} Старинов И.Г. Записки диверсанта. — В альманахе «Вымпел». М., 1997, с. 371–373.
- {82} Азяский Н.Ф., Князьков А.С. Партизанская операция «Рельсовая война». М., 1985, с. 64.
- {83} История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т.6. М., 1965, с. 281.
- {84} Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt a/M: 1965. — Bd.III. — S.905.

- {85} Донесение о движении поездов за август месяц 1943 г. генеральной дирекции ж.д. «Минск» в главную дирекцию ж.-д. и телеграфных сообщений Востока. — РЦХИДНИ, ф. 69, оп. 1, д. 836, л. 203.
- {86} Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 гг. М., 1982, с. 283.
- {87} Там же, 267–268.
- {88} Pottgisser H. Die Deutsche Reichsbahn im Ostfeldzuge, 1939–1944. Neckargemund: Buchdruckerei P.Christian KG, 1960, 155 s.
- {89} Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 гг. М., 1982, с. 367.
- {90} Там же, 305.
- {91} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1970, с. 526.
- {92} Асмолов А.Н. Фронт в тылу вермахта. М., 1977, с. 318.
- {93} Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1974, с. 447.
- {94} Скорцени О. Секретные задания РСХА. — В кн. Короли диверсий. М., 1997, с. 157–173.
- {95} Наставление по организации и тактике партизан. М.: ГРУ ГШ, 1965, с. 25.
- {96} Гареев М.А. Моя последняя война (Афганистан без советских войск). М., 1996, с. 431.
- {97} Громов Б.В. Ограниченный контингент. М., 1994, с. 352.
- {98} Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995, с. 649.
- {99} Гареев М.А. Моя последняя война (Афганистан без советских войск). М., 1996, с. 431.
- {100} Там же, с. 55.
- {101} Там же, с. 188.
- {102} Лебедев Е. Некоторые аспекты защиты летательных аппаратов от ПЗРК. — Зарубежное военное обозрение, № 3, 1995, с. 27.
- {103} Большая советская энциклопедия. Изд. третье., т. 21. М., 1975, с. 409.
- {104} Очерки истории российской внешней разведки. Т.1. М., 1996, с.14.
- {105} Советская военная энциклопедия. Т.5. М., 1978, с.460.
- {106} Давыдов Д.В. Опыт теории партизанского действия. М., 1822, с. 3.
- {107} Гершельман Ф.К. Партизанская война (исследование). С.-Петербург, 1885, с. 30.

- {108} Строков А.А. История военного искусства. М., 1955, с. 492.
- {109} Военная энциклопедия. Том XIII. Петроград, 1913, с. 179.
- {110} Голицын Н.С. О партизанских действиях в больших размерах, приведенных в правильную систему и примененных к действиям армий вообще и наших русских в особенности. — С.-Петербург, 1859, с. 38.
- {111} Пономарцев В.В. Информационный сборник по зарубежным странам и армиям. Выпуск № 4 (109). М., 1997, с. 25.
- {112} Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1982, с. 297.
- {113} Голубов С.Н. Багратион. М., 1983, с. 336.
- {114} Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года. Л., 1985. с. 8–175.
- {115} Кутузов М.И. Сборник документов. Т. 4, часть 1. М., 1954. с. 336–337.
- {116} Советская военная энциклопедия. Т.6. М., 1978, с. 231.
- {117} Кутузов М.И. Сборник документов. Т.4, часть 1. М., 1954, с. 327.
- {118} Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974, с. 242.
- {119} Кутузов М.И. Сборник документов. Т.4, часть 1. М., 1954, с. 400.
- {120} Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1982, с. 297.
- {121} Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Пер. с фр. М., 1943, 377 с.
- {122} Давыдов Д.В. Опыт теории партизанского действия. М., 1822, 210 с.
- {123} Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Изд.3-е, часть третья. — С.-Петербург, 1843, с. 106.
- {124} Там же, с. 95.
- {125} Там же, с. 106.
- {126} Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. М., 1860.
- {127} Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т.3. М., 1860, с. 29.
- {128} Вуич И.В. Малая война. С.-Петербург, 1850, с. VII.
- {129} Голицын Н.С. О партизанских действиях в больших размерах, приведенных в правильную систему и примененных к действиям армий вообще и наших русских в особенности. — С.-Петербург, 1859, с. 33.
- {130} Nadel J., Wright J.R. Special Men and Special Missions. London, 1994, p. 22.

- {131} Клембовский В.Н. Партизанские действия (исследование). Изд. второе. — Петроград, 1919, с. 107.
- {132} Сухотин Н.Н. Рейды, набеги, наезды, поиски конницы в Американской войне 1861–1865 гг. С.-Петербург, 1887, с. IV.
- {133} Клембовский В.Н. Партизанские действия (исследование). Изд. второе. — Петроград, 1919, с. 30.
- {134} Гершельман Ф.К. Партизанская война (исследование). — С.-Петербург, 1885, с. 361.
- {135} Там же, 352.
- {136} Гершельман Ф.К. Конница в японской войне и в былое время. — С.-Петербург, 1912, с. 94.
- {137} Военная энциклопедия. Том XVII. Петроград, 1914. с. 303.
- {138} Клембовский В.Н. Партизанские действия (исследование). Изд. второе. Петроград, 1919, с. 221–222.
- {139} Там же, с. 224.
- {140} Там же, с. 229.
- {*1} В связи с широким применением в боевой практике общевойсковых подразделений таких специальных способов боевых действий как засада и налет в июне 1983 года на базе 103 ввд были проведены сборы по изучению и обобщению тактики действий бандформирований, выработке практических рекомендаций по подготовке и ведению специальных действий. На предложение офицеров приступить к разработке соответствующего руководства или наставления руководитель сборов начальник Главного управления боевой подготовки генерал-полковник В.А. Меримский ответил, что в этом нет никакой необходимости, поскольку «в наших уставах все уже есть, надо только грамотно их применять».
- {*2} К 8.00 13 января 1984 года отряд в составе усиленной роты 177 отдельного отряда специального назначения с приданными танковым взводом и двумя ротами афганской армии блокировал кишлак Вака в районе Суруби с задачей обнаружить и захватить караван из 20 вьючных животных с оружием и боеприпасами, который по данным агентурной разведки прибыл туда накануне. В ходе прочесывания данные не подтвердились, и к 15.00 отряд со всех сторон был окружен бандформированиями. С наступлением темноты афганские подразделения самовольно оставили указанные им позиции и ушли. В результате только после полуторасуточного тяжелого боя при поддержке артиллерии и авиации отряд смог выйти из района проведения специальной акции.
- {*3} Аналогичное предписание № 5 было одновременно отправлено Ф.Ф.Винценгероде.
- {*4} Над словом «партизан» приписано: «летучий отряд».
- {*5} Далее зачеркнуто: «и более ночью; днем скрываться в лесах».
- {*6} Одновременно аналогичные сообщения М.И. Кутузов отправил начальникам партизанских отрядов И.М. Вадбольскому и А.С. Фигнеру.
- {*7} Ф. Гершельман — Генерального штаба полковник, начальник Оренбургского казачьего юнкерского училища.

{*8} Выписка из сношения начальника штаба походного атамана при Его Императорском Величестве от 29.4. 1916 г. 145.

{*9} Грейфенберг Ист.: Fall Barbarossa, S.260–261.